

Николай Грицай

105
Дней

Николай Грицай

105 Дней

«Издательские решения»

Грицай Н.

105 Дней / Н. Грицай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938825-4

Наше время. Многоликий мир, но после случайной встречи его и её, голой незнакомки, на пустынной ночной трассе мир сузился до двух индивидуальностей, тяготеющих друг к другу. С этого момента его, русского эмигранта в Америке, жизнь уже не будет такой, как прежде. Но если где-то прибывает, то в другом месте — убывает. Этой загадкой занят детектив полиции, расследуя исчезновение девушки, появившейся в другом месте в виде вполне живой таинственной женщины.

ISBN 978-5-44-938825-4

© Грицай Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Пролог	6
Глава I. Новая жизнь	8
8.20 ам 22 апреля	8
Глава II. Fio, ergo non sum ²	14
Глава III. Пропажа	18
Глава IV. Первый день – первый луч Солнца	22
Глава V. Форрест Гамп	28
Глава VI. Все-таки человек... наверно	34
Глава VII. Сложности. Психологический портрет	44
Глава VIII. Попал в поле зрения	49
12.11 pm., 6 мая	49
Глава IX. Отвлечение работой	56
Глава X. Тесный мирок одного фургона	62
11.41 ам, 13 мая	62
Глава XI. Прояснение	66
10.05 ам, 22 мая	66
Глава XII. Продуманное продолжение. Вторжение	74
9.15 ам, 24 мая	74
Глава XIII. Друг Оуэн	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

105 Дней

Николай Грицай

© Николай Грицай, 2018

ISBN 978-5-4493-8825-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Solus cum sola non cogitabuntur orare «Pater noster»¹

¹ Мужчина с женщиной наедине не подумают читать «Отче наш» (встреч. у Виктора Гюго)

Часть I

Пролог

Как много раз мы представляли, а может и не представляли, стараясь избегать этой темы до конца, в своем воображении. И лишь немногие из нас, осторожно, лишь в уме, про себя, вне себя, превзойдя страх и необъяснимое омерзение заглядывали *туда*, пытаясь вообразить, что же это такое и каково оно может быть. Теперь же, когда *это* все, очевидно, уже близко, когда человечество словно чувствуя, взбесилось, отпустив тормоза, летя навстречу томительной неизбежности, края неизвестности приподняты – и мы, откинув страх и робость первого шага, делаем смелую попытку разобраться в произошедших событиях, купив билет в первый ряд.

Истекшее время, как часы бомбы с временным механизмом, заканчивало свой ход, делая шах и мат в партии длиной в жизнь. Неизвестно, кто сделал первый ход, и были ли это белые фигуры, одно точно известно теперь – партия закончилась не в нашу пользу. Надо признать, что хотел бы посмотреть на человека, который поставил бы под сомнение такой исход, с учетом того, сколько тактических и просто от неопытности, наделали мы лишних и неправильных ходов, что и привело к описанным событиям. Перед падением насмерть короля поздно уже что-то менять. Теоретически, еще можно попытаться что-то исправить, но это, скорее, растянет агонию. Теперь-то точно знаем, что все, даже сами последние лгуны осознают правду, лишь бояться или не хотят ее озвучивать, вплоть до того что лгут сами себе, спасаясь от собственного сознания. Лишь осознание неизбежности и неотвратимости скребет душу непониманием и внутренним сопротивлением, злым и горячим, но, увы, бессильным. Каковым всегда и было.

Многие представляли *это*, даже описывали, дая плоды своего воображения всем желающим и интересующимся, но, как зачастую бывает, все произошло не так, как кто бы то ни было мог предположить, быстрее и масштабнее. Вероятность была будто далеко – завтра, в крайнем случае послезавтра, и значит есть еще такие долгие два дня, а потом еще и мучительный процесс... Так что занятое веселым времяпрепровождением человечество даже не успело ничего сообразить, не ожидая коварного удара с такой стороны, посматривая все вверх. В эпоху глобальной глобализации всего глобального, когда объединено и укрупнено все то, что несовместимо даже в принципе, века телекоммуникаций и сверхсветовой скорости распространения последних новостей, зачастую, ложных, пустых и никчемных, оно вовсе не заметило тех маленьких изменений приведших к большим последствиям. В последнюю секунду, возможно, показалось, что нас обманули, не дав второго шанса. Признаться честно, как непосредственный участник *этих* событий (в принципе, как и все остальные) в последний миг я подумал, что не нуждаюсь в оскорблении предоставлением последней попытки, поскольку имел достаточно этих самых шансов в течение жизни, но не воспользовался ни одним. Так мог ли меня спасти этот действительно последний? Что же, времени осталось лишь, чтобы дать один короткий ответ – неважно, положительный или отрицательный. Но его хватило лишь на то чтобы родить в пространство еще один жирный вопрос – а надо ли отвечать? Зачем нужно это здесь и сейчас? И нужно ли вообще?

Как всегда, время было благосклонно, терпеливо выждав постановку даже не одного, а нескольких вопросов, которые так и останутся без ответа вовеки. Впрочем, ответ имеет значение в случае интереса или поучения, но не в пустоте. Поэтому, осознавая всю ответственность оставления их в вечности неразрешенными, предадимся воспоминаниям, пронсясь ураганом образов и отрывков фотографических моментов жизни по бездорожью истории. Столь

длинные две секунды, как вечность, позволят сделать мне последний акт. И останется еще полсекунды на жизнь и на раскрытие тайны *этого*. Как много!

Глава I. Новая жизнь

8.20 ам 22 апреля

В эту пору года здесь всегда такая погода, – ветреная, но довольно теплая как для середины весны. Деревья за окном гнулись, и, наверно, стонали под сильной рукой Зефира, играющего с ними как с послушными игрушками, не обращая внимания на их плач и стон о пощаде. Безжалостному ветру было все равно, как и человеку, наблюдающему эти страдания через окно, скрывающее стоны и мольбы деревьев, погруженных поневоле в дикий танец. Лишь безумные, причудливые образы телодвижений проходили сквозь бездушное стекло. Концы кроны клонились вперед и назад, творя низкие поклоны и пытаясь снискать пощаду, уповая на стволы, которые делали свое дело, впиваясь все сильнее в спокойную и умиротворенную почву, хранительницу благ и жизни, дарующую покой и стабильность.

Давно взошедшее солнце, проливаясь огнем в пространство, лишь усиливало мучения растений, занятых, словно кроты под землей, скованной бетоном, поиском живительной влаги, необходимой как квинтэссенция существования, жизни и процветания, радости перерождения в молодых побегах, и ощущения, что все что было, – было не зря. Впрочем, в этом, Божьем мире, вряд ли может быть что-то зря, разве что только сам человек как всегда ошибочно определит для себя и всей остальной живой и не живой материи ее ценность и значимость через категорию «прошедшее зря или на пользу» зачастую неправильно отражая сущность всего окружающего в запылившихся в последнее время донных зеркалах души. Если же что-то упорно нам кажется пустяшным, зрячим, не нужным – то, скорее всего дело не в этом явлении, а в нас самих, не постигнувших их истинного предназначения и смысла. И дай Бог, чтобы он открылся нам, хотя бы в конце жизни.

«Пора на работу! Хватит философствовать...» – подумал человек, отрываясь от большого прямоугольного окна почти на всю стену, поднявшись с офисного кресла, которое со скрипом выдохнуло. Мужчина, 36 лет, немного помятого вида не стал выключать компьютер, за которым просидел полночи, уходя.

Не собираясь, не причесываясь и не умываясь, он просто заглянул в зеркало и, поправив клочок волос, прошел в коридор за ключами от машины. Взяв джинсовую куртку и уже было собрался ее надеть, вспомнил, что работает в «серьезной» организации, как любил говорить его шеф, и, повесив ее обратно, взял пиджак. Достав из кармана куртки водительское удостоверение, мужчина машинально глянул на него.

Вверху красовалось «CALIFORNIA», но не это интересовало мужчину, а имя их обладателя. «Dimitry Astahov» – вновь разбудила старые чувства, надрезав едва затянувшуюся сухой коркой ранку, надпись.

– Какой к черту Димитрий? – в который раз пронеслось в голове, – как будто грек какой-нибудь, говорил же, как правильно, нет, все по-своему сделали. Еще и фамилию усложнили. Как-то все не так... как мечталось.

Дмитрий бросил удостоверение во внутренний карман, вышел на улицу. Было хорошее, солнечное утро. Если бы не приличный ветер, запутавшийся в вершинах деревьев, и тщетно пытавшийся вырваться, раскачивая их, было бы даже жарко. Впрочем, обычное утро пригорода Окленда, округ Аламида, Калифорния.

Машинально осмотревшись, и не увидев никого из соседей, Дмитрий подошел к своей машине. Его Форд, не старый, но и не новый, обошелся довольно дешево, и, будучи экономичной машиной, вполне удовлетворял хозяина. Конечно, хотелось большего, но для четвертого года эмиграции, и это было вполне прилично – машина и даже дом (пусть скромный, зато соб-

ственный). Так думал Дмитрий по дороге на работу, которая даже на машине занимала около получаса.

Часть дороги проходила по возвышенности, с которой влево открывался отличный вид на Кремниевую Долину, такую заветную и сладкую, как мечта, что завела странника так далеко от дома. Эта долина для Дмитрия не была скоплением городов и городишек, Пало-Альто или Сан-Хосе или еще чем-то, она было просто Долина, Мечта... Уже совсем такая близкая, но все же еще далекая. Оторвавшись от этого вида, Дмитрий посмотрел прямо, где далеко, но уже различимо, в дымке, виднелся даунтаун Окленда, его места работы.

– Да, это не Долина, – подобно герою Ильфа и Петрова подумал он. – Но довольно близко. Кто знает? Может быть, скоро найду что-нибудь приличнее и поближе, или в самой Долине?

Надо признать, что такие вот самоутешения в последнее время звучали в голове у Дмитрия все чаще. И касались все большего спектра вещей. Не то чтобы новая жизнь не удалась, нет. У него была вполне сносная работа, жилье, он хорошо уживался с новыми коллегами в чужой стране. Даже иногда по праздникам его звали соседи в гости. Но все, же чего, то не хватало, хотелось большего. Может быть, просто слишком ослепительные картины рисовало воображение там, дома, в родном краю перед подачей документов в консульство. «Я, программист, со стажем работы над сложными проектами. Специалист по искусственному интеллекту! – гнало его воображение, – да неужели я не найду работы? Не приживусь и не достигну успеха?». Где-то глубоко в подсознании Дмитрий знал, что не просто может, а будет совсем все иначе, и всего придется добиваться постепенно. Мечта же была слишком яркой и засветила голос разума. «В общем», – заключил Дмитрий, – «я знал, на что шел!»

Вдруг, его задумчивость прервала нестерпимая боль в животе, отчего закружилась голова и свет померк в глазах. Чтобы не попасть в аварию, остановился, съехав на обочину.

– Ого, а еще говорят, что славяне упиваются до потери сознания! – тут Дмитрию вспомнился вчерашний вечер, когда он с коллегами, друзьями, устроили вечеринку с девочками. Нет, Дмитрий не пил много, зная, что завтра на работу, просто пили непонятно что, даже еще возможно курили что-то, точно не помнил. Сознание просветлело лишь только когда, придя домой, буквально плюхнувшись за компьютер, тщетно пытался туманной головой понять, сколько же время сейчас там, «у нас», чтобы связаться с кем-нибудь из оставшихся так далеко, как будто в прошлой жизни, тезкой Димкой, Лехой и Наташкой.

Внезапно, Дмитрия посетила еще одна мысль, от которой он содрогнулся, и сглотнул слюну, сильнее схватив руль:

«Точно помню, что вчера были какие-то женщины, такого, облеченного поведения, кажется четверо, – когда они пришли мы уже были укуренные. И хоть убей, не помню, использовал ли я защиту? Этого еще не хватало... подцепить чего-нибудь. Тогда все, накрылась моя мечта» – он машинально глянул влево, через дорогу, где лежала такая большая и вся зеленая от растительности, залитая светом калифорнийского солнца, Долина.

Пронесшийся мимо автомобиль шуршанием шин по асфальту вывел человека из анабиоза задумчивости. Он прислушался – в животе закончилась война, и бы подписан мир. Голова тоже порадовала трезвостью и тишиной – можно было ехать, поскольку уже и так опаздывал. Домчавшись до работы без приключений, Дмитрий быстро взбежал на третий этаж, где находился его отдел программистов поддержки небольшой софтверной компании. Он никогда не пользовался лифтом. Да и зачем? Третий этаж...

Вспомнился Нью-Йорк, его первый американский город, в который он попал сразу после эмиграции. Вертикальные стены, – зеркальные и каменные, темные от времени и пыли, и совсем новенькие, только что возведенные. Люди знакомились в лифтах, по дороге на работу, свой этаж или отдел. Нью-Йорк вдохновлял, впечатлял и гнал вперед к осуществлению мечты. Подгоняемый эйфорией, Дмитрий быстро нашел работу, почти такую же, как здесь, в Калифорнии, у «подножия» его Кремниевого «счастья». Мелкая компания по производству раз-

нообразного прикладного софта нуждалась в таких вот молодых и амбициозных «талантах». Но Дмитрию быстро надоело писать «утилиты», твикеры и «клинеры», считавшим, и в принципе, небезосновательно, себя способным на большее. Хотелось вызова, сложностей. Через полгода, он полностью осознал, что в Большом Яблоке он не сможет найти большую работу по специальности, – «ориентация» города была немного другая. Да и к тому же зима! Он, без преувеличения, ненавидел зиму, даже там, дома.

Дмитрий был вынужден, по велению мечты, опять «эмигрировать» в поисках себя в новом мире и Калифорнии. Оказалось, что в Долине уже все забито, и даже очередь на десять лет вперед, и что самое главное, все эти претенденты ничем не уступали по амбициям и таланту его, а, возможно некоторые и превосходили. Чтобы свести концы с концами, пришлось устроиться на работу в ту фирму, в которой он вот уже три года успешно работает, в тоже время рассылая резюме в известные фирмы-бренды, входящие непосредственно в структуру Долины. К тому же, старался выполнять свою сегодняшнюю работу качественно, творчески и быстро, считая, что таким образом можно привлечь внимание более крупных акул бизнеса. Вот только реакции со стороны руководства своей фирмы, пока что он с прискорбием, не замечал.

Зайдя в главный зал, где находились огороженные углы, в которых как в клетках сидели программисты, он увидел своих коллег и по совместительству друзей, уже бывших на рабочих местах. Он прошел к своему месту. Компьютер его работал. Коллеги и вчерашние «собутельники» улыбались.

– Опаздываешь? – загадочно спросил Клайв, улыбаясь своим полноватым лицом, и подмигивая другому мужчине, Оуэну, выглядывающему из-за своей перегородки. Клайв считался, или его считали лучшим другом Дмитрия, и заводилой этой узкой компании из троих мужчин. – Я включил твой компьютер, поскольку шеф искал тебя, витая коршуном над нами... и если бы увидел что тебя нет... даже не знаю, чем оправдаться! Но я сказал, что ты вышел на пять минут! Поспеш, а то он уже наверно заждался.

Дмитрий бросил портфель на стол, стал поправлять воротник рубашки, готовясь к встрече с шефом, размышляя, о чем может идти речь. Может об *этом*?

– Ну, ты как вообще? – полусерьезно полушутя спросил Клайв. Он сидел, развалившись на офисном кресле, подбрасывая и ловя новенькую пачку сигарет. Дмитрий же стоял, и они прекрасно видели друг друга из-за перегородки. – Что-то вчера неважно выглядел... А еще русский называется!

– Да, – протянул Дмитрий, – у меня мало практики в таких делах.

– Ну-у, – это поправимо! – поймав очередной раз пачку, заверил Клайв. Из-за соседней перегородки хихикнул невидимый Оуэн. – А мы еще и позже просидели... и уже на рабочем месте.

– Если бы я жил в пяти кварталах отсюда – может вообще только двадцать минут назад проснулся бы! – возмутился Дмитрий. Клайв сделал круглые глаза и покрутил головой:

– Так переезжай! Ты парень рискованный...

– И на том спасибо. Я к шефу!

– Нас не забудь вспомнить, передай, – своей успешной работой ты обязан друзьям, то есть коллегам! – показался из-за перегородки Оуэн. Точнее только продолговатое, выбритое лицо. Его светлые волосы были небрежно уложены. Свидетельство бурной ночи. У него было странное свойство – он улыбался только губами, если же убрать их, то невозможно было определить ни по глазам, ни по другим частям лица, шутит он или нет.

Кабинет шефа находился на четвертом этаже. Поднявшись и пройдя по стройным рядам таким же кабинок, как и на третьем, но для программистов рангом повыше, Дмитрий подошел к кабинету начальства. Но сзади его окликнула секретарь, указав, что сейчас входить нельзя и что начальник скажет, когда можно. Долго ждать не пришлось и, освободившись, шеф позвал Дмитрия.

Это был высокий, выше 6 футов роста мужчина, 48 лет, с продолговатым, узким лицом, еще молодым, но уже имеющим достаточно морщин. Крупный нос помещался поверх тонких, почти бесцветных губ. Карие глаза были прищурены, смотря на мир через тонкооправные прямоугольного стекла очки. Редкая светлая шевелюра была почти всклокочена. В общем, смотрелся начальник внушительно.

Мистер Джером Бойл, именно так представляла табличка на столе у начальника, зеркальная и основательная, стоявшая как постамент посередине, ближе к противоположному краю от ее обладателя. Как и любой, чрезвычайно занятый, но вынужденный уделять внимание простым смертным, начальник, Бойл, не отрываясь от изучения бумаг, пригласил Дмитрия сесть. Тот повиновался, и, устроившись поудобней, быстро осмотрел кабинет начальства. Все скромненько и по необходимости. И так не менялось годами. Все было точно также как и в тот первый раз, когда он вошел в этот кабинет. «Да, это не Нью-Йоркский офис на 46 этаже!» – подумал, точь-в-точь как полчаса назад в машине. – «Кто знает, может быть вот этот напыщенный человечек также как и я мечтает о чем то большем... офисе на 7-й авеню и 46 этаже с видом на...» – но не успел закончить мысль, течение их перебил шеф:

– Ваша работа – впечатляет! – заключил Бойл, отрываясь от бумаг. Видимо это были сведения о работе персонала компании. Он помолчал, разглядывая своего подчиненного. Затем:

– Знаете, честно, откровенно, – доверительно произнес босс, продолжая рассматривать Дмитрия, – вы мне нравитесь больше чем некоторые из *местных*. В вас есть задор, энтузиазм, рисковость, наконец! Вы не работаете, чтобы просто работать, вы работаете с целью! А когда растет сотрудник, – растет и компания! – завершил логическую цепь Бойл. Затем отложив кипу бумаг и сняв с переносицы такие идущие ему и уважающие его очки, продолжил. – Что же, буду честен до конца. Наша компания это не гигант отрасли, и даже не середняк ее. Но мы ищем свое место под солнцем и у нас есть свои клиенты, очень влиятельные персоны и корпорации. От их удовольствия, или же не удовольствия, зависит судьба нашей компании, а значит и карьера каждого работающего в ней. Ну, это и так очевидно. Главное что бы вы продолжали в том же ключе, росли все больше и больше и я гарантирую вам карьерный рост. Возможно даже не в нашей компании. Осенью этого года, я буду на одной известной it экспо в Сан-Франциско, у меня там много знакомых, менеджеров действительно больших компаний из Долины, и мы ежегодно встречаемся там. И они постоянно спрашивают меня о наличии перспективных людей в нашей отрасли, так сказать по рекомендации. Следует сказать, что идеология нашей компании никогда не могла себе позволить удерживать силой перспективного работника, который может пригодиться другой, более крупной фирме. Это наша стратегия и цель – взрослея как специалист, двигаясь к цели, мечте, работник ведет и наше общее детище ввысь, к новым вершинам! – он приостановился, чтобы набрать воздуха. – И знаете, это психологически действенный механизм, так сказать наша изюминка. Вы понимаете, о чем я?

Дмитрий кивнул, и пожелал про себя, чтобы шеф скорее перешел к главному. Что тот и сделал:

– Но для того чтобы получить рекомендацию, нужно обратить на себя внимание – талантом или чем-нибудь еще! Вы выделяетесь всем – и пунктуальностью и профессиональной чистоплотностью, и даже не без таланта... – Дмитрий поежился, – неловко прозвучало. – В общем, у вас есть все, чтобы не останавливаться на достигнутом! И вот, я прошу вас пройти, возможно, последний экзамен для карьеры успешного, высокооплачиваемого программиста. Вот! – Бойл взял тугую папку бумаг и несколько дисков, все это время лежавших у него на столе по правую руку. – Вот, небольшое задание вам, и одолжение нашей фирмы родственной компании. Это техническое задание и описание необходимого результата одного интересного проекта с применением идей искусственного интеллекта... Это кажется по вашей специальности и увлечениям? Вот и хорошо! От вас требуется лишь разработать общий механизм работы, алгоритм и описать базовые конструкции, так сказать в общих чертах... Естественно, эта вне-

плановая работа не останется незамеченной и в финансовом плане, не говоря уже о карьерном аспекте! Договорились? Вот и чудесно...

Закончив свою блистательную речь, Бойл видимо остался собой очень доволен. Откинувшись на спинку кресла, он всем своим видом показывал, что он закончил и что хотел бы остаться один. Дмитрию тоже не очень хотелось дальше оставаться здесь, – он получил не совсем то, на что надеялся. Скрывая ироническую улыбку, поднялся. Впрочем, он уже привык, с ним это теперь часто происходило. «Раскланявшись», Дмитрий удалился, погружившись в мысли. Переведя на простой английский, без сиропа высоких речей, его разговор с шефом выглядел примерно так: «Ты парень тут поработай внеурочно, а мы тебе на крайний случай подбросим денюжат... немного, ну может в размере месячной зарплаты, которая чудесным образом подпадет под премию. И еще может быть, если не забуду когда буду в Лас-Вегасе или Сан-Франциско вспомню о тебе на какой-нибудь попойке. А мы же сострижем денюжат с „родственной“ компании за такой труд! Тем более за „алгоритм работы и базовые конструкции“ искусственного интеллекта!» Да это большие, потенциально, деньги, – подумал Дмитрий, спускаясь вниз на третий этаж. Но контракт с компанией так устроен, что вся интеллектуальная собственность, созданная им, Дмитрием Астаховым, подневольным программистом, во время действия этого контракта, принадлежит ей. К сожалению, отказаться уже было поздно.

Не хотелось говорить обо всем этом Клайву и Оуэну, что напрягли дармовщиной, решил промолчать. И войдя в зал третьего этажа, Дмитрий принял наиболее непринужденное выражение лица, какое только позволяло ему его актерское мастерство.

Коллеги работали, или делали вид. Он не стал всматриваться. Сел за свой стол и хлопнул полученной папкой по столу. Диски выпали из нее, он небрежно вложил их назад.

– Неужели все настолько хорошо? – послышалось из-за перегородки, на которой висел календарь и за которой должен был находиться Оуэн. «Началось» – подумал Дмитрий. Потянув немного время, решил все-таки не отвечать.

– Помочь переехать на четвертый? – теперь не выдержал Клайв. В голосе слышался смех.

– Чуть позже, – бросил Дмитрий, не зная с чего начать: с повседневной работы или попытаться избавиться от внезапно навалившейся работы быстрым ударом интеллекта в лоб.

– Ну, ты если что не забывай нас... – несло из-за перегородки, перемешанное стуком клавиш. «Опять в чате сидит!» – мелькнуло у Дмитрия. – «Код так быстро не пишется...»

– А как же, забудешь!

– Да ладно тебе, – появилось лицо Клайва над перегородкой, – не ты первый и не последний. Я, например, здесь уже семь лет работаю, – и ничего, живой. Что наобещал наш чудесный шеф? Рост карьеры?

– Это его любимое блюдо, он подает его горячим! – подтвердил Оуэн. – Сегодня уже человек десять обработал. И лишь один купился...

– Я не «купился», просто неохота было зарываться в диспут.

– Расслабься, – пробормотал Клайв Дмитрию, – это он не про тебя, а про того ботаника с четвертого – Джека Барби. Девять человек с его отдела сидят примерно как ты, в задумчивости от внезапно свалившегося счастья, а он бегаёт, исполняя работу, и уже наверно видит себя в кресле Бойла. Рождаются же раз в триста лет такие идиоты?

– Гораздо чаще, – заверил из-за перегородки Оуэн. – Кстати, хочу тебя ободрить! Все не так страшно, может даже прикольно: это в своем роде доверие, ведь Бойл не хочет оказаться болваном, поставившим свою репутацию на кон, отдав проект серьезного левого заработка профану? Вот, например, нам с Клайвом никогда ничего такого не преподносили.

– Более того, – нам даже доплачивают, чтобы мы держались подальше от серьезных проектов! – подтвердил, не без улыбки, Клайв. Затем он, завидев кого-то вдалеке, над всеми перегородками, опустился в свой угол. Такие подбадривания, признался себе Дмитрий, не очень помогли. Перспектива остаться на рабочем месте на ночь перебивала все позитивные моменты.

Если, они конечно, были. В ситуации эмоционального тупика, Дмитрий подсознательно выбирал нечто более свежее, позволявшее сосредоточить больше ментальных сил для решения навалившейся проблемы. Иными словами, Бойл все же был неплохим психологом, по его же собственному признанию, поскольку знал, что Дмитрий обязательно возьмется за дармовой труд и обязательно в первую очередь.

Рабочий день, погруженный в атмосферу спешки и скомканности, промчался быстро. В конце его, Клайв и Оуэн, сочувственно похлопав друга-Дмитрия по плечу и прихватив третьего – охранника Исмаила, удалились дальше жить своей американской жизнью. Другой новый американец, остался в пустом офисе, доделывать работу.

На восьмом часу разбора алгоритмов и описаний переменных, Дмитрий вдруг заметил, что работа, которую ему подкинули, не такая уж и простая. Сказывалось, что он давно не занимался проблемами ИИ. Впрочем, работа продвигалась, но медленно. Где-то уже за полночь, оторвавшись от монитора Дмитрий, осмотрел туманных взглядом пустой, полутемный офис, и почувствовал себя одиноко. Поддался пленительному желанию бросить все сейчас же.

Поднялся и вытянулся во весь рост, отчего хрустнули позвонки и еще какие-то суставы помельче, о нахождении и названии которых Дмитрий и не подозревал. Снова осмотрелся. Тишина и покой офиса, казалось бы, навевали спокойную рабочую атмосферу, особо творческую, созданную для продуктивной работы. Но только не уставшему телу хотелось вот именно сейчас вить из себя нитки разумных идей и что-либо делать. Удивительно было то, что только он остался доделывать задание, все другие «осчастливленные» уже были в других местах.

За окнами чернела ночь и желтые пятна фонарей, достававших макушками как раз к третьему этажу. Там, за окном, была спокойная ночная жизнь, прохлада и бриз залива, – здесь духота и запах пластмассы, нагретой десятками компьютеров.

Дмитрий так устал, особенно душевно, что даже не хотел ехать домой сам, пять минут размышляя, вызвать ли такси или все же решится на последний рывок этого дня, точнее прошедшего, но плавно перетекшего в суматоху нового. Решив все-таки самому добираться, пошел к выходу, взглянув на часы. Осознание того что через несколько часов снова сюда возвращаться сожгло последние силы. На удивление, Дмитрий совсем не спешил. Шел медленно, словно считая ступени лестницы, невзирая на то, что крадет у себя драгоценные минуты отдыха. Но спешка была для него теперь еще преступнее, чем промедление. И на то были свои причины.

Глава II. Fio, ergo non sum²

01.12 ам, 23 апреля

Попрощавшись с ночной сменой охранников, ошалевший от всех этих переменных локальных, глобальных, и просто уже смешавшихся, от функций и классов, Дмитрий шел по нежной прохладе паркинга. После духоты офиса, наполненного теплым, насухо высушенным, круглосуточно работающими компьютерами, пропитанного запахом нагретой пластмассы, воздухом, лишь отдаленно напоминающем дыхательную смесь, было приятно пройтись по свежему воздуху. Чувствовалось дыхание океана, или может быть залива Сан-Франциско. Неважно, было просто чертовски приятно. Не хотелось садиться в душную машину, накопившую тепло за день, и теперь бережно его хранящую, чтобы отдать севшему в нее. Решил открыть свое, водительское, и задние окна. Нужно было ехать домой, чтобы выспаться и завтра снова погрузиться в этот, честно говоря, начинавший поднадоедать, мир алгоритмической чепухи.

Пронесшиеся лишь на мгновение, такие мысли не могли не напугать Дмитрия. Его специальность, – единственное, что он мог, и мог хорошо и чем был интересен здесь, во все еще новой для него стране больших возможностей маленьких людей. С этой специальностью он связывал свое будущее и карьеру, – и вдруг такие мысли! Именно это умение позвало и дало надежду, когда он только задумывался об эмиграции. Начал искать оправдание такой ситуации, – усталость, конвейеризм, спешка. Не было времени остановиться, подумать, отшлифовать сделанное, выдав на выходе, как хорошо написанная функция заранее известный правильного типа результат. Но, к сожалению, в современном мире программирования шедевры уже почти не нужны, – нужен результат в срок указанный заказчиком, и для его соблюдения можно воспользоваться собственноручно сделанными библиотеками или же, уплатив денежку, пользоваться чужим трудом. Именно отсутствие свободного, прежде всего во времени, творчества и порождали такое уныние и апатию. Но лишь иногда, поскольку временами времени не хватало времени чтобы осмотреться, не то что унывать и хандрить. Ритм жизни диктовал свои законы, и не прислушиваться к которым нельзя было, – можно было остаться за бортом, потеряв нити мечты.

Дмитрий еще немного постоял под прохладными потоками, выкурив сигарету. Сел в машину, неохотно взглянул на здание, маячащее несколькими горящими окнами офиса где он работал, и, заведя машину, поехал домой.

Через открытые окна салон заливало прохладой, ветер метался по всем укромным местам, игрался с безделушкой, висевшей на зеркале заднего вида. Была так приятна эта прохлада и тишина окружающего мира, лишь тихие звуки из динамиков, нарушавших абсолютную тишину, пели голосом Боуи, приглашающего кого-то потанцевать... Дмитрий не был поклонником таланта этого исполнителя, но здесь и сейчас он звучал просто великолепно.

Умиротворение и спокойствие, казалось разлилось по миру и уставшей душе человека, утомившегося, лишь чуть-чуть, на мгновение, от погони за птицей счастья.

Дмитрий почти совсем сбросил скорость, чтобы подольше побыть в этом блаженстве отсутствия спешки, столь желанном в последнее время состоянии. Это состояние и хандра, пройдет, завтра он снова будет добрый улыбочивый и приветливый – здесь так любят. Он спрячет свой внутренний мир глубоко-глубоко, так что даже иногда и самому будет сложно его отыскать. А сейчас, всего-то минута слабости, минута человеческой слабости и немощности в этом быстром, рациональном, бесчеловечном, но таком любящем поговорить о добре и благословении, мире.

² Я создаюсь – меня еще нет (встреч. у Вяч. Иванова)

Спидометр тихо отщелкивал мили-километры, словно пересчитывая разделительные линии на асфальте, иногда переходившие в сплошную. Вот Дмитрий проехал то место, где он сегодня... нет, уже вчера останавливался, чтобы прийти в себя. Да, он определенно любил именно вот этот участок пути на работу. Возможно из-за вида открывавшегося с него? Справа мелькали огоньки габаритов ограждения, за которыми была пропасть. Еще дальше, за черной пропастью, была она, мечта, мелькавшая тысячами огней, мерцавших словно миллионы светлячков приземлились в темноте. Где-то гуще, где-то реже...

«Странно, – неслось в голове у Дмитрия вместе со столбами ограждения, – живу в самом населенном городе Долины... ну может не в самом городе, и не Долины... Вот черт, снова мысли путаются и сбиваются... Только начинаешь думать, как тут же встрянет это *но!*»

Дмитрий отвлекся от управления лишь на секунду или может чуть больше, но этого хватило чтобы потерять из вида путь перед ним.

После того как в его голове проскочила последняя мысль о вреде *но*, как тут же его боковое зрение увидело нечто белесое, отливающее белизной при свете фар, быстро приближающееся навстречу по его полосе движения. Моментально повернув голову по направлению движения, оторвавшись тем самым от гипнотического вида долины, Дмитрий заметил, что это была фигура человека, точнее женщины. Дмитрий ехал почти медленно, но и этого было достаточно чтобы столкнувшись выбросить ее за ограждение.

Дмитрий мгновенно выкрутил руль влево, выкатился на встречную полосу, даже не посмотрев по сторонам. Смотреть было некогда – как только его машина оказалась на встречной полосе, в боковом пассажирском окне пронеслась фигура странницы. Что это была женщина, испуганный водитель увидел сразу – такую фигуру невозможно было принять за мужскую, – она была почти идеальна. Да, идеальна, это бросалось в глаза при первом же взгляде... и женщина была абсолютно голый.

Объехав небрежного пешехода, Дмитрий съехал на обочину встречной полосы и остановился. Сердце бешено билось, отдавая ударами в голову. Секунду отдышавшись, он сначала, инстинктивно посмотрел в зеркало заднего вида, – и ничего не увидев, развернулся и стал вглядываться в темноту позади машины.

– Черт, что это было? – бросался фразами испуг в его сознании. – Да еще и голая...

Последний факт почему-то вдруг засел в мозгу особенно четко. Подхватив его, воображение нарисовало непонятную, страшную картину бедной, обиженной женщины, того, что заставило ее гулять вот так, *голой* посреди трассы и ночи!

«Может ее кто-то... обидел? – Дмитрий не смог даже про себя вымолвить это слово, настолько оно было ему противно, особенно здесь и сейчас. Но, как бы ни было ему противно, вдруг захотелось подсознательно, чтобы это именно было так. Ему непременно захотелось защитить, приютить, согреть и утешить бедняжку, стать ее спасителем.

Тем временем странница приблизилась, так же беспечно плывя в темноте, озарившись красным светом стоп-фар. Дмитрий не знал, что делать. Сделать хотелось многое, и было страшно. Собравшись, он вышел из машины и, не окликнув странного пешехода, лишь оглянувшись по сторонам, пошел неуверенно за ней. Ему почему-то представилось, что когда он подойдет к *ней*, то обязательно увидит измученное, безразличное лицо, на которое брошена маска скорби с потоками черного сожаления смытого слезами.

Женщина шла медленно, и он быстро ее догнал. Тихо окликнул, – ничего. Идея о страшном горе у нее, начинала становиться реальностью, так казалось.

Подойдя вплотную, Дмитрий снова позвал ее, и снова ничего не получив в ответ, набрался смелости, взял за локоть и повернул женщину вокруг оси, лицом к себе. То, что он увидел, настолько поразило его, что он, отдернув руку, на несколько секунд замешкался, всматриваясь.

Фигуры людей были чуть впереди стоящей на обочине машины, и они могли друг друга видеть очень хорошо в свете фар.

Женщина была просто идеальна. Идеальным было все – и тело, и кожа и лицо. Она была достаточно высока и стройна. С грустью и в то же время с радостью, Дмитрий отметил, что на лице женщины не было и намека на эмоции, нарисованные его перепуганным сознанием. Лицо было умиротворенно чистым, беспросветно детским и простым, с улыбающимися серыми глазами и великолепным носиком. Ветер игрался кудряшками светлых волос, поднимая их кончики с плечей и вздымая в небо. Засмотревшись, Дмитрий, возможно, выглядел как идиот, или человек ни разу не видевший голой женщины. Нет, он просто был поражен простотой и непосредственностью этого существа, так улыбчиво безучастно смотрящего своими бездонными глазами в его глаза.

Пауза затянулась на полминуты. Опомнившись, Дмитрий еще раз осмотрелся, – ведь они стояли на дороге, и могли стать жертвой более неосторожного вождения. Он поспешил:

– С тобой все в порядке? Что ты здесь делаешь? – от волнения и спешки он исковеркал английские слова, перейдя на страшный акцент, хотя всегда прекрасно говорил на английском. Женщина продолжала стоять молча, с гуляющей улыбкой смотря на допрашивающего. Потом, словно что-то вспомнив, по глазам пробежала тень, и улыбчивость исчезла:

– Де-ла-ешь... – членораздельно произнесла она.

– Да, да! Что с тобой? Нужна помощь?

– Помощь... – так же безразлично повторила последнее слово вопроса женщина, или девушка, разделяя слова взмахами пышных ресниц – Дмитрий совсем не смог уяснить, сколько же ей лет по ее виду, как ни старался. Ее голос был высок и тонок, как скрипичный, и так же приятен и сладок. Дмитрий разочарованно выдохнул, разведя руками, выражая свою растерянность, еще раз осмотрелся, – машин не было видно.

«Может она иностранка... не знает языка? Ага, и как же она сюда попала?» – спрашивал и отвечал сам себе Дмитрий. – «Из космоса?» – он подозрительно посмотрел на все так же смиренно стоявшую белоснежную фигуру. – «Фу-у, чушь!» Вдруг он понял, что сейчас ничего не добьется от этой ходячей необъяснимости и, взяв ее под руку, повел к машине. Женщина совсем не сопротивлялась. Пока он ее вел, держа за руку, заметил, что та горячая, как для голого тела в прохладе ночи. Впрочем, он уже не удивлялся, – эта его новая спутница просто таки состояла из странностей.

Усадив пассажира на заднее сидение, хотел было дать ей свой пиджак, чтобы прикрылась, но с досадой вспомнил, что оставил его в офисе. Выругавшись про себя, Дмитрий снял рубашку, оставшись с голым торсом (никогда не любил майки под рубашкой). Подал одежду женщине, наблюдая за ее реакцией, – она не знала, что с ней делать. Опять, не удивившись, Дмитрий наклонился, полузайдя в салон, стал одевать странницу, поочередно вдевая ее руки в рукава. Она снова не сопротивлялась, лишь с интересом рассматривая суetyающегося человека, возможно впервые бывшего так близко.

Дмитрий, одевая ее, тоже присматривался, но украдкой, аккуратно. Ему вдруг стало стыдно пользоваться положением и прямо рассматривать ее. Застегивая пуговицы, он не без удивления отметил, что женщина не пахла, как могла бы пахнуть любая из женщин на Земле. Он не почувствовал ни запах духов – ни на теле, ни в волосах, которые по вине разгулявшегося ветра обвили его лицо, но не было и запаха просто тела, обычного человеческого тела. Даже ее дыхание было всего лишь теплое и прерывистое. Ничего.

Рубашка была коротка и прикрывала лишь верхнюю часть ее прекрасного тела, вплоть до половины ее попы.

«Ну и так сойдет... пока!» – думал Дмитрий, закончив с «одеванием» и пристегнув, так, на всякий случай, своего случайного пассажира. – «Главное чтобы полиция не тормознула меня, топлесс...» – он криво усмехнулся и захлопнул дверь. Обходя машину, он обернулся

и посмотрел на темную фигуру на заднем сидении. Темная голова на темной фигуре провожала его.

«Следит» – отметил Дмитрий. Он сел за руль и поехал, погружившись в мысли и поглядывая назад. Мириады мыслей пронеслись в голове, сменяя одна другую как поезда на станции метро. Стройности мышления не было и не могло быть. Дмитрий запутался, – надо же было что-то делать с *этой*...

«Нужно сдать в полицию, – подсказал разум, такой себе вечный и единственно рациональный, вездесущий, советчик. – Зачем ее „сдавать“? Она же не багаж... – вмешалось сердце. – Не могу представить, как там полицейские мужланы будут ее лапать своими лапщами, наденут наручники...»

Дмитрий снова оглянулся, – у пассажирки загорались и тухли огоньки в глазах от проезжавших мимо машин и фонарей освещения. Женщина крутила головой, осматриваясь, но все так же меланхолично. Затем случайно поймав его взгляд в зеркале, кажется, улыбнулась, но лишь глазами. Кажется...

Нет, определенно, сейчас он отвезет ее домой, а потом посмотрит!

Подъехав к дому, Дмитрий загнал машину в гараж, чего прежде делал редко – огласка не нужна была. Почему-то с отвращением заметил про себя, что действует как преступник, осторожно и обдумывая каждый шаг.

Выведя за руку незнакомку из машины, провел ее в гостиную. Поспешил захлопнуть все жалюзи перед включением света. Включил все лампы сразу, – женщина захлопнула глаза, сомкнув длинные ресницы. Дмитрий еще раз украдкой бросил взгляд на нее, и сам последовал ее примеру от увиденного. Станный, теплый и сосущий холодок пронесся в сознании, отдав эхом в живот. *Она* здесь, при свете была еще прекрасней, чем там, в темноте.

Ее кротость была просто чарующей, губы, даже в меланхолии полуоткрытые нежной улыбкой, были почти бесцветны. Она не садилась, так и стояла, поражая идеальной параллельностью ног, как ее и «поставил» Дмитрий, введя в комнату. Следила очень внимательно и тихо, как он мечется по комнате, не зная с чего начать, усилием воли отрывая, ставший вдруг неподвластным, взгляд, от неприкрытых рубашкой прелестей.

– Садись, садись, я сейчас, – усадил Дмитрий незнакомку на диван. – Может быть ты голодна? Ну да, ты конечно же не знаешь что это такое... А, вот! Музыка, сейчас, – метнулся Дмитрий к проигрывателю и потерялся что же поставить, выбрал первое попавшееся медленное произведение. Затем одним скачком вернувшись к... к... – он не знал как ней обращаться, и решил хотя бы для внутреннего употребления назвать ее ...Соня! Так, по старинке, по-русски.

«Дурное название, тьфу, имя!» – пронеслось в голове. Взгляды вновь встретились.

– Сейчас, сейчас, – как будто уговаривал или успокаивал кого-то Дмитрий. – Да, принесу одежду..свою, мужскую, ну пока... А то женской, извини, нет! – пошутил он, криво улыбнувшись, поняв всю бесполезность шуток. Впрочем, она улыбнулась, как всегда глазами, возможно в ответ, словно не желая оскорблять гостеприимного хозяина. Сбегал в соседнюю комнату, начал искать чистые вещи, – их оказалось не так и много!

«Вот она жизнь, холостяка, черт, и гостей не примешь...» – горько подумал Дмитрий, все же найдя шорты и майку. Вдруг, тот, недавний холодок пробежал по телу:

«Стоп, она же не знает что это, придется опять ее одевать...» – стыдливая радость за эту возможность прожгли сознание. Решил ограничиться лишь шортами, чтобы прикрыть последнее неприкрытое оголенное место. Сдерживаясь, вернулся в гостиную – прекрасная незнакомка сидела на том же месте, не сдвинувшись ни на дюйм.

«Может музыку слушает?» – подумал Дмитрий. Ему вдруг захотелось, чтобы она слушала, как признак человечности. Да, ему хотелось чтобы она стала *проще*, больше похожей на человека. У него созрел план... а с *нечеловеком* он не выполним.

Глава III. Пропажа

07.48 ам, 23 апреля.

Раннее утро в одном из кабинетов полицейского департамента Окленда, в общем еще сонного, началось бодро и оживленно. Несколько полицейских что-то бурно обсуждали. Потом один из полицейских, в обычной патрульной форме, вышел. Один из двух оставшихся, на настольной табличке которого значилось Мартин Эвенсон, человек пожилого возраста, сидя в кресле, брал со стола фотографии, и, рассмотрев, откладывал обратно. Второй мужчина, моложе, но тоже в годах, сидел на краю стола и что-то рассказывал Мартину, как будто убеждая в чем-то. Мартин, хозяин кабинета, о чем повествовала надпись на двери, не соглашался, приводя свои аргументы.

Сидящий на столе, – капитан Сайдвелл, начальник Мартина, являлся человеком довольно добрым, если таковое применимо к высокому полицейскому чину. Отличался лояльностью и современностью, по его же признанию, самыми необходимыми качествами любого человека, не только полицейского, в современном мире. Он любил хорошо одеваться. И сейчас на нем был серого цвета плотный костюм и даже удачно подобранный в стиль галстук. Из-под белоснежных рукавов рубашки выглядывали приличной стоимости часы. Блеску часов вторил блеск массивного кольца на левой руке. В общем, капитан был стилист, и даже не без вкуса. Его темные, но с сединой волосы были гладко уложены, а лоб пересекали три глубокие морщины, которые, как ему казалось, придавали ему солидности, несмотря на еще не старые годы.

Его же собеседник и подчиненный, Эвенсон, был полной противоположностью своего начальника, но и его философия жизни была в другом. Потемневшее от времени, шершавое лицо было угрюмым и флегматичным, редкие волосы копной лежали в только их хозяину подвластном беспорядке, а нос и губы были в гармонии лишь с друг другом, абсолютно не подходя ни по размерам, ни по форме к этому лицу.

Костюм серого цвета, в тончайшую полоску, был измят и видимо, одет в спешке. Один рукав был слишком высоко задран, второй же, сполз до ладони, закрывал даже наручные часы. Впрочем, Мартин так задумывал, – у него не было лишних денег на хорошие часы, таким образом прикрывал свои старые потертые. Теперь же, поблескивающие на солнце часы шефа немного выводили из равновесия вполне уравновешенного Мартина, которого даже матерый преступник не мог вывести из себя. Просто он не любил показного лоска. И вот блестящие часы шефа показали 8.00.

– Значит, они думают, что мы тут все профаны и не справимся без этого капитана Америка? Я правильно все понял? – угрюмо заключил Мартин, быстро пробежав взглядом по своим потрепанным Виттнауер. Сайдвелл встрепнулся:

– Ну что ты за человек? Дался тебе этот стажер! Может они тоже хотели от него избавиться, и послали к нам... ну покрутится тут, немного, научишь чему-нибудь!

– Вот только перед пенсией мне и не хватало стажеров гонять. Или он меня гонять будет?

– Она из Сан-Франциско, – напомнил Сайдвелл и ткнул пальцем в фотографии, которые ранее разглядывал Мартин. – Они имеют формальное право прислать представителя. Дело поручено тебе, как уважаемому детективу перед пенсией? Да. А напарник твой где?

– Рыбу в Канаде уже ловит...

– А без напарника тебе тяжело будет бегать туда-сюда, вот и погоняешь молодого. Может и сам откажется... Смотри проще, раскроешь дело, – присоединишься к Майку... Впрочем, если и не раскроешь еще пару месяцев и можешь делать что угодно, хоть бы даже посылать всех к чертовой матери!

– Так мне звать детектива? Уже полчаса в коридоре ждет! – нервно произнесла заглянувшая в кабинет без стука, секретарь. Мартин и Сайдвелл переглянулись.

– А он еще и нервный – подгоняет. Подсказывает мне мое чутье погоняет он и меня... Эти молодые такие резкие! – задумчиво произнес Мартин, подымаясь и поправляя воротничок рубашки. – Как я выгляжу?

– Как матерый детективище! Давай, напугай его своим опытом, пусть бегаёт за тобой и цитаты записывает! – попытался подбодрить подчиненного Сайдвелл. – Зови его!

«Да, вот именно так и будет, – справедливо подумал Мартин, – молодежь нынче не та!»

Секретарша скрылась и через мгновение в кабинет практически ворвался средних лет мужчина (надо сказать Мартин думал, что будет моложе). Гладко причесанный, весь с иголочки, в черном стильном костюме и тонком, такого же цвета галстуком. Его карие глазки были прищурены и смотрели с недоверием и опаской, хотя губы улыбались – формальный знак доброго расположения. Вошедший протянул руку первому Мартину подходя к столу, где он сидел, а не капитану, хотя очевидно было кто есть кто, тем самым отдавая дань уважения к будущему напарнику. Протянул руку, блеснули запонки. Мартин поморщился, ему было неловко из-за своего вида.

– Доброе утро! Майкл Смоллинг, полиция Сан-Франциско. Извините что так рано. Привык быстро вливаться в работу! – бодро рапортовал вошедший. Мартин встал из-за стола, подошел ближе и пожал руку:

– Ничего, вы как раз вовремя. Мы уже занимаемся делом... нашим делом. Вот, познакомьтесь – капитан Гэри Сайдвелл, мой... наш начальник.

– О, бывший напарник Мартина был Майком – думаю, сработаетесь! – подмигнул Мартину капитан, протягивая Смоллингу руку.

– Очень приятно. – Майкл пожал ее, но без желания. Затем снова повернувшись к Мартину, хотел было что-то сказать, и, заметив фото на столе, изменил тему, – Вы уже получили материалы?

– Еще вчера вечером. – Неохотно, лениво ответил Мартин, садясь в кресло. И указывая на место Майклу. Капитан, показав жестом «не буду мешать», вышел.

– Много о вас услышал, – браво проговорил Майкл, чтобы разрушить неловкость первых фраз двух незнакомых людей. Мартин вскинул бровями:

– И это за полчаса в коридоре? Кто же это такой болтливый? Мишель?

– Да нет же, в Сан-Франциско о вас хорошо отзывались.

– А-а, даже там, – удивился Мартин, замечая как Майкл украдкой рассматривает его кабинет, – «Посмеяться хочет!»

– Плохо, что у вас компьютера нет, – очень помогает в нашей работе! – заключил, в конце концов, Майкл.

– Я привык работать по старому, в полевых условиях. А компьютеры есть в лаборатории и у тех, кто в них разбирается... – с неявным вызовом ответил Мартин. Майкл не удивился.

– Это я так, просто! Привез свой ноутбук, – там все базы и средства. Очень полезная штука!

– И, простите, много вы преступлений раскрыли? Вообще и с помощью техники?

– Да случалось... За последнее ритуальное убийство и удостоился детектива! – пошутил гость. Мартин тоже улыбнулся.

– Ну-у, у нас тут все спокойней. Всякая бытовуха, не более.

– В этот раз может и более! – указал взглядом на фото на столе Майкл. Мартин вскинул плечами и сказал:

– Действительно? И что же мы пропустили?

– Фабула (молодой детектив хихикнул), она же сказка, она же басня: 19 апреля этого года, было получено сообщение о похищении белой женщины 24 лет, волосы светлые, рост 5 футов 10 дюймов, возможно с целью выкупа, поскольку найдена странная записка. Она в деле, можете

ознакомиться. Больше ничего неизвестно, кроме того что, ее видели, по описанию в вашем городе и районе 880 шоссе, на участке между населенными пунктами.

– Почему же, возможно похищенная, шатается вдали от похитителей? Не должна ли она быть под их присмотром? – ирония Мартина пришлась к столу первых минут знакомства.

– Похищение возможное, такой мотив навеян запиской, странной и непонятной. А так, в принципе может быть все что угодно! Даже убийство....

– Да обычное убийство, – хладнокровно заметил Мартин. – Поверь моему опыту, все именно этим и окончится, если уже не закончилось, осталось лишь найти труп!

– Что же, будем искать его!

– Есть предположения, что она здесь делала? Если конечно видели именно, – Мартин взял одну из фотографий и, посмотрев на подпись, продолжил, – Кейси Свенсон? Друзья, знакомые?

– Нет, опрошенные знакомые ничего не знают об этом. Ее родители живут в Висконсине. Мы связались с ними, Кейси здесь, то есть в Сан-Франциско, училась... о! – криво улыбнувшись, встрепенулся Майкл, – давайте будем оптимистами – может еще доучиться и все обойдется, неловко – мы словно уже ее похоронили!? – Мартин отрицательно покачал головой. Майкл же продолжил. – В принципе, у нее могли быть знакомые где угодно, но об этом ее ближайшее окружение не знает!

– Вот именно это мне в нашей работе и нравится – каждое новое дело начинается с того, что ясно, что ничего не известно... Приходится собирать по крупицам! Ну, какие будут мысли?

– Для начала, нужно еще раз более детально опросить того единственного свидетеля, который будто бы видел Кейси. Задать ему вопросик, а что это он делал так поздно ночью в безлюдном месте? – Майклу удалось вырвать хоть что-то наподобие улыбки с Мартина. – Часто сами похитители, убийцы и пр., убивают жертву, не дождавшись выкупа, или еще чего, и сообщают сведения о местонахождении трупа, чтобы дело быстрее открыли и закрыли... как они думают!

– Интересно, впервые такое слышу! – заметил Мартин.

– Случаи описаны в криминальной психологии. Преступнику, некоторым, естественно, не нравится некая неопределенность в расследовании, в самом состоянии следствия! Ведь, как известно в следствии как ментальные стороны входят не только полицейские, но и преступники, суть противоположная сторона, в отличие от полиции, не заинтересованная в раскрытии дела. Являясь антагонистами по целям, эти две сторона действуют противоположно. Своего рода борьба умов, имеющих своей целью прямо противоположное. И, вот, некоторые индивидуумы, назовем их так, выдавая место расположения тела, или сдавая полиции иные факты, думают, что контролируют ход следствия, уводя в противоположную от приемлемой общественно полезной цели!

– Ого, я и не выговорю такое! – рассмеялся искренне Мартин.

– Психологический факультет! – самодовольно приосанился Майкл. – Выпуск позапрошлого года.

– Да, времена меняются...

– И преступники тоже, – Майкла несло. Он почувствовал, что производит хорошее впечатление на старшего коллегу. – Они становятся умнее. И кто бы ни выставлял их идиотами и придурками, например киношники, некоторые особи по-своему гениальны! Без сомнения... и нам их приходится ловить, и так, сказать, направлять их неумную энергию в правильное русло, на пользу государству и обществу! Или, по крайней мере, защитить законопослушных граждан от их чрезмерной фантазии.

– Это точно! – согласился Мартин с тем, с чем невозможно было не согласиться. Так, по его замыслу он не позволит новичку почувствовать, что он указал место старику, показав свою образованность. В общем, этот Майкл, был ничего, но все-таки он серьезно задел чувства

Мартина. Майкл был хорош собою, стильно одевался, карьера росла быстрее, чем у него, Мартина, в его годы, он умен и образован. Все это заставляло чувствовать свою ограниченность и устарелость, отчего нервничая, Мартину приходилось ввязываться в эту никому ненужную психологическую борьбу, чтобы накормить и успокоить гордость и самолюбие.

«Да-а, не годится вот так уходить на пенсию, чтобы потом оставшийся срок вспоминать, как тебя уделал юнец!» – с грустью подумал Мартин, уже не слушавший что там умничал молодой «коллега».

– Так вот, – выйдя из своих мыслей, снова вслушался в жужжанье красивого глубокого голоса молодого напарника, – сначала снимем пальчики с этого свидетеля, прогоним по базе. Потом посмотрим, – в зависимости от результатов, очертится круг вопросов, необходимых и достаточных для построения схемы дальнейших действий! Лично я всегда так действую – пусть сама жизнь, ее ситуации выстраивают логический план действий по раскрытию преступлений! Мы лишь используем доступный инструментарий и возможные умственные действия направляя объективное развитие ситуации. Тем самым пытаюсь взять под контроль, казалось бы, неконтролируемое, и если это удастся, преступление с вероятностью в 99 процентов будет раскрыто, это лишь дело времени!

Когда, наконец, Майкл умолк, Мартин лишь покачал головой, то ли согласившись, то ли удивившись. Он сидел и в упор смотрел на Майкла минуты две. На второй минуте, молодой человек заерзал, видимо, почувствовав себя неловко. Кашлянул.

– Извини, задумался. Банально, но! – задумчиво произнес Мартин, взяв фото со стола, с изображением потенциальной жертвы. – Куда катится этот мир... Такие молодые гибнут! Человек ко всему привыкает: бывает, вызов, часа два ночи, приезжаю, и чтобы проснуться беру чашку кофе с круасаном... жую, разглядывая жертву. А кругом море крови, кишки, там, внутренности... и ничего! Ко всему привыкаешь. А к этому – никогда!

– У вас дети есть?

– Есть сын, взрослый уже, – буркнул Мартин, которому не понравилось воспоминание о близких в таком контексте, и чтобы удовлетворить самолюбие детектива-психолога, добавил. – Ее возраста.

Он указал на фото Кейси. Майкл все понял, стало снова неловко, он этого не скрыл. Кивнул дважды головой. Мартин украдкой взглянул на часы, увидев 8.32, сказал Майклу:

– Думаю, пора начинать делать что-то конкретное, – долго уже сидим!

– Тогда я пойду и оформлю вызов свидетеля, чтобы он быстрее явился. – Майкл поднялся и направился к выходу из кабинета. – Кстати, как мне пройти...

– Обратись к Мишель, она проведет тебя, куда тебе нужно! – опередив вопрос, ответил Мартин, доставая из ящика бланки протоколов. Майкл вышел.

Мартин любил начинать любое дело обстоятельно, хорошо к нему подготовившись. Это был некий ритуал. Он не знал, действенен ли это метод, или просто у него хорошо получалось ловить преступников. И что бы там не говорил этот молодой и перспективный, а хорошая ментально-физическая подготовка никогда не помешает. Честно признавшись самому себе, Мартин подумал что он, старый, опытный детектив раскрывает преступления больше «нюхом», наудачу и используя многолетний опыт. А этому не обучишься! Новое же, поколение, полагаясь на ум и образование, все же имеет больше шансов на успех, подчиняя объективную реальность своему интеллекту. Оно подвижнее, мобильнее сознанием и открыто реагирует на внешние изменения. И, возможно наилучший результат может дать симбиоз этих двух качеств.

«А может и ничего что прислали *этого...*» – смягчился про себя Мартин, заполняя бланки. – «Теперь уже все равно».

Ему уже все было равно, привыкнув ко всему, увидев все, что только может, но не должен, человек, больше не сопротивлялся этому миру и его обратной, скрытой от постороннего взгляда, стороне.

Глава IV. Первый день – первый луч Солнца

9.42 ам, 23 апреля

Дмитрий сидел на диване возле уже одетой незнакомки. Она меланхолично рассматривала свою новую одежду и кажется не понимала, зачем это ей. Теперь на ней были шорты, немного несурзные и великоватые, но хорошо ей идущие. Впрочем с ее видом и фигурой ей наверно и мешок с дырками для рук подошел бы, как верно отметил про себя Дмитрий, когда натянув на свою необычную гостью песчаного цвета шорты и заправив в них рубашку, надел белые носки и свои новые кроссовки, осмотрел свое деяние. Незнакомка стала походить на очень красивого юношу из-за бесформенной мужской одежды, стройного и умиротворенно спокойного. Найдя пушистую резинку, однажды забытую в ванной другой, *земной* женщиной, пожившей у Дмитрия всего несколько дней, он собрал русые волосы в хвост за затылком и перевязал их этой резинкой. «Подопытная» просто с детской восхищенностью наблюдала за манипуляциями с ее телом и прической. Приведя в нормальный вид, Дмитрий почувствовал голод и быстро сделал себе и девушке бутерброд. Она не стала есть, но с удовольствием понаблюдала за ним. Это было рано утром и ночью. Сейчас же уже было позднее утро.

Быстро, словно по принуждению связался с родными. Перебросились несколькими мало-значущими фразами, обменялись сведениями о погоде, и не сложившийся разговор был прерван по обоюдному согласию. Естественно, Дмитрий даже не заикнулся о произошедшем ночью, явно выходящем за рамки обычного. Он соприкоснулся с такой стороной жизни, в которую он не мог посвятить даже самых близких людей. Возможно, немного позже, подумалось ему.

Вдруг навязчивой мелодией позвал мобильник. Дмитрий моментально вспомнил, что опоздал на работу и что, скорее всего это звонят друзья. Посмотрел на экран – Оуэн.

– Да, – сказал Дмитрий, сидя возле самоназванной Сони, не боявшись, что она выдаст себя, заговорив.

– Чувак, ты где? В курсе, который час? – протарахтел Оуэн. Впрочем, он говорил довольно тихо. – Будешь сегодня или уже не ждать?

– Не-е-знаю... нет, может позже!

– Слушай, все в порядке? Какой-то ты странный! Может помочь?

– Нет! – четко отрезал Дмитрий. – Если запалюсь, придумай что-нибудь... Скажи что работаю над проектом, который мне впарили...

– Я бы с удовольствием, – произнес с иронией Оуэн, – если бы папка с «проектом» не валялась на твоём пустующем столе! Ладно, что-нибудь придумаю... Если что звони. Пора заканчивать, я вижу ты не очень расположен к разговору!

Это была правда, Дмитрий сейчас только и думал, как бы узнать побольше о молчаливой незнакомке.

– Давай, созвонимся, – прекратил быстро разговор он, лежа трубку. Ему представилось как на том конце «провода» удивился Оуэн. Но его это уже не волновало, он любовался тем, как Соня взяла и рассматривала мобильник – первое ее самостоятельное действие с момента «знакомства».

– Нравится? Хочешь я тебе тоже куплю, только лучше, женский? А потом, позже, как освоишься, пойдем по магазинам, будем «шопиться», как говорила моя бывшая – все женщины это просто обожают! Ты хотя бы сока попей, – подставил он стакан к ней и изобразив что надо делать. Соня, очень внимательно понаблюдав за Дмитрием, тут же попыталась выполнить поручение, и, видимо, впервые это делая, разлила на рубашку, закашлявшись. Дмитрий забрал стакан, решил больше не заставлять делать все сразу, попытавшись научить ее постепенно.

– Пора бы и познакомиться, – предложил он, и, положив руку себе на грудь, сказал, – Я! Я – Дмитрий! Кто ты? – он указал ладонью на женщину, которая разглядывала пятно от сока на одежде и оторвавшись от своего очень увлекательно занятия, медленно произнесла:

– Я... – Дмитрий чуть не расплакался от счастья – она схватывала на лету. И чтобы удостовериться в этом, снова поднес свою руку к своей груди, приложил и стал ждать.

– Ты, – меланхолично, но с улыбкой в глазах, не заставив долго ждать Дмитрия, сказала девушка. И к пушему его удовольствию, самостоятельно подняла свою руку и приложив к своей груди, как делал и мужчина, произнесла. – Я!

– Я – Дмитрий! А ты? – но девушка молчала, в ее глазах было непонимание. Дмитрий понял, что наверно у нее не было имени. «На амнезию не похоже, ведь при ней люди хоть что то помнят... Здесь же ничего! Вообще!»

– Вот, я принес тебе книжки с картинками... Ты вроде умница, посмотри на картинки, потом не буквы и слова и узнаешь что эти люди делают... Чуть позже я сбегаю в магазин и куплю какие-нибудь образовательные книги с картинками, будем учиться заново... Мне надо узнать кто ты, понимаешь это... так просто невозможно, не знать кого приютил? Непонятно и странно. Ты – очень странная, и мне жутко интересно кто же ты на самом деле?

Девушка казалось, не слушала своего учителя и всецело углубилась в изучение цветных картинок. Заметив, это Дмитрий сказал, чтобы она оставалась здесь и никуда не выходила, помчался в ближайший супермаркет за книгами, предварительно замкнув входную дверь.

Купив целую стопку образовательных книг, детских и взрослее, энциклопедий, прихватил в отделе одежды и пару платьев, пару туфель и босоножек. Взял двух размеров, самых распространенных. «Остальное купим вместе, как освоится, я думаю это произойдет быстро, – она девочка умная...» – заботливо называя себя и незнакомку про себя «мы», складывая купленное в автомобиль.

Вернувшись домой, Дмитрий понял что возможно напрасно замыкал дверь, – девушка сидела и листала уже последнюю из предложенных им книг. И это за 40 минут!

– Вот смотри! – весело говорил Дмитрий, раскладывая книги, сверкавшие цветами радуги обложки. – Вот, большая энциклопедия, там все есть! Читай... Я знаю, ты можешь! А потом, поговорим, я знаю – тебе есть что мне сказать... И вот, глянь – одежда, женская, не такая как та что сейчас на тебе! Как научишься, будешь одеваться сама, потом еще купим другие вещи, примеришь их там в магазине... я вот только лишь сейчас примерю тебе туфельку, как Золушке... Знаешь, кто это? Не знаешь! У-у-х, сколько же всего интересного у тебя впереди, – столько всего нужно узнать... жизни не хватит! Я помогу тебе освоиться, поверь... Эх, а я и не купил книгу про Золушку... Хотя знаешь, я прямо сейчас закачаю ее из интернета... Вот еще классная вещь – интернет... много там всего, такого, плохого, но! Есть и хорошее... потом научу тебя им пользоваться! Вот, в самый раз, туфли как раз, а вот босоножки великоваты... – суетился Дмитрий у ног прекрасной незнакомки, которой похоже начинала нравиться такая забота о ней.

– Я вот сегодня не пошел на работу... так нельзя! И в то же время потратил много денег... на эти подарки, – Дмитрий вздохнув, поднявшись с колен, которые хрустнули при подъеме, сел на диван возле «своей» Сони. – Чуть позже, я буду ходить на работу, чтобы чаще дарить подарки, и тебе придется на некоторое время оставаться одной! Но ненадолго, – поспешил он ее успокоить, хотя она совсем не расстроилась, лишь потянувшись за очередной энциклопедией.

– Вот, еще есть телевизор! – Дмитрий включил пультом ТВ, заставив этим нехитрым способом посмотреть женщину сначала на пульт потом на экран. Он переключил на образовательный канал, хотя сначала хотел включить мультфильм, но вспомнив об американских мультиках, передумал.

– Сильно не увлекайся, лучше читай, а то затынет! – рассмеявшись, произнес он. – Американский эртертейнмент сильная вещь!

Впрочем Соня не собиралась «увлекаться», мелькающие картинки быстро наскучили, и она снова начала листать энциклопедию, как будто что то ища. И вот она нашла. Дмитрий присмотрелся – ближе к концу книжки было описание и детальные фотографии мужских и женских особей, с внутренним строением и различиями.

«Да она быстрее развивается чем я мог предположить...» – мелькнуло у него. Быстро пробежавшись по мужского организму, она остановилась на женском, долго и пристально рассматривая картинку. Дмитрий ждал, что же будет дальше. Даже та, легкая улыбка исчезла с ее лица. Она думала, и это было очевидно. Пауза затянулась, Дмитрий взглянул на часы.

– Это – женщина, – попытался объяснить он, – ты – женщина!

Соня еще немного подумала, и очень серьезно, возможно впервые с момента знакомства сказала не одно слово, а несколько:

– Я не женщина...

– Ого, вот так сразу! А кто же ты? Кто? Расскажи.

– Не знаю...пока, – она говорила прекрасно, медленно и четко выговаривая каждое слово. Ее голос звучал как старая добрая, всем знакомая мелодия, близка и знакомая, согревающая душу.

– Ну, хорошо, я не тороплю, согласен подождать! Немного, да и много не надо, ты очень быстро учишься. Просто удивительно!

В комнате горел свет, и только сейчас Дмитрий заметил, что все жалюзи опущены. Он тут же погасил свет, отчего в гостиной стало темно, поднял все жалюзи, впусив бодрящий солнечный свет внутрь. Косые лучи пробивались сквозь стекла и воздух комнаты, оставляя белесый след, падая на поверхности предметов в комнате, и умирая на них. После темной бесцветной ночи, девушка, возможно, впервые видела цвет нового для нее мира, и это не могло не потрясти даже ее таинственную душу.

– Красиво, – чувствами сказала она, неотрывно смотря куда-то вдаль, сквозь стекло окон.

– Вот видишь, уже озвучиваешь чувства... – порадовался за гостью Дмитрий. – Это очень по человечески... Иногда мы говорим умом, чаще именно это и оказывается ложью, поскольку мы обдумываем как все обернуть себе на пользу... а иногда чувством, – это редко оказывается неправдой. Но и откровенно, чувственно говорим мы, люди, все реже! – последние слова своей философской тирады Дмитрий произнес почти шепотом, глядя за окно, пытаясь там встретиться своим взглядом с Сониным. – Вот такая правда жизни...

– Почему? – стала вдруг неожиданно разговорчивей женщина. Дмитрий повернулся, и, улыбнувшись, заметил:

– Не все сразу! Только научилась хоть что-то понимать и говорить, и вот подай тебе ответы на все вопросы! Люди жизни проживают, не найдя и на половину ответов, а ты хочешь за ночь...

Он посмотрел на любопытную незнакомку, – она сидела теперь боком к нему, и лицом к окну. Детской наивности больше не было, – ни на лице, ни во взгляде. Вместо этого ее лицо выражало грусть и задумчивость, наложив маску мыслей на глаза.

«Да, в этом мире быстро взрослеют!» – почему то так подумал Дмитрий, глядя на еще более прекрасное в задумчивости лицо «Сони».

– Слушай, а давай наконец-то познакомимся, – предложил Дмитрий, – раз ты уже *так* помудрела! Как я уже говорил, меня зовут Дмитрий, то есть это мое имя. Имя дается человеку чтобы идентифицировать... тьфу, этот чертов техноязык, извини, привычка, в общем, имена даются при рождении чтобы дети, а потом взрослые люди отличались... примерно так! И как же тебя зовут, красавица?

– Думаешь?

– Что? – смутился Дмитрий, – тебя зовут «думаешь»? Или ты спрашиваешь меня, действительно ли я думаю, что ты красавица? Если последнее, – женщина медленно кивнула, – то я не просто думаю, – это не по моему велению происходит, – ты просто идеальная красавица!

– Я буду счастливой?

– Э-э... не знаю, наверно... Знаешь, люди не знают будущего... А с чего это ты взяла что должна быть счастливой, то есть я имею ввиду, где ты это прочитала... про счастье?

– В журнале, – медленно и членораздельно произнесла девушка. Дмитрий осмотрелся, – из-под вороха книг, которые он дал ей посмотреть перед походом в супермаркет, выглядывал уголок модного глянцевого журнала, забытого его бывшей.

«Ух-ты! Пока я шлялся она успела и до журналов добраться!» – удивился Дмитрий, в голос добавив:

– Лучше эту чушь, вот типа таких журналов не читать... Уж лучше классику... я, по крайней мере так думаю... Впрочем как хочешь, ты сама выбираешь!

Женщина никак не отреагировала на его слова, вернувшись к перелистыванию страниц книги, довольно быстро, и Дмитрий не мог понять, то ли она их читает, то ли просто просматривает. Это невозможно было сделать, – иногда она долго останавливалась на страницах с картинками, но чаще страницах, где был только текст. Он уже ничему не удивлялся, просто восхищался. Единственное, что было очевидно, лишь то, что незнакомка действительно черпает познания из этого «рассматривания», поскольку начала самостоятельно разговаривать, и даже появились глубокие мысли, пусть фрагментарные, осколками, но все же.

– Я знаю, что у тебя нет имени. Давай хоть для внутреннего употребления назовем тебя каким-нибудь именем? Буду называть женские имена, красивые, с моей точки зрения... Итак, я буду называть имена, а ты будешь выбирать... просто знаешь, нам, людям так проще, а тебе возможно все равно! Ты останешься собой, никакого посягательства на индивидуальность... так надо! Давай?

– Давай, – протянула незнакомка, внимательно выслушав сбивающегося Дмитрия, и показывая на гляцевый журнал. – Я – Виктория!

– Слушай, вот я просто не могу! Так – не честно! Ты умнеешь на глазах! Чудо, это совершенное изумление... – вставил неправильное английское слово Дмитрий, взглянув на блестящий гляцем уголок журнала, и потом, собравшись, поборов последним усилием воли волнение, добавил, глядя на журнал. – Просто чудесное имя, – Виктория! Модели Victoria's Secret мне всегда нравились... Ты хочешь быть похожей на них? Ты поняла, что это идеал? Но лишь, здесь, на Земле. Они всем нравятся... У них такая работа. Ну, скажи, как ты это делаешь? Как тебе, которая ничего не знала еще несколько часов назад, удалось все это узнать... или прочитать? Кто же ты?

– Человек.

– Не-е-т, ты не человек. Люди на такое не способны... Они рождаются, – при последнем слове Дмитрий вдруг задумался, видимо вообразив как «рождалась» такая взрослая женщина, – словом, они рождаются, потом, долго мучаясь и мучая родителей, учатся жизни, и то, не всегда успешно! А ты... Ты просто взяла и изучила за пять часов язык и ... пусть, конечно, не полностью, но с такой интенсивностью ... и так много понятий. Удивительно... давай же, расскажи, откуда ты? С Марса?

Он шутил, и это игривая, легкая, непринужденная обстановка, передавалась и ново-названной Виктории. Она улыбалась теперь уже как улыбаются счастливые люди, – широко и открыто, наклоня голову вперед, не пряча эмоций и чувств. Да, она научилась не только словам, но и некоторым истинно человеческим качествам. Кто знает, возможно она лишь при-творялась, повторяя за Дмитрием, но в это не хотелось верить.

Дмитрий смотрел на становившуюся все больше «приземленной», очеловечивающуюся Викторию, и не мог налюбоваться. Он внезапно понял, что не хочет чтобы она полностью оче-

ловечилась, хочется чтобы она навсегда осталась вот такой непосредственной с пеленой тайны в глазах. Ее детская непосредственность, наивная мудрость, неслыханная в современном мире кротость и застенчивость завораживали. Чего скрывать, Виктория просто сразила раз и навсегда Дмитрия. Она была настолько непохожа на всех тех женщин, и вообще людей, с которыми он сталкивался где бы он ни был! Ангел, сошедший с небес и сразу к нему, такому зауряднейшему человечку, в жалких конвульсиях пытающегося найти тепленькое местечко по солнцем.

Теплота и умиротворенность растеклась по телу, захватив и душу человека. Впервые за многие годы он чувствовал себя так хорошо и спокойно, как будто в детстве, в руках у матери. Забылись повседневные, надоевшие заботы мирские, тяготящие и сеющие пустоту. Лишь одного взгляда на эту улыбающуюся неземную сущность достаточно чтобы вылечить все давние раны от жизни, обычной человеческой.

Вдруг одна мысль, возникнув в темноте замкнутого в темном пространстве тела, зажгла огонь и, осветив его, очертила пределы желаний существа земного. Это произошло внезапно, и казалось, если бы она была материальна, человек при ее появлении наверно бы подпрыгнул, или в крайней случае, дернулся.

Таково было и состояние Дмитрия, здесь, после несколько часового общения с неземной Викторией. Он, к своему стыду, почему то отогнал низкие мысли, пришедшие ему в голову при первом взгляде и контакте с ней. Какие то *планы*, пошлость и желание... Зачем? Впервые и первым встретив такое нежное и слабое неизвестное существо, Дмитрию как и тогда в машине, захотелось стать ее защитником и утешителем, экскурсоводом в новом для нее мире. Возможно, хотелось бы представить ее друзьям и миру. Но, он отлично понимал, что будет если их (его и ее) секрет станет известен! Ее же просто разберут на «запчасти» при опытах! А этого он не мог допустить.

Все же было и одно, но такое ненавистное «но»! Вместе с новыми чувствами и вдохновением, как будто угадан смысл жизни, как бывает в нашем двояком мире, пришла и другая, темная мысль рационального разума. Дмитрий прекрасно отдавал себе отчет, что не сможет долго скрывать свою гостью от друзей, соседей и просто внешнего, за пределами стен его дома, мира.

Диковинка и чудо, нонсенс и парадокс – человек без паспорта и места жительства, работы и прошлого... Человек из ниоткуда, человек свободный, самоназванный и несуществующий для системы координат жизни обычного человека, поглощенного бюрократической машиной государства. Эта мысль о *нелегальности*, не просто проживания, пребывания человека в США, а его существования, не отмеченного, не зарегистрированного, пугала. Вот оно существо живое, одно на всей планете, такое близкое и дальнее, избавленное от наслоений воспитания человеческой системой, с позволения сказать, ценностей. Сильное своей природой, и слабое уязвимостью злом этого мира, в который неведомо каким ветром занесенное.

Унесенный во внутренний мир мыслями, Дмитрий сидел молча, молчала и она, глядя на него. Вся Вселенная, кажется, остановилась, замерев в созерцании двух существ, нашедших друг друга в бурном мире. Но наблюдающая вселенная была лишь в душах этих существ, неизвестная и нечувственная вовне. Два мира, две бесконечности, соприкоснувшиеся, столкнувшиеся в предсветовой скорости, породили первозданную искру, освятившей темноту вывернутого наизнанку, расколотого бессмысленной погоней за ритмом жизни, человека.

За окном было солнечно, солнце просто было разлито из неведомого и бездонного ковша, ниспадающими потоками льющегося на такую же бездонную землю, впитывающую все брошенное беспечно вниз. Вдруг, Дмитрию, несмотря на не любовь к зиме, захотелось не ее, а ранней весны, сменяющей ее, с капелями и ярчайшими солнечными зайчиками в бурлящих ручейках талой воды. Странно, что он, там, дома, никогда не замечал красоты и излечивающей силы этой поры года, находясь постоянно в заботах, и хлопотах связанных с карьерой и переездом за границу. Так приятно было смотреть на умирающую зиму, прячущуюся в укромных, темных уголках, уже знающую, что ее час пришел. Как жаль, что всего этого он не видел, когда

была такая возможность. Хотелось чувствовать торжество весенней поры, словно проснувшись от долгого и неприятного сна, осознаешь, что все увиденное не настоящее, и что жизнь, несмотря ни на что продолжается.

Здесь, в Калифорнии такого не было. Жизнь была одинакова, однообразна. Без смен поры года и стиля жизни. И если ты не был чем-то очень энергично занят, возможно, было бы смертельно скучно. Дни протекали одинаково и, первоначально такие яркие и сочные, постепенно сглаживались в один бесконечный поток, как будто разглаживая изогнутую кардиограмму жизни человека в прямую линию. Не было переходов и изменений, эмоциональных всплесков и торжества чувств. Не было после невыносимо долгой и темной зимы, казавшихся бесконечными, солнечных дней, когда хотелось начать что-то новое, прожить заново жизнь, сделать мир лучше, действуя. Ничего...

И лишь сейчас, когда в жизни Дмитрия, этого *маленького* человека, появилась она, такая «огромная» и волшебная, словно сошедшая с небес, заменившая собой капель, как призыв к новым эмоциям и чувствам, открыла глаза души, столь долго закрытые.

Дмитрий начал бояться потерять это чувство, так дорого и так внезапно открывшееся. Ему хотелось прожить с ним всю жизнь, прочувствовать его до конца. Зная что люди свыкаются со всем, ко всему постепенно привыкая и забывая, он почти поклялся себе, что сохранит эти переживания как можно дольше, понимая что лишь одной силой воли чувство, пусть и очень большое, не удержишь.

Долго описанные, странно звучащие, эти мысли возникли и пронесли по сознанию только на мгновение, осев в сердце приятным горько-сладким осадком.

Вот он, его лучик, вот оно Солнце, порождающее капель чувств в душе, иногда прорываясь и капелью в глаза, сидит подле него, так кротко и нежно улыбаясь, то подымая, то опуская свои глаза к его глазам, разряжаясь молниями в сердцах при пересечении взглядов. Вот она дама сердца, ради которой в древности рыцари совершали подвиги, в награду получая лишь взгляд, но родной и близкий, единственно желанный и заветный. Как много может один взгляд, одного человека, которого вы жаждете и ждете? И то чувство, когда получаете желанное, во сто раз приятнее, чем у ребенка получившего игрушку.

14.27 pm. – посмотрел на настенные часы Дмитрий, замечтавшись, он не заметил, как Виктория снова погрузилась в изучение книг. Внимательно водила взглядом из-под длинных ресниц по строкам, поглядывая и на рисунки, словно сопоставляя их.

«Воистину свободна... Сама живет, сама *появилась*, сама назвалась.. Да, моя хорошая, ты будешь счастливой! Я обязательно помогу тебе в этом!» – думал он. – «Интересно, сколько выдержит *этот* мир такую *самостоятельность*, неучтенность и необычность, когда заметит такую оплошность, как быстро и что сделает в ответ?»

На сложный вопрос не было ответа, но он, Дмитрий, знал лишь одно, что он сделает все от него зависящее, чтобы продлить это состояние как можно дольше.

Глава V. Форрест Гамп

11.02 ам, 27 апреля.

– 27 апреля, повторный опрос свидетеля Стенли Бретта, при участии капитана Сайдвелла, детектива Эвенсона, меня – Майкла Смоллинга, и в присутствии адвоката мистера Бретта – Джоули Ампа. Опрос записывается средствами аудиовизуальной фиксации, – казенным тоном «отпечатал» Майкл, раскладывая на столе допросной комнаты листки с заранее подготовленными вопросам, и, обратившись к Бретту, заметил. – Не для протокола, зачем вам адвокат? Вы же не подозреваемый?

– Мой клиент имеет на это право, и им же воспользовался, – ответила адвокатесса, воспользовавшись теперь своим правом «встревать» в разговор. Майкл, сидящий за столом, напротив свидетеля и стоящий у стены, рядом с капитаном Мартин, переглянулись.

– Что же приступим! – сказал Майкл, – и впредь я надеюсь что по существу заданных вопросов будет отвечать сам свидетель, не прячась за правами! Это важно, поскольку мы тут тоже пытаемся защитить права некоего человека, возможно, пострадавшего больше!

– У малыша есть хватка! Дерзость! – прошептал капитан Мартину, который согласился кивком головы.

– Итак, обладая уже некоторыми данными по расследуемому полицией Окленда делу, нам потребовались некоторые уточнения, по данными вами, Стенли Бреттом свидетельским показаниям, дежурному по участку... – Майкл, покопавшись в бумагах, уточнил, – 07.41 ам, 23 апреля этого года сержанту Максвеллу. Что вы можете добавить?

Бретт и адвокатесса переглянулись, – она разрешила ему говорить.

– Да собственно ничего! Я бы даже сказал, что по истечении нескольких дней многое забылось, и вообще, спуталось... поэтому, боюсь как бы не исковеркать первые показания...

– Вот ознакомьтесь с протоколом ваших показаний, – Майкл положил перед Бреттом протокол опроса свидетеля. Бретт сначала посмотрел на своего адвоката, затем осторожно взял бумагу и быстро пробежав по ней, положил обратно, заметил:

– Да, все так и было... кажется! Я же говорю, прошло несколько...четыре дня! Боюсь что напутать...

– Хорошо, тогда я начну сам задавать вопросы, которые помогут прояснить некоторые. Пожалуйста, поясните, что вы делали ночью, в безлюдном месте, на обочине шоссе 880? Насколько я понимаю, что вы наблюдали описанные вами события именно ночью, поскольку первое свидетельские показания были даны вами...аж в семь часов утра?

– Я увлекаюсь пешим туризмом... И в тот вечер, ночь, точнее, шел по маршруту Пало-Альто – Санта-Клара – Фремонт – Окленд... то есть это уже был конец моего путешествия...

– Пешком? От Пало-Альто до Фремонта? Ночью? – удивился, как будто засомневавшись Майкл.

– Вот это да, – да у нас тут Форрест Гамп! – не удержался и Мартин, произнеся это в голос. Адвокату это не понравилось, и она скорчила недовольную гримасу. В отличие от нее, Бретт приободрился, – видимо была затронута тема его интересующая:

– И что? Всего то несколько дней пути! Неспешно... Помимо того что это интересно, это еще и полезно для здоровья.

– Бродить самому по безлюдным ночным трассам – это скорее вредно для здоровья! Поэтому у нас, детективов, к сожалению есть работа! – пошутил, но вполне серьезно Майкл, перебив свидетеля. – Впрочем, мы отошли от темы, продолжайте!

– А что продолжать-то? Устав, я решил разбить ночной лагерь поодаль от трассы 880, а вовсе не на обочине. Точное время не помню, честно! – как будто уговаривал Бретт детекти-

вов. – Место тоже не могу назвать точно... может разве что на местности вспомню... Просто тогда я не знал что то, что я увидел будет полезно кому-то и не зафиксировал его GPS...

– Не думали что будет важно? Но почему же, через несколько часов явились в участок и дали показания?

– Просто, знаете, не каждый день видишь, как голую женщину на пустой трассе посреди ночи сажает в машину мужчина. Показалось это странным и решил доложить...

– А как вы заметили что она голая, вы только совсем недавно сказали, что разбили лагерь поодаль от дороги и плюс была ночь?

– Но вы меня совсем не слушаете! И пусть ваш друг, стоящий у стены, – Бретт взглядом указал на Мартина, – назвал меня Гампом, я все же не он! А если и его последователь, то только современный – у меня во время путешествия есть все – от часов, еды и воды, до GPS и мощного военного бинокля!

– С прибором ночного видения? – нагло спросил Мартин, намекая на то, что была ночь.

– Ваш тон мне не нравится, – отработывая свой хлеб, сказала адвокатесса, – не забывайте, вы разговариваете со свидетелем а не подозреваемым, и с законопослушным гражданином, который, не побоявшись всего этого – она покрутила головой вокруг, – проявил инициативу, решил помочь!

– Да, извините, но все же – была глубокая ночь! Просто мы пытаемся стереть все неточности и неясности... в деле! – извинился Майкл за Мартина. Тот и не думал этого делать.

– Да была ночь, – согласился Бретт, – просто мужчина, подобравший голую женщину был на машине..и когда он сажал ее в машину, их фигуры хорошо были видны в свете фар....

– Да, вы предусмотрительно взяли все... а радио забыли... – предположил Майкл, как бы невзначай.

– Причем здесь радио? – удивился Бретт, взглянув на адвокатессу, которой, судя по всему, тоже стало впервые интересно.

– Притом, что хочется спросить вы всегда рассматриваете проезжающие машины в бинокль? Или вам больше нечем заняться на привале?

– А-а, вы в этом смысле! – рассмеявшись и успокоившись, проговорил Бретт. И поспешил прояснить ситуацию:

– Дело в том, что я не собирался смотреть на *них*... Той ночью на 880 шоссе было удивительно мало машин... знаете, в темноте заметно каждую машину, огоньки от их фар прорезают тьму как ножом, но лишь огоньки... так вот, машин было чрезвычайно мало... в том месте было очень темно... И вот, как то вдруг, я заметил странное движение огоньков, словно машина ехала петлей, влево и вправо... и потом вдруг остановилась! Естественно, это привлекло мое внимание, подумал может что-то случилось, нужна помощь... авария. В общем из рюкзака я достал бинокль...помню мне пришлось порыться чтобы его отыскать... знаете, к концу путешествия, когда уже много раз достаешь из него и кладешь обратно разные вещи, там образуется некое подобие хаоса, не так как вначале пути, когда все уложено по правилам... Так вот, я потратил некоторое время на поиски бинокля, и когда, достав его, увидел лишь только как мужчина вел это молодую голую женщину к машине и, кажется усадил ее назад...

– Почему молодую?

– Ну, знаете, такая фигура, скорее всего у молодой... она была очень стройна и грациозна... и не было той скованности и стыда, какая должна бы быть у голого человека да и еще в присутствии другого, чужого человека... Он вел ее под руку, а она шла спокойно, и кажется гордо, без стыда...

– Не сопротивлялась? – уточнил Мартин теперь уже без шуток, серьезно. Бретт замотал отрицательно головой:

– Нет, мне даже показалось что они вообще знают друг друга... просто так странно... она бесстыжая, а он тут же сажает в машину и увозит... В общем все эти странности и заставили меня быстрее войти в город и рассказать!

– А машина, на какой машине был мужчина? – заторопился Майкл, чувствуя что пошли ответы по существу. Бретт замаялся, посмотрел на стол, себе на руки, уложенные под столом, как будто ища вдохновения:

– Я был в низине... А он остановился на противоположной его движению полосе, поэтому у меня не было возможности рассмотреть автомобиль... Единственное, помню что было видно только крышу авто, – это был обычный седан, четырехдверный...

– Цвет? – торопил Майкл. Снова замешкался свидетель.

– Точно не белый, в темноте белый хорошо можно отличить, из темных... цвета ночью искажаются...

– Что-нибудь еще необычное – мужчина хромал, был с одной рукой, высокий, выше или ниже женщины, на сколько?

– Да нет, вроде обычный... Если и выше, то не намного...

– А волосы, какого цвета были у женщины?

– Это точно помню, – светлые, да, она блондинка... Я еще подумал, что она вся такая белая – белое тело, так неестественно смотрящееся на трассе, светлые волосы... —

– Вы не рассмотрели ее лучше? Это не она? – Майкл положил фотографию Кейси сделанную в повседневной жизни.

– Не знаю, может и похожа...но ночь же была...

– А на этих фотографиях? – Майкл выложил все имеющиеся фото потенциальной жертвы. Бретт внимательно изучил их все, и остановившись на фото в профиль, долго изучал его.

– Возможно... она. Тогда ночью, я лишь мгновение мог видеть ее лицо с боку... ведь только по лицу можно определить...а так, по телу, вроде как все обычные женщины, ну может не все имеют такие формы, – хотел было пошутить свидетель, но никто не засмеялся и даже не улыбнулся. Все были сосредоточены. – Очень похожа, но не буду окончательно утверждать!

Вдруг, как будто что-то вспомнив, Бретт загорелся, отчего адвокат тоже заволновалась, как бы себя не скомпрометировал ее клиент.

– Я вспомнил, кажется очень важное! – заторопился Бретт, приведя в возбужденное состояние всех присутствующих детективов в комнате. Все превратились в слух.

– Не торопитесь, вспомните все хорошенько, и расскажите! – успокаивая и в то же время подгоняя проговорил Майкл. Польщенный своей важностью, Бретт набрал воздуха и начал:

– Буду честен, тогда, давая показания я как то машинально выпустил из виду одну деталь, и вот теперь вспомнил... Да, оказывается правильно что вы решили еще раз расспросить меня о том что я видел... Хм, да, правильно...

Пока ничего не сказавшего ничего по существу, его все равно слушали очень внимательно, следя за каждым словом, словно вот сейчас, еще чуть-чуть, и из его рта выпрыгнет отгадка на все тайны мироздания, ответ на последний вопрос. Свидетель, кажется, тоже ощущал это, отчего театрально сделал паузу. Все наряжено ждали

– Так вот, помните, я говорил, что мужчина отвел под руку женщину в машину, усадив ее на заднее сиденье... И, не знаю, был ли он джентльменом, или просто чтоб не привлекать внимание, снял с себя рубашку, и возможно надел на женщину...

– Или связал рукавами руки! – предположил Мартин. Майкл поддерживающее кивнул головой.

– Не знаю, мне из моей «ямы» не было видно, только крышу, как я и говорил, но закрыв заднюю дверь, он обошел машину спереди, отчего его голый торс блеснул белизной в ярком свете фар... как еще совсем недавно, пока он не усадил женщину в машину, блестело в полной

темноте, освещенное лишь прожекторами фар, ее тело. Иными словами, домой или куда-то еще он ехал полуобнаженным... Вот, это каюсь забыл... Не знаю, поможет ли...

– Поможет! – четко ответил Мартин, действительно обрадовавшись, что получил хоть какую-то зацепку. – И последнее, в каком направлении ехал это «добрый» водитель, – к Фремонту, или от него?

– К нему, это точно помню... Кстати, важный момент! И снова я не указал его... Да, признаюсь, хорошо что снова позвали... Оказывается не все забывается а кое-что и вспоминается!

Последнее ни Мартин, ни Майкл уже не слушали, поскольку уже вышли из комнаты допросов и перешли в кабинет Мартина. Через минуту к ним присоединился Сайдвелл.

– Вот это уже кое-что! Есть первые зацепки, – заметил Мартин, усевшись за стол, и внимательно посмотрел на Майкла:

– Думаешь о том же, что и Я?

– Ага, и еще о карте. Если не ошибаюсь 880-е шоссе должно быть оборудовано камерами наблюдения, нужно посмотреть все ответвления и перекрестки, поскольку мы не знаем куда он мог свернуть и куда ехал! Ну и затем много времени чтобы просмотреть пленки...

– Сначала нужно их достать!

– Я позабочусь об этом! – вставил капитан, не без удовольствия наблюдавший как опытейшая пожилая мудрость работала в паре с умной молодостью, распутывая мудреные логические головоломки на раз. – Через пару дней они будут у нас...

– А быстрее? И желательно не ограничиваться ночью, – пусть пришлют все, что есть в течение плюс минус двух дней от 22 апреля!

– Это как получится, – я капитан, а не волшебник!

Неизвестно, что чувствовали Майкл или например, капитан, но Мартин, почему-то почувствовал себя немного легче. Ему всегда было лучше, когда он или его коллеги приближались к раскрытию очередного дела. Когда же оно раскрывалось полностью и преступники несли заслуженное наказание, он чувствовал совсем полное облегчение. Много раз обдумывая и анализируя это свое свойство, Мартин не как не мог выяснить, только лишь для себя, ни для кого больше, чем же вызвано такое ощущение. Каждый раз он находил, казалось бы ответ, но на следующий день, или на следующий год опровергал его, находя новый возможный мотив такой «заинтересованности». Это не было ни желание карьерного роста, напрямую связанное с профессиональной успешностью, ни наваянность мифом о службе для «добра», не терпя ни одного маленького нарушения прав кого бы то ни было, ни наконец, в последние годы он понял что это и не прекрасное времяпрепровождение и игра в кошки мышки с преступником. И вот, внезапно, здесь и сейчас, ему стало вдруг ясно, что он стоит не только на пороге пенсии, но и скорее всего разгадки так долго мучившего его вопроса. Приятное ощущение разлилось по сознанию. Он украдкой усмехнулся лишь кончиками губ, чувство погуляло по лицу игрой мышц, и исчезло в недрах сознания, стерев следы своего пребывания в человеке. Человек украдкой осмотрелся, – Майкл оживленно беседовал с капитаном, и Мартин, не заботясь о том что бесцеремонно вклинивается в разговор, и, не извинившись за бестактность, произнес:

– Все-таки это прекрасный мир.

– Без сомнения, – ничуть не смутившись, ответил Майкл, переводя взгляд с капитана на нового напарника, – но... хотелось бы продолжения?

– Просто я думаю, хорошо что все устроено именно так, как устроено... Даже самый скрытный и искусный преступник оставляет следы, даже в самую темную ночь за ним все равно кто-то наблюдает, *любое* преступление оставляет следы... Это чертовски упрощает нам жизнь! А что если бы это было не так? С чего начать? ... Пустота, космос – не за что ухватиться, от чего-нибудь оттолкнуться, понять, где право где лево... Объективная реальность, словно саморегулируемый совершенный механизм дает нам шанс поймать решившихся нарушить его, мира, стройный покой... То есть, объективная действительность, какой бы и кем бы

она не была, не полагается на человека, самостоятельно внося коррективы. Если бы все зависело только от человека, то его же, человеческое существование уже было бы прекращено! А так сохраняется шаткое равновесие, которое впрочем, большая часть людей пытается нарушить, не думая о том что это в первую же очередь по ним и ударит! Сколько лет работаю, все думаю над этим... И каждый раз на финише любого дела, словно подтверждение, приходит понимание, что нам... под *нам* я понимаю все человечество, а не только полицейских. Так вот, *нам* постоянно, на протяжении всей истории всегда что-то или, если угодно, кто-то помогает. Без этой помощи, мы бы уже наверное... переубивали бы друг друга... Эта мысль неотступно сидит у меня в мозгах и каждый день на работе я нахожу лишь подтверждение ее.

– Да ты философ! – фамильярно заметил Майкл, за эти дни совместной работы с Мартином они довольно близко сошлись. – Надо будет уточнить в какой-нибудь энциклопедии, есть ли у нас покровитель?

– Не знаю, как там философов, но у полицейских, при появлении таких мыслей принято уходить на пенсию! – сказал задумчиво Сайдвелл. Очевидно, пошутил.

– Что, не дождетесь? – вполне серьезно спросил Мартин. – Имейте же выдержку... скоро... Надоело, вот где уже! Каждый день соприкасаешься с мерзостью, сволочью и мусором, низостью и подлостью... Так хочется убежать и вымыть руки.

– А тебе, случайно не хочется все бросить? – повернулся к Майклу капитан, улыбаясь. Тот всем своим видом показал, что не только не хочет этого но и боится:

– Нет, у меня пока все в порядке!

– Ну-у, так еще рано. Придет со временем. Через это все проходят! – резонно заметил Мартин. Немного подумав, Майкл согласился:

– Естественно. Профессиональная деформация личности самая распространенная проблема любого человека имеющего дело с отбросами... Но это будет когда-то, не сейчас... И незачем торопить время, – не нужно лезть вперед и овладевать тем что положено на будущее, тогда и я буду другим, готовым к восприятию этой концепции!

– Вы тут работайте, а я пойду, – сказал капитан выходя из кабинета, потом, словно что-то вспомнив, остановился в дверях, и развернувшись, произнес серьезно, не шутя, глядя на Мартина:

– И поменьше бери в голову всей этой чепухи! Поверь мне, так легче... Все равно ничего глобально не исправишь, а вот инфарктик заработать можно! И передумать все невозможно. Я тоже думал много, и понял что людей так создали, ничего уже не сделаешь, а голову сломать легко, – починить тяжело! Все, удаляюсь! Работайте без надрыва и философии, только разумом, только...

– Классный кеп у вас, с юмором! – сказал Майкл, когда Сайдвелл наконец вышел. – У меня в отделе же настоящий зверь, ничего не пропускает и не прощает. Облажаешься раз – и в постовые! Годика на два...

– На сколько, на два? – выйдя из задумчивости, переспросил Мартин. – Ты это серьезно?

– Еще бы! – оживился Майкл, обрадовавшись что удалось отвлечь напарника от гиблых мыслей. – Просто, если честно, у нас показатели хуже некуда, – совершается все больше и больше, а раскрывается медленно, людей не хватает, квалифицированных, в смысле... Вот и приходится ему зверствовать, чтобы не выпустить город из-под контроля. Но он не виноват, над ним система, которая давит еще жестче, чем он на нас! Да, это жизнь... Так что у меня здесь практически отпуск! Отдыхаю.

– Хм, вспомнилась одна мудрость, – если думаешь что тебе плохо, оглянись на стоящего рядом! Теперь я вижу ее собственными глазами.

– Что будем делать дальше? – спросил Майкл.

– Пока не получим пленки по нашему делу, в принципе ничего. То есть у меня найдется работа, по другому мелкому, незначительному делу... Хочешь, можешь помочь, в пределах своей компетенции, разумеется!

– Естественно, я не посягаю на святое! – развел руками Майкл.

Глава VI. Все-таки человек... наверно

19.12 pm, 2 мая

Приехав с работы, Дмитрий вышел из машины, и, взглянув в небо – ни облачка, пошел к дому. Хотелось поскорее войти и снова очутится возле Виктории, побыть с ней, погрузиться с ней в унисон, заглянуть в ее, теперь так редко, улыбающиеся глаза.

Войдя, он застал ее за компьютером. Она блуждала по интернету и делала что-то еще. Он показал как им пользоваться на третий день ее пребывания у него, когда закончились книжки, купленные им в первый день. В доме было прохладно, – она включила кондиционер.

Бросив ключи на столик, зазвеневший стеклянным звоном, Дмитрий подошел к Виктории поздороваться. Он «здоровался» и прощался дважды в день – уходя на работу и приходя с нее, поскольку она никогда не спала, то всегда провожала его, когда он уходил. Впрочем, он запрещал ей выходить на улицу, и она провожала его только до дверей.

Подойдя к столу где она сидела, он присмотрелся на экран. И хотя в последние дни он уже не удивлялся почти ничему, сейчас все же был поражен. Виктория пролистав сайты по программированию и почитав материал, книги которые были у Дмитрия, пыталась написать свою первую консольную программу «Hello World».

– Я хотела представить, чем ты занимаешься... – опередила его вопрос она. Дмитрий лишь покачал головой и подойдя еще ближе, наклонился и поцеловал женщину в волосы. И слегка скривившись, сказал, улыбаясь:

– Знаешь, хотя я и не знаю кто ты, точнее ты не хочешь рассказать мне, но пахнешь ты как человек, даже я бы сказал невымытый человек! – пошутил Дмитрий, рассмеявшись. Виктория мгновенно развернулась в кресле вокруг оси.

– Что?

– Я говорю, тебе надо принять ванну... Честно говоря, заматавшись, я совсем забыл тебе рассказать что это такое... Да и одежду следует постирать... наше человеческое тело оно такое, быстро приходит в непорядок, буквально за несколько дней! За ним надо ухаживать... А уж тем более за таким телом как твое!

– Но почему об...этом ничего не сказано в книгах?

– Потому что ты читала американские книги, а они об этом не пишут... все больше о ненужном, модном и гламурном, а о простой гигиене – ни слова... Вот если бы ты появилась у меня на Родине, там бы одной из первых твоих книг был детский Мойдодыр (последнее слово он сказал на русском, ввиду отсутствия аналога в английском)...

– Мой-до-дыр... – медленно, но без акцента произнесла Виктория. – Но как же люди знают, что надо делать это?

– Ну, много поводов: первый – запах, вот ты сейчас пахнешь не очень, и волосы тоже, плюс все знают, что надо хотя бы раз в день принять душ или ванну...

– А откуда они знают, если в книгах нет?

– Помимо книг у людей есть родители или другие люди, самые важные «книжки» и источники мудрости и жизненного опыта... А поскольку у тебя из родителей только я, – а я очень забывчивый, просто все так внезапно навалилось! Бросай свое занятие... кстати ты очень хорошо написала программу, даже сама основную функцию расписала... хм, мне потребовался год чтобы написать «Привет Мир» с собственной функцией стандартного ввода, а ты за сегодня... ну ладно, пошли в ванну будешь привыкать купаться. Тебе понравится!

– Что такое ванна? – начитавшись, Виктория уже очень много знала о жизни людей, и теперь все реже задавала вопросы, и вот снова пробел, который видимо ее расстроил. Дмитрий улыбнулся:

– Если бы ты чаще ела, и пользовалась туалетом, то заметила бы такое приспособление... да пошли же, покажу! – он повел ее в ванну.

– Вот смотри, это ванна и душ, а это дверь, она закрывается, – Дмитрий показал как включать воду, регулировать температуру и как пользоваться мылом и шампунем:

– Это для волос... Правда мужской... О, знаешь, давай принимай ванну, а потом позже, пойдем и купим тебе все необходимое, ну там щетку зубную, шампунь, одежду женскую... Точно, давай купайся, только осторожнее с шампунем, – если попадет в глаза будет печь! Я выйду, через дверь спросишь если что то надо будет...

– Ты уходишь? – искренне удивилась она. Дмитрий опешил, ему конечно внутри очень хотелось остаться, но он не мог.

– Ну я не могу... Так неправильно. Я все тебе показал... Вот мыло, помоешь каждый сантиметр своего прекрасного тела, и смыв водой закутаешься в это большое полотенце, а я в это время брошу твою грязную одежду в стирку... Кстати, когда будет нечем заняться, поищи в интернете материал о женской гигиене... там уж точно будет! Давай, раздевайся, – сказал Дмитрий, отвернувшись. Судя по звукам, Виктория немного постояла, удивившись такому поведению его, и медленно сняв с себя все, ногой подбросила одежду к ногам мужчины. Он, стараясь не смотреть, на Викторию, подобрал вещи, и, улыбнувшись, сказал:

– Прикрой стеклянную дверь, а то воды нальешь... И смотри не обожгись, – сначала отрегулируй температуру, а потом становись под воду, как я учил, – женщина неохотно повинаясь просьбе закрыла дверь и начала робко открывать краны. Дмитрий уже выходил из ванной, когда услышал легкий вскрик и тихий смех:

– Ой, холодно!

Ему понравилось, что она смеялась, значит, начала привыкать постепенно к этой процедуре. Просто он знал, что Виктория быстро все схватывая, не ко всему приспособливалась и привыкала, игнорируя, то что ей не нравится или что она считала лишним. Она вообще была своенравна, и строга. Например, она наотрез отказалась есть и пить, лишь иногда, поддаваясь на уговоры Дмитрия, делала ему одолжение, откусив кусочек тоста, и запив лишь глоточком сока.

Дело в том что, Дмитрий до сих пор не знал, с чем он имел дело, если бы он знал что ей не нужно есть и пить, то не заставлял бы. А что если она была не совсем обычным, но все же обычным в физиологическом плане человеком, то она могла из-за своей упрямства умереть от измождения. Дмитрий, терялся в догадках, ему не хотелось потерять ее, ведь в случае чего ее же не повезешь в больницу. А сама Виктория не могла или не хотела признаваться, что она такое. Теперь же, когда в пользу человечности говорил и запах ее тела, он решил-таки научить ее есть и пить. Ну, или на крайний случай, сделав важное лицо, еще раз строго попросить объяснить ему как с ней обращаться. Дмитрий решил это сделать за ужином в небольшом ресторанчике.

Он бросил в стирку вещи, и пройдя мимо дверей ванны, прислушался. Шуршала вода, и больше ничего. Прошел на кухню, решив выпить чашечку кофе.

«Становлюсь американцем, – подумал он безразлично, – раньше пил чай, иногда проливая на клавиатуру, теперь все больше кофе!» Когда уже Дмитрий допивал кофе, дверь ванной медленно открылась и, выйдя, Виктория осмотрелась. Дмитрий чуть не упал со смеху. Женщина, первый раз в жизни проведя в душе, вышла, тихо озираясь, ища взглядом его. Ее босые мокрые ноги аккуратно ступали на пол, оставляя мокрый след. Вместо того чтобы закутаться в полотенце как делают все нормальные люди, Виктория накинула его на голову и верхнюю часть туловища, держа края руками, отчего стояла голая на половину. С ее ног стройными, как и сами ноги, струйками стекали капельки воды, маленькие и побольше. Встретившись взглядами, Виктория усмехнулась, повторив за Дмитрием.

«Все равно устроила стриптиз!» – подумал он. – «Всегда делает по-своему!»

– Дай я поправлю! – сказал Дмитрий, подойдя к женщине. Он снял полотенце с ее головы, и попросив поднять руки, обмотал ее, как обычно и делают в таких случаях. Виктория пахла мылом, паром и мужским шампунем. – Надо будет купить тебе духи! Знаешь что это? Да? Откуда?

Женщина кивнула. Она смотрела вниз, на свое укутанное тело, потом провела ножкой по небольшой лужице, оставленной ее ногой, размазав каплю.

– Вот так лучше. Кстати, надо будет купить фен... Иначе твои волосы будут сохнуть долго... у меня нет, то есть фена! Не нужен... Как высохнешь, возьми вот там одежду, пока не купим сегодня другую.. Да, вот там... Да подожди же, – командовал Дмитрий, расхаживая с чашкой кофе за Викторией, которая растерялась, что надо делать в первую очередь. – Я же сказал, сначала обсохни...

Полчаса прошли быстро. Виктория сидела на кровати в полотенце, безразлично посматривая по сторонам, возле разложенных вещей и, кажется, ждала. Дмитрий уже успел принять душ и одеться. Осмотрев себя в запотевшем зеркале, подмигнул себе и пошел в спальню. Когда он вошел, Виктория, словно воспряв духом, будто она долго делала работу которую не хотела делать, с желанием и весело посмотрела на вошедшего избавителя от этой работы.

– Уже можно? – робко спросила она. Дмитрий поднял брови:

– Ну не знаю, наверно. Человек сам знает когда уже высох. В принципе довольно много времени прош... – Дмитрий не договорил, еще при слове «наверно», Виктория вскочила с кровати и сорвав с себя полотенце, начала пытаться одеваться. Дмитрий, повинувшись инстинкту навязанного воспитанием, отвернулся, добавив:

– Сама справишься? Только не попутай зад и перед. Помнишь, как я учил? – сказал он. И снова, не договорив, он почувствовал, что Виктория осторожно взяла его за плечо. Он обернулся. Женщина стояла совсем рядом, в темном платье до колен, с приличным декольте и большим вырезом сзади. Платье было расстегнуто. Она улыбалась. Ее глаза горели, играя огоньками. Но Дмитрий заметил, что кроме этого, в них появились и еще некоторые отблески. Сразу не понял этот взгляд, словно прикосновение тайны, недосказанность.

– Давай я застегну... – почти шепотом сказал он. Женщина повернулась, медленно, грациозно. Он плавно потянул за застежку, начинающуюся от середины ягодиц и идущую до середины спины.

– Да уж... Такое платье мог выбрать только мужчина... – размышлял вслух Дмитрий. – Вечернее платье для прогулки по улице и похода в супермаркет. Да и еще для женщины без нижнего белья! Так что первым делом заскочим в отдел одежды... тебе надо одеться самой, попримочнее, что ли... Хорошо что темного цвета и вечером, а то твои торчащие соски были бы видны за километр... И чем я думал, когда покупал его?

– Разве люди думают не мозгом? – спросила Виктория, обернувшись вокруг оси, показывая себя, как делают модели в глянцевах журналах. Дмитрий криво усмехнулся.

– Знаешь, тебе не надо зазнаваться! Ты уже много знаешь, но еще больше пока для тебя загадка! Так вот, как самый обычный человек, мужчина, отвечаю, – люди могут, и более того, в основном думают, не только мозгами! Это запомни, поможет по жизни...

– А чем же? – вполне серьезно спросила Виктория, натягивая носки, сидя на кровати. Дмитрий поморщился:

– Если ты и дальше будешь бегать нагишом передо мной, то я не выдержу и покажу наш «основной» мыслящий и руководящий нашим телом, орган, и, не дай Бог, еще применю... – пошутил, улыбнувшись он, а потом, глядя как Виктория, которая еле одев правый носок, попыталась одеть левый, добавил. – Ты туфли будешь одевать? Тогданими,ними правый носок... туфли без носков носят! И расчешись... у тебя отличные волосы, но и они требуют ухода... Да-а, придется еще и в салон сходить!

Женщина, сняв один носок, надела туфли, и попыталась аккуратно встать. Постояв на шпильках, она прошлась по комнате. Довольно неплохо получилось, несмотря, что она, наверное впервые пошла на каблуках.

– Как я выгляжу? – поинтересовалась она, стоя у зеркала шкафа, смотря на Дмитрия в отражении. Дмитрий с секунду осмотрел ее, или сделал вид, что осмотрел, заметив:

– Прекрасно, как всегда... вообще – но не по стилю вечера! Но скоро мы это исправим. Ну что, красавица, запомнила сегодняшней урок юной леди: каждый день душ\ванна, когда совсем жарко, то и почаще, причесывание и смена одежды... Окей?

Виктория закивала, рассматривая себя в зеркале. В этот момент у нее на лице не было эмоций, которые должны бы быть у любой женщины рассматривающей себя в зеркале перед выходом.

Было уже почти темно, когда и Дмитрий и Виктория вышли из дома. На улице чувствовалась прохлада, отчего снаружи было комфортнее, чем в закрытом помещении. До торгового центра было не более получаса минут ходьбы, но Дмитрий не стал рисковать быть увиденным соседями своей спутницей, решил воспользоваться машиной.

В этот раз, усадив Викторию на переднее сиденье, он заметил, что она снова приобрела пыливый вид. Еще бы! Это был ее первый выход за пределы его дома, за несколько дней ее земной жизни. Там, внутри душной коробки, проведя несколько томительных дней, она кажется начала скучать, изучив все что только можно было. Теперь, когда она впервые выезжала, ее глаза вновь загорелись интересом.

Отъезжая от дома, Дмитрий все оглядывался, смотря по соседским домам. Вроде никого не было, и никто не наблюдал. Впрочем, было уже достаточно темно, чтобы что-то детально рассмотреть как в машине, так и на улице. Вместе с ним, головой крутила и его спутница.

– Как будем среди людей, – постарайся вести себя попроще, не рассматривай всех в упор, не задерживай взгляд на ком либо. попроще и естественней, – давал последние наставления Дмитрий, быстро приехав к торговому центру. – Вот и приехал! Выходи... или, нет, подожди! Я выйду и открою тебе двери, так делают люди.

Он выскочил, оббегая автомобиль спереди, подходя к пассажирской двери, открыл ее. К его удивлению, выходя, Виктория подала ему руку, по всем правилам. «Значит все таки некоторые правила поведения описаны в книгах!» – мелькнуло у него. Он подхватил тоненькую ручку, позволив Виктории грациозно выйти из его скромной машины.

– Такой как ты надо ездить на Бентли... – задумчиво произнес Дмитрий, заметил, что женщина не слушает его, вертя головой по сторонам. И засмотреться было на что, особенно такому «молодому» человеку, бывшего впервые среди людей.

Паркинг был полон. Автомобили приезжали и уезжали, слышался смех и сливающийся говор сотен людей. Вдалеке играли музыка и горело огнями здание торгового центра. Вдруг где-то недалеко раздался пронзительный детский визг. Виктория, словно ее ударило током повернулась на звук. Дмитрию тоже стало интересно и он увидел через три машины в соседнем ряду паркинга, большую семью. Кричала девочка, лет шести, которую из водяного пистолета «смачивал» мальчишка лет восьми, видимо ее брат. Потом это заметили родители, довольно тучные особы, и быстро прекратили любимое занятие мальчика, отобрав пистолет. Ему, видимо, это не понравилось, он в отместку погнался за сестрой, гоняя ее вокруг родительской машины.

– Это дети? – робко и загадочно спросила Виктория, смотря вслед удаляющимся по направлению к входу супермаркета, семье, дети которой только что дрались. В ее глазах мерцали огоньки освещения здания.

– Ага, – как можно равнодушнее ответил Дмитрий, – но бывают и лучше! Ну пойдем, и помни – естественнее, без резких движений, спокойно и плавно – и нас никто не заметит...

Он взял за руку Викторию и повел в торговый центр. Как только они вошли, началось сумасшествие. Есть торговые центры в крупных городах, где все высоко и размеренно, тихо, как будто поглощая мирской шум и спешку монолитом мраморных полов. Такие центры привлекают клиентов искушенных, разбирающихся и знающих что им конкретно нужно. Там нет музыки в каждом отделе, сливающейся в одну бубнящую мелодию, нет спонтанных покупок и завлечения клиентов светозвуковыми эффектами, и нет россыпи отделов но-нейм брендов.

Сейчас же, только оказавшись за входом в торговый центр, Виктория и Дмитрий оказались без преувеличения в центре развлечений загородного типа, где обитал народ попроще. Где действовали свои правила привлечения клиентов. Музыка неслась со всех сторон, пусть и не громкая, зато перебивающая мелодии других отделов. Сразу за входом были кафе, – побольше и поменьше, уже совсем почти заняты. Несмотря на не поздний вечер, людей было много, они ходили и ездили на эскалаторах, толпились на всех четырех уровнях торгового центра, сталкиваясь и извиняясь, впрочем не обижаясь, не желая портить себе вечер. Кто-то спешил в кинотеатр, находящийся здесь же под крышей, несясь сквозь толпу с полными ведерками воздушной кукурузы, кто-то празднично шатался просто так, рассматривая зеркальные витрины. Все тонуло в свете и разноцветных огоньках. Все были счастливы, или казались такими.

Пройдя несколько метров по торговому центру, Дмитрий с досадой заметил, что они с Викторией слишком выделялись среди толпы. И дело даже было не в том что, она вертела, несмотря на предупреждение, головой вверх и вниз, а также по сторонам. Нет, просто здесь был совсем другой контингент. Здесь были люди одетые просто, в основном в джинсах и майках, джинсовых куртках и кроссовках, и прочих комбинациях вышеперечисленного.

Еще проходя мимо кафе у входа, Дмитрий заметил, как сидящая за столиком группа мужчин не совсем корректными, возбужденными взглядами провожала Викторию, которая несколько секунд рассматривала их, потом, видимо вспомнив наставление, демонстративно отвернулась. Затем, напоследок они обсмотрели и Дмитрия, словно пытаясь найти ответ, что могла найти такая женщина в этом ботанике.

Да, эта парочка выделялась, и Дмитрий поспешил в отдел одежды переодеть хотя бы Викторию. Ее полунеприличное вечернее платье, под которым ничего не было, привлекало слишком много внимания, выделяясь на фоне всех остальных стилей одежды. Впрочем, Дмитрий, одетый в черные брюки и белую рубашку в паре со строгими туфлями, тоже не очень вписывался в общую картину.

– Давай зайдем вот сюда? – предложил Дмитрий, проходя мимо одного из отдела одежды, потом, глянув на вывеску, сказал, уводя прочь Викторию. – Нет, в другой зайдем, здесь я был тогдашним утром! О, давай зайдем в этот!

Они зашли в магазин женской одежды, расположившийся под известным брендом. Здесь была продавец женщина, что и нужно было Дмитрию. Он позвал ее, и она, закончив с клиентом, быстро подошла.

– Да? Что-то конкретное или выбираете?

– Да нет, надо бы гардероб обновить... полностью! – замаявшись спрашивал Дмитрий, и после того как продавец-консультант утвердительно кивнула, продолжил. – Я бы... Мы бы хотели, что бы вы вот с ней подобрали ей что-нибудь классное и одели ее прямо сейчас. А то она выглядит несуразно... Просто у нее украли чемодан с вещами, и осталось вот только это! – быстро добавил Дмитрий, как бы отвечая на удивленный взгляд продавца.

– Ну хорошо, у нас есть все необходимое... Наличными или карточкой?

– Как вам удобнее! – ответил Дмитрий, немного успокоившись. И повернувшись к Виктории, тихо прошептал. – Иди за ней, я подожду здесь и будь естественнее. Не бойся...

– Я не боюсь, – смело ответила она, в ее глазах еще было видно смущение первых минут хаоса супермаркета, поскольку весь этот шум и гам был для нее впервые. Затем она пошла, увлекаемая продавцом вглубь магазина.

– Можете подойти к примерочной! – сказали издали продавец Дмитрию. На что он отрицательно покачал головой:

– Спасибо, я подожду здесь! Я доверяю вашему вкусу.

Дмитрий присел на диван в магазине, и стал ждать. Он ждал довольно долго, иногда видя как продавец и Виктория переходили из одной секции к другой, что-то выбирая, и снова возвращаясь в примерочную.

Примерно через час, из-за витрин и полок с вещами показались счастливый продавец, и улыбающаяся Виктория. «И насколько интересно, все это затянет?» – подумал Дмитрий, вставая навстречу женщинам.

Через мгновение, он увидел Викторию и засмотревшись на нее, забыл что надо заплатить. Она вышла из за стеллажей медленно, аккуратно, словно стесняясь, опустив глаза. В руках у нее были туго набитые пакеты с новой одеждой и бельем. Она была одета шикарно, стильно и по-современному, где каждая деталь одежды подчеркивала безупречные линии ее тела. Такими же классными были новые черные с белыми линиями туфли, с элегантным бантом-бабочкой сзади.

Опомнившись, Дмитрий подошел к кассе и достал карточку. Несмотря на то, что много было всего куплено, вся прогулка по бутику обошлась всего лишь в 2480 долларов. «Не так уж и много...» – подумал Дмитрий, расплачиваясь. Он стоял возле кассы и продавца, Виктория стояла поодаль, романтично улыбаясь и рассматривая что-то возле себя на полке с блузками.

– Она просто чудо, – сказала продавец бутика, обрабатывая карточку, – такая робкая и застенчивая... Такое сегодня не часто встретишь. Наоборот, все больше напыщенности и развязности... Я подобрала ей нечто молодежное, милое и романтичное, под стать ей самой... Вам нравится? Она так мило стеснялась, когда мы примеряли белье... просто очаровательно, правда... Такое ощущение, как будто она делала все это впервые! – она вернула карточку.

– Да, я знаю, спасибо... Я смотрю вы, и волосы ей собрали? Просто мы сейчас пойдем в салон...

– Пришлось! Они такие пушистые и непослушные, мешали при примерке... Спасибо, приходите еще!

– Обязательно, до свидания! – попрощался Дмитрий, Виктория же сделала характерный жест ручкой, на которой уже красовались браслеты и другие аксессуары. «О, все же глянцевые журналы для чего-то да сгодились!» – подумал Дмитрий, когда они с Викторией выходили из бутика.

– Надо теперь найти салон для укладки. А то уже довольно поздно, и наверное не все из них еще работают, если вообще работают. Поищем! А, вот смотри, указатель... Так, на третьем этаже, вот карта прохода, идем... – выбирал дальнейший маршрут Дмитрий, увлекая за собой за руку женщину. – Давай мне пакеты. Вот так, теперь тебе лучше идти... Вот это да! Ничего себе накупили... хоть каждый день меняй все...

– Знаешь, она на меня что-то одевала, эта деталь, кажется, она называла их трусики... я видела их в журнале, но они назывались по-другому... – задумчиво произнесла Виктория, – и еще на грудь что-то одела!

– Ну да, все правильно. Именно это я и просил ее сделать... А на грудь одела бюстгалтер...

– Да, именно так... в журнале... – вспомнила Виктория, осторожно ступая на бегущую ленту эскалатора, вслед за Дмитрием. – Просто так странно... они меня интересно сдавливают... Приятное ощущение.

– Хм, странно. Они не должны давить...

– Но я чувствую их, – обычно, без удивления произнесла Виктория. И потом, словно вспомнив что-то, добавила с энтузиазмом, – а давай я тебе покажу и ты скажешь мне?

– Не-е-т, не надо... По крайней мере не здесь, – рассмеявшись запротестовал Дмитрий. – А то кроме меня соберется еще очень много желающих поучаствовать! Давай, я лучше аккуратно незаметно пощупаю швы?

Виктория согласившись без сомнения, повернулась к нему задом. Дмитрий, изумленно обернулся.

– Ты что? Еще бы наклонилась... Не надо крутиться, я и так достану, – сказал тихо он, обняв Викторию и положив руку сначала на талию, а потом медленно опустив ниже и легко проведя ладонью по выпуклостям, отдернул руку назад. Ему стало противно от такого своего поведения, хоть было и приятно провести рукой по нежному шелку одежды, покрывающей пышные формы Виктории.

– Все равно не могу привыкнуть, я их чувствую... странно... А как ты привык к этому? – и вдруг искорка пробежала по ее глазам, – А у тебя какие, такие же или тонкие?

– Да уж, тебе надо не только женские журналы читать. Стиль одежды различаются по полам, и естественно, мужчины носят совсем другое, нежели женщины... И привыкать к одежде человек начинает с самого раннего детства, уже окончательно освоившись к более поздним годам, не говоря уже о зрелости... Это как нечто само собой разумеющееся! Просто ты живешь быстрее и *не с начала*, вот все так странно. Ничего, привыкнешь... Стой, вот здесь духи продаются, зайдем?

Женщина кивнула, и они вошли в утонувший в запахах салон. Подойдя к стендам, Дмитрий стал выбирать духи, давая их своей странной, но все же такой неопытной женщине. Ей понравилось, и она с удивлением стала нюхать почти все подряд, радуясь каждому новому запаху как ребенок. Потом начала по капельке распылять на запястье, как показал Дмитрий, отчего после двадцатого запаха, она пахла как ярмарка духов. Наконец, остановившись на запахе жасмина и терпком цитрусовом, впрочем, очень сладком, парочка вышла из бутика и, найдя глазами, салон причесок, пошла к нему.

– Ты платишь деньги за все это? – скромно поинтересовалась Виктория. – Ты берешь их на работе?

– Не беру, а зарабатываю...

– Я не сильно разоряю тебя? – еще тише спросила она. Дмитрий удивился:

– Что, в книгах и про такое пишут? Впервые вижу женщину, которая бы переживала за кошелек мужчины. Обычно если он недостаточно зарабатывает, она его бросает, а не жалеет... ну это у земных женщин... а ты неизвестно кто! А по поводу разорения, то я с гордостью (улыбочка) хочу сказать, что я высококлассный специалист, работаю в хорошей компании и достаточно зарабатываю, чтобы иметь возможность побаловать тебя. Хотя, все это не баловство, а необходимость – просто ты так внезапно свалилась на меня! И эти приятные хлопоты мне нравятся. И самое главное, я могу себе это позволить... Например, если бы у тебя были водительские права, то я хоть сейчас мог бы купить тебе почти любую новую машину... ну кроме обещанного Бентли, конечно. А все эти шмотки, – это просто смех, я могу и больше купить! – рассмеялся он. Тем временем, они подошли, наконец, к салону. Зайдя в него, задержались почти на час. Дмитрий попросил уложить волосы как можно естественнее, но не подстригая их. Стилист очень удивился, что заказ делает не сам клиент, а его спутник, но повиновавшись, выполнил все хорошо. Выйдя из салона и идя вдоль стеклянных витрин Виктория постоянно смотрела на свое отражение. Казалось ей нравилось как она выглядит. Это заметил и Дмитрий, ему же нравилось, что он смог доставить удовольствие, развеселить хоть чем то, его Викторию, сильно посерьезневшую с момента начала изучения книг и жизни на земле.

По пути Дмитрий приобрел как и обещал фен и еще пару нужных каждой женщине штук. Сама же Виктория, которой и предназначались покупки, смотрела на них с удивлением. Дмитрий же подумал что так даже лучше – будет чем заняться, изучая их, чтобы не скучать одной пока он на работе.

– О! А куда это помчались эти люди? – спросила она, следя за метущимися фигурами, и у Дмитрия возникло ощущение, что она хотела бы присоединиться к ним. На всякий случай, он взял ее под руку, и отведя в сторонку, ответил:

– Тут рядом кинотеатр, и сейчас начинается последний 10-ти часовой сеанс... Как-нибудь сходим... Не все же в один день успеть! Вроде все, что нужно было сделали? Ну что, давай посидим в кафе, тут есть хорошее местечко, отдохнем от бега?

– Давай... – как-то без энтузиазма сказала Виктория. Дмитрий взял ее за руку и повел на первый этаж в свое любимое место. Пока они спускались, стало заметно, что уже ночь, людей стало намного меньше, – половину были в кинотеатрах, остальные в кафе или на свежем воздухе, на улице.

– Только я ничего есть не буду! – уже подходя к входу в кафе заявила уверенно Виктория. Дмитрий покачала головой, соглашаясь.

– Мы только посидим, пообщаемся... А то все как-то не удастся просто поговорить... Узнать друг друга лучше! Вот и пришли. Давай вот за этот столик? Присаживайся.

– Спасибо, – сказала Виктория, усевшись, – ты заказывай, а я просто... посмотрю на тебя. Само кафе было небольшое, на девять столиков, в темных тонах, отделанное деревом. Столики почти со всех сторон были окружены сплошными высокими мягкими сидениями, отчего оставался лишь один проход, создавая обстановку приватности. В этой полутемноте, подсвеченной желтыми абажурами фонарей, стоящих на столиках, тихо и мелодично, словно дым от кальяна, растекалась легкая музыка. Лично Дмитрий не любил ни джаз, ни американскую классику, но здесь в этом месте, она звучала отлично – всегда в тему и к месту.

Шелковая ткань скатерти нежно ласкала ноги, легко скользя по ним, будучи потревоженной любым движением. Дмитрий заказал ужин на двоих, чтобы не привлекать внимание.

– Странно, как это ты есть не хочешь? Я например, очень проголодался, – сказал Дмитрий, закладывая салфетку. Принюхался к принесенному официантом блюду – оно пахло восхитительно, возбуждая аппетит. Но его волновал не только голод. Пережевывая кусочки, он украдкой поглядывал на Викторию, обдумывая как начать назревший разговор. Женщина сидела молча, перемешивая соломинкой сок в стакане, так же изредка, скрыто поглядывая на своего спутника. Она загадочно улыбалась. В полутьме Виктория со своей фирменной грустью смотрелась просто божественно. Когда она подымала глаза на Дмитрия, желтые огоньки лампы заигрывали неземной пляской в ее взгляде. Неизвестно, знала ли она это, но немое восхищение в глазах Дмитрия, скорее всего, становилось видимым и для нее. Земные женщины чувствуют, когда они восхищаются мужчиной, знала ли это Виктория, неизвестно, но в пользу этого говорила странная, загадочная улыбка на ее лице. Определенно, многого еще не осознав и не поняв в человеческих отношениях, она все-таки что-то уже могла чувствовать.

– Может ты все-таки уже расскажешь, так, по секрету, кто же ты такая? – полушепотом, заговорщицки улыбаясь, решил начать сложный разговор Дмитрий. Внезапно искорка в нежных глазах погасла, забрав с собой в небытие и улыбку, словно Виктория вспомнила то, чего не хотела бы вспоминать. Соломинка, наконец, была оставлена в покое. Женщина откинулась на спинку дивана. Дмитрий, смутившись из-за такой реакции, понимал, что недосказанность не может продолжаться вечно, и как бы ни было неудобно и противно говорить о наболевшем, это все же придется сделать. Сделав серьезное лицо, он глотнул сока, и продолжил:

– Эта... неопределенность, мягко говоря, не может длиться вечно... Понимаешь, все так сложно... Я попытаюсь сколько смогу сохранить наш тесный мирок, нашу маленькую тайну. Но так не может быть вечно. У меня есть жизнь, коллеги, друзья. Рано или поздно они узнают о тебе или же заметят изменения в моем поведении. Люди чувствуют такое... Или, не дай Бог, о тебе узнает *государство!* Ты знаешь, что тогда будет? Я – не знаю! И, честно говоря, не хочу... Ты не ешь и не пьешь, но в тоже время, твое тело также живет как мое или чье либо еще... и это сводит меня с ума – так кто же ты, человек или нет?

Пока Дмитрий выговаривал все это, Виктория сидела поникнув головой, и кто знает, что происходило под этой чертовски привлекательной оболочкой.

– Я не знаю... наверно человек... Но не такой как ты или кто еще... – медленно, меланхолично, с болью протянула она. – Я не могу объяснить. Чувствую, но не могу объяснить, – нет слов! Мне надо еще почитать, пожить, подумать и может быть тогда я обязательно узнаю...и расскажу тебе. Обещаю!

Немного помолчали, у Дмитрия пропал аппетит. В этой светлой головке явно что-то пряталось, и он не знал, хочет ли чтобы *оно* показалось, прояснив ситуацию, или нет. Но что-то надо было делать, это и толкало на обострение разговора.

– Извини, конечно, но все же если ты захочешь поговорить, или что-нибудь вдруг станет яснее, но ты не сможешь это выразить, всегда можешь попросить моей помощи... Я найду нужные слова! Раз уж так судьбе было угодно, чтобы ты попала ко мне... то я сделаю все от меня зависящее чтобы ты не пожалела об этом!

Виктория несколько раз кивнула головой, все так же опущенной, в знак согласия. Очевидно, несмотря на смех и улыбки, она также часто, если не постоянно, задумывалась над своим будущим и настоящим, тщетно пытаясь вспомнить свой путь сюда, на Землю в этот пыльный мир людей. Посидели, помолчали. Хорошо начинавшийся вечер, закончился не очень приятно. Так бывает, особенно если имеешь дело с неизвестностью, или с чем-то, что сидит у тебя в голове и не отпускает.

Еще немного подождав, Дмитрий предложил, наконец, поехать домой, поскольку уже было поздно. Виктория согласилась как обычно без видимой радости или печали, лишь кивнув головой.

Когда они вышли на улицу, была уже ночь, паркинг почти совсем опустел. Машина Дмитрия одиноко стояла поодаль, освещаемая желтыми фонарями уличного освещения. Было прохладно и тихо, не было гомона голосов и какофонии музыки. Лишь поодиноко стоявшие машины наполняли паркинг свидетельством, что здесь еще были люди.

Вдруг где-то издалека раздался приглушенный групповой хохот, и затем вскрик, утонувший в невыносимо громком свисте колес, стираемых об асфальт. Виктория, вздрогнув, повернулась посмотреть на происходящее вдали.

В ста ярдах от Дмитрия и Виктории была группа молодых людей и несколько машин. Две из них стояли, освещая фарами площадку, люди же, стоявшие полукругом, были в возбужденном состоянии, махали руками и видимо что-то кричали. Но их крик тонул в визге шин желтого автомобиля, крутившегося на месте, сжигая резину, выпуская ее дух сизым дымом из-под авто. И вот человек в автомобиле отпустил тормоз и рванул с места несясь по пустому паркингу, проехав некоторое расстояние, водитель лихач с таким же шумом и свистом развернулся и помчался обратно к толпе беснующихся молодых людей.

– Что они делают? – спросила Виктория, неотрывно смотря вслед желтому автомобилю. В темноте, ее глазки вновь загорелись огнем интереса. Дмитрий усмехнулся.

– Дуреют...

– А давай подойдем и посмотрим? – не отступала женщина, следя за действиями людей.

– Тебе что захотелось приключений на свою светлую голову? – насмешливо поддел Дмитрий. – У них своя компания, и лишние им не нужны... потом не отцепишься...

– И что же они могут... нам сделать?

– Может ничего, – задумчиво ответил Дмитрий, увлекая за руку Викторию к своей машине. – А может что-то и выдумают... Наверняка они под чем-нибудь. В лучшем случае под алкоголем. Там сейчас бурлят эмоции и тестостерон, и проверять эту компанию на приличие у меня нет желания! Садись...

Виктория села в машину, уже не следя за группкой развлекающихся людей, поняв, что не сможет присоединиться к ним. Она опустила голову и уставилась куда то влево вниз. Дмит-

рий заметил это, ему стало неловко. Трогаясь с места, он нарочно, чтобы развеселить Викторину, сделал это очень резко, вырвав на мгновение визг из под колес своего Форда, понесся по паркингу на выезд.

– Что ты делаешь? – удивилась Виктория, схватившись за подлокотник двери. Дмитрий не без удовольствия заметил, что ее глаза вновь сверкнули. Он все чаще определял ее внутреннее состояние, эмоции по глазам, поскольку зачастую ее прекрасное лицо ничего не выражало кроме грусти.

– Пытаюсь поднять тебе настроение... – весело ответил Дмитрий, с таким же свистом колес выехал на шоссе, ведущее домой. Он посмотрел в зеркало заднего вида. – Будем надеяться, что те гонщики не заметили моих лихачеств и не вздумают посоревноваться... Они могут!

– Правда?

– Ты не знаешь людей под кайфом! Они могут все...

– А что обязательно они должны быть под... кайфом? – удивленно спросила Виктория.

– К сожалению, да! Человечество уже не может обходиться без какого либо допинга, увлекающего от реальности... На трезвую им скучно, нудно и страшно в этом мире, вот и прячутся в мире грез!

– А можно мне попробовать... я читала... но так, на себе интересней...

– Еще чего! Нет, конечно... Я с тобой трезвой не могу справиться, не знаю что и как! А то еще и напьешься! О, смотри, – Дмитрий включил радио, несясь по пустынному шоссе. – Эта песня звучала, когда я тебе подобрал, тогда, ночью! Помнишь? ... Я так за эти дни замotalся, что даже каждый день по пути на работу, не менял радиостанцию... и вот теперь после нескольких дней они вновь повторяют эту песню! Совпадение... Хотя, знаешь – есть совпадения, а есть судьба... Вот и приехали, – Дмитрий вновь, ради шутки, посмотрел в зеркало, – сами, без гостей!

Виктория повелась на этот трюк, и вместе со словами мужчины оглянулась назад. Удостоверившись, что никого нет, она повернулась обратно. Они вышли. Странно, почему-то Дмитрию вовсе не захотелось осмотреться, никто не наблюдал ли за ними. Ему вдруг стало все равно.

– Уже поздно, будем спать! – сказал он, открывая входную дверь, впуская Викторину внутрь, женщина с грустью ответила:

– Я не буду, – не хочу...

– А тебя никто и не заставляет, – тебе не нужно завтра на работу. Кстати, завтра последний рабочий день перед уикендом... И я твой на несколько дней. Со всеми деньгами, надоедливыми разговорами и занудностью!

Глава VII. Сложности. Психологический портрет

10.12 ам, 5 мая

Наконец, обработав запрос полицейского управления, дорожные службы предоставили запрашиваемую видеозапись указанного периода. Всю неделю после допроса свидетеля, напарники занимались всем чем угодно, только не основным делом, поскольку не к чему было подступиться, одна лишь зацепка была, возможно на одной из записей, и, естественно, пока их не предоставили, приходилось лишь строить теоретические конструкции, малопригодные для реального расследования. И вот записи были переданы в полицию. Их привез курьер рано утром. Мартин был на выезде по одному делу, где он был в качестве эксперта. Майкл же приехал в участок в 9.00, и узнав, что видео здесь и ждет обработки, позвонил Мартину. Он, услышав такую долгожданную новость, бросил все помчался в свой участок, еще не зная что их ждет.

Мартин и Майкл встретились в коридоре, пожали руки и теперь уже идя в одном направлении, разговорились.

– Откуда узнал? – спросил Мартин. Майкл же заметил, что с момента первой встречи с Эвенсоном, тот немного преобразился, стал немного опрятнее. Его это порадовало.

– Ниоткуда, приехал – доложили... А чего так долго?

– Черт его знает! Спросил у шефа: официально – очень много запросов на видеоматериал, делали копии... Кстати, что там с пальчиками «Гампа»? – осведомился Мартин, открывая дверь в просмотровую, и пропуская вперед Майкла. Тот, войдя и осматриваясь, ответил:

– Прогнал по базе с различными критериями – чист как Будда. Мне даже стало интересно, он хоть одного москита убил во время ночевки под открытым небом или из законопослушности позволял им себя жалить?

– Присаживайся, шутник, – протянул стул Мартин. – Вот познакомьтесь – это наш эксперт Чарли... Как, вы знакомы?

Чарли, полный, начинающий лысеть, низкого роста мужчина, в цивильном, смотрел весело из-под своих очков то на Мартина, то на Майкла.

– Так с его же участием я искал отпечатки в федеральной базе! Так и познакомились, – ответил Майкл.

– Тогда приступим! – потеряв руки, произнес Мартин. Он подсел поближе к Чарли и его монитору. – Я смотрю ты уже начал просматривать! Что-нибудь есть?

– Пока нет! – ответил эксперт, вставляя очередной диск с записью видеонаблюдения в дисковод. – Очень много часов записи... Кстати, я просто пробежался, поэтому вот этот диск №2 пересмотрите еще раз на всякий случай! Смотрите внимательно, записи черно-белые, да и еще снятые ночью в ночном видении, – помните об искажении тонов на таких пленках...

– В принципе нам нужен не цвет, а оттенок – любой темный или из темных, – сказал Майкл, взяв в руки 10 дисков из 52-х, и, посмотрев на общее количество, сказал. – Наверно надо разделиться, одновременно просматривая, иначе все это надолго затянется! Поделим на троих...

– Нет, на двоих! – с улыбкой сказал Чарли, подымаясь со стула и уходя из кабинета. – Это не входит в мои обязанности, поэтому предоставляю вам кабинет и желаю приятного просмотра. А у меня есть дела другие! Извиняюсь.

– Видел? Классно съехал! – сказал Мартин, когда захлопнулась дверь позади Чарли.

– Просто он раньше нас понял сколько здесь работы... Тут можно потратить неделю и ничего не найти!

– Не все так плохо. Мы могли потратить ту же неделю на бесцельные поиски, в нашем же случае есть шанс, что мы сразу выйдем на точные координаты возможного преступника. Дело того стоит...

– Ладно, уговорил. Ты работай за тем монитором, а буду за этим! Чем быстрее начнем, тем быстрее просмотрим. Предлагаю начать с вечера 22 и до утра 23, если же ничего не будет, – придется смотреть все! – справедливо заметил Мартин. Майкл, уже приступивший к просмотру, крутил джойстик видеоперемотки, кивнул головой, не отвлекаясь от экрана.

Время летело быстро, пленка медленно. Полицейские вглядывались в нечеткие, мутные, снежащие кадры ночной съемки, тщетно пытаясь рассмотреть водителей в тысячах автомобилях. К концу дня было просмотрено лишь 7 дисков на двоих. Нетронутая, пугающей горой лежали диски, которым внимание еще не было уделено. Это угнетало, – время шло, а дело не продвинулось ни на шаг.

Дважды заглядывал капитан, пытливо всматриваясь в уставшие лица напарников и по взглядам читая отчаянье и усталость, уходил.

– Смотрю на все это и думаю, – начал Майкл, вставая чтобы размяться. Он включил освещение в кабинете, – уже был поздний вечер, – даже если что и найдем... Номера все равно не видно, все так мутно и нечетко! Придется искать по марке авто и приблизительно по цветовой гамме...

– Ты бы не отвлекался, а то мы никогда не закончим! – заметил Мартин, сам уже тупо и беспомощно, на силе воли, вглядываясь в экран.

– Встань, разомнись! – предложил Майкл. – Давай сходим, выпьем кофе. Чувствую ночь будет темной и бессонной!

– Лучше принеси, мне покрепче... завари, не из автомата...

– Да я бы принес... Но хотелось чтобы ты размялся, прошелся и я бы... А то уже восемь часов здесь сидим!

Мартин, словно прислушавшись к совету молодого напарника, оторвался от монитора, предварительно нажав на «стоп», чтобы ничего не пропустить. Потом медленно наклонил голову влево, затем вправо как можно ниже. Хрустнул лишь один позвонок. Он поднялся и пошел к выходу, за ним последовал Майкл, который выходя, потушил свет, как символ того что не хочет сюда возвращаться, по крайней мере, сегодня.

– Слушай, а давай ко мне, поужинаем по-человечески, познакомишься с Эмбер? Рабочий день уже закончился, – вдруг предложил Мартин, которому стало не по себе при взгляде на кофейный автомат, – они с Майклом за рабочий день наверно выпили по галлону кофе, ему так показалось. Майкл замялся.

– Не знаю, не хотелось бы напрягать Эмбер моим присутствием... К тому же...

– Ой, только не говори, что собирался провести вечер в медитациях или в веселой компании! – поддел напарника Мартин. Майкл улыбнувшись, остановился, словно раздумывая над предложением.

– Да какой там! Еще один душный вечер в номере... Ладно, поехали. Посмотрю на твою берлогу! – согласился, наконец, Майкл. И потом, вспомнив что-то, обратился к Мартину, указывая назад на кабинет, где они просидели весь день. – А с этим что делать?

– Завтра продолжим с утра! Я думаю, никто не тронет этот сизифов труд... Ты и свет кстати потушил.

По дороге домой Мартин молчал. Майкл хотел что-то сказать, но видя, что напарник погружен в мысли, не стал его тревожить. Только лишь сказал:

– Ты бы позвонил домой, сказал, что не сам приедешь. Ну, знаешь, чтобы не было неловко...

– Кстати, да! – спохватился вдруг Мартин, доставая мобильник из бокового кармана. Нашупал кнопку вызова, нажал ее. Перебросившись пару словами с женой, он кинул мобильник на полочку на приборной доске.

– Оу, да ты современный пенсионер! Мобильник неотъемлемая часть жизни? Разбираешься в технике? – пошутил Майкл. Мартин иронично посмотрел на него:

– Ага, за год пользования уже целых две кнопки выучил!

Тем временем подъехали к дому. Он был более чем скромен, один из миллионов домов, в которых живут простые люди. Хотя было темно, Майкл пытался рассмотреть и дом, и небольшой дворик перед ним. Это заметил Мартин, и ему вновь не очень понравилось, словно как там, в первый день знакомства, в кабинете.

Они поднялись по высокому порогу, войдя в открытую Мартином, дверь. Уже в коридоре, довольно узком и заставленном устаревшей мебелью, их встретила предупрежденная о визите Эмбер. Познакомились, обменялись малозначащими комплиментами, заложниками требований этикета.

Эмбер пригласила гостя и мужа за стол.

– Что уже готово? – удивился Мартин, – надо почаще гостей приводить....

– Вот только не надо этого! Как будто я каждый день не жду тебя с приготовленным ужином! Тем более заранее позвонил, – по актерски надувшись, сказала Эмбер. Все улыбнулись, чтобы смягчить неловкость первых минут. Майкл со свойственной ему дотошностью, украдкой рассматривал женщину, словно с помощью ее портрета, пытался завершить психологический портрет напарника, заполнив недостающий пазл. Это стремление, обрисовывать образы людей, было автоматическим, без его воли или желания. Просто он так привык и всегда делал.

Эмбер, несмотря на возраст, была еще довольно привлекательной женщиной, лишь глаза выдавали непростую жизнь жены полицейского. Глубокие, потемневшие, потерявшие искру. Скромный характер отражался во всем, от простенького платья до такого же внутреннего убранства дома Эвенсонов.

Небольшая кухня, в которой давно не менялась мебель и кухонные принадлежности. Обеденный стол, под большой яркой лампой, был накрыт белой скатертью и уставлен едой.

– Класс, люблю домашнюю пищу. Хоть раз за полторы недели поем нормально! – присаживаясь, сказал Майкл. Женщина улыбнулась, приятной, открытой улыбкой.

– Что нового? Чем сегодня занимались? – спросила она.

– Да так, ничего особенного... – буркнул Мартин. Эмбер сделала удивленно-недовольное лицо:

– Представляете, Майкл, вот так всегда, – тридцать лет ничего особенного. Зачем же тогда работаешь?

– Просто ему стыдно признаться, что мы сегодня целый день смотрели фильмы! – пошутил Майкл, поглощая вкусный ужин. На лице женщины осталось просто удивление.

– Хорошая работа.... Как это?

– Да, не жалуемся! Просто есть сведения что можем найти подозреваемого на записи видеонаблюдения... Пришлось просматривать записи за несколько суток, – сухо ответил уже сам Мартин, тщательно пережевывая. Майкл начал замечать особенности этого семейства. Очевидно, что его напарник нечасто баловал жену подробностями с работы. Это ей не очень нравилось, а с годами видимо стало и раздражать. Даже сейчас, в шутку, это было заметно. Впрочем, еще сразу Майкл заметил, что Мартин имеет тенденцию к скрытности, нелюдимости.

– А где Кевин? Сын... – прервав общее молчание, спросил Майкл.

– Он в Сан-Франциско. Учиться и работает на время летних каникул. Вам Мартин про него рассказывал? – спокойно ответила Эмбер.

– Немного, но говорил.

– С его отъездом, дом так опустел... Но ничего не поделаешь, дети растут, у них появляется своя жизнь, желания, стремления, – грустно заметила Эмбер. Видно эта тема ее очень волновала.

– Одни мысли как спрыгнуть с родительского дома у них появляется! Вот и все, – вмешался в разговор Мартин. Да, он был старой закалки, подумал про себя Майкл. Нехотя, Мартин сказал:

– Одна уже доездила по большим городам....

– О ком это ты? – тревожно спросила женщина. Майкл не стал вдаваться в подробности дела, сильно их с напарником загрузившее, и не поддающееся, видя, что об этом не хочет говорить и старший коллега, просто ответил:

– Да так, на работе *есть* одна... девушка!

– А почему «доездила»? – не отставала женщина. Она понимала, что детективы убойного отдела не просто так говорят в пошедшем времени.

– В общем, не получилось у нее что хотела, – еще туманнее ответил Майкл, понимая, что загоняет себя в тупик. Поспешил отвести разговор в другую сторону. – Давайте выпьем за то чтобы у всех всегда все получалось!

Он поднял бокал, выпили. Так и продолжился этот весенний вечер, заполненный пустыми разговорами, слегка натянутый и неловкий. Майкл засиделся у Эвенсонов до поздней ночи, а потом вызвав такси поехал в отель.

По дороге, он думал ни о чем. И думал о том, что никогда не мог представить, что такое возможно. Естественно, «ни о чем» было лишь осколками мыслей и фраз, малозначащих событий и звуков. Все они экспрессом проносились в его слегка затуманенном вином сознании. В итоге получалось большое ничто и ни о чем. Давно такого не было, а может вообще никогда.

«Наверное, устал» – четко подумал Майкл, поймав любопытный взгляд таксиста в зеркале. Вдруг вспомнил, что заработавшись, а потом будучи дома у напарника, совсем забыл, что сегодня еще не звонил Дженни. «Она кстати, тоже, почему-то не набрала меня?» – удивился он. Как-то все запуталось с этой командировкой и ...затянулось.

Внезапно навалилась усталость, тяжелая и беспощадная. Глаза стали закрываться, захотелось лечь прямо здесь, в такси. Плоская поверхность сидения манила и звала теплотой небытия сна. Усилием воли, очнувшись, Майкл, дотянул до отеля. Войдя в комнату, он не раздеваясь, сняв лишь плащ и бросив его на пол, чего с ним никогда не происходило, отдался в манящие руки усталости, упав на кровать. Единственное, что успел подумать, прежде чем провалился в глубокую и черную яму сна без снов, так это философски-лирическое, что возможно, тяжелые мысли измощают быстрее, чем многочасовая физическая работа. Сон тем временем поглотил его. Забыл даже будильник выставить.

Ночь катилась темным покрывалом по скользкому миру, сменяя часовые пояса и параллели, унося за собой сны и усталость тех, кто спал. Лишь одинокий синий фонарик рекламы на противоположной стороне улицы не спал, бодрствуя, освещая окно номера Майкла мягким мерцающим светом, падающим на занавески, и растекался киселем по ним. До приезда в Окленд, Майкл, страдал от бессонницы, ему всегда было тяжело уснуть в своей тихой спальне, даже без зайчиков и бликов света, без шумов и скрипов. И любой шорох, движение, легчайший звук вырывал его из чуткого, нежного, лелеемого, труднодоступного сна, даря часы мучения до спасительного утра. И вот теперь, если бы не усталость, этот синеватый свет, обязательно не дал бы уснуть, мозоля сознание назойливым подмигиванием, – но не сейчас. Усталость сделала свое дело и подарила такой долгожданный и глубокий сон, без примеси всяких видений и порождаемых ими чувств. Где-то, под покровом ночи происходили загадочные таинства и неизвестные происшествия, менялся мир и его внешние формы, сочетались браком многие причины, рождая по необходимости последствия, еще только должны быть узанными, оцененными и понятыми. На завтра фатумом был подготовлен свой собственный, неповтори-

мый букет событий, происшествий и фактов, известный лишь ему одному, без страха и стеснения представляемый на суд человечеству, всегда удивляющемуся увиденной, почувствованной всемирной разнообразности. Но это будет узноано, увиденно и пропушено через внутренний мир человека только завтра, сегодня же еще – ранним предвестником будущего дня, – всё спало и ничему не внимало.

Глава VIII. Попал в поле зрения

12.11 pm., 6 мая

Мартин сидел в кабинете просмотра, изредка поглядывая на монитор, на котором в бесконечном повторе, проигрывалась одна и та же сцена. На его лице играли скулы. Если бы на его лицо глянул кто-то, не знающий его близко, то сказал бы, что он злится. Но это было не так. Лишь хорошо его изучившие знали, что так его лицо выглядело, когда в порыве рабочего напряжения, собрав все силы в кулак, он наносил решающий удар, и, получив положительный результат, отдыхал от «схватки».

Он вновь посмотрел на часы. В эту же минуту дверь, казалось, сорвавшись с петель, унесенная ураганной силой, открылась. В комнату ворвался, весь помятый и запыхавшийся Майкл. У него был растерянный вид, он, казалось, хотел спросить очень много чего, и не знал с какого вопроса начать. Он водил глазами между потаенно улыбающимся Мартином и занимающегося своими вечными делами Чарли, словно ища подтверждения только ему известному факту.

– Проспал свой звездный час! – наконец произнес Чарли, оторвавшись от микроскопа. Это вывело из оцепенения Майкла. Он взбодрился:

– Спасибо что напомнил! Где оно? – он повел взглядом на мониторы и остановившись на мерцающем повторами, спросил. – Это?

Мартин торжествующе кивнул. Теперь он позволил себе улыбнуться. Майкл, сбросил пиджак, уложив его кое-как на стул, подошел вплотную к экрану и стал пристально всматриваться, словно сам с собою бормоча несвязно:

– Надо, же, Гамп не обманул, и заметил же, черт, – на «Гампе» Чарли удивленно посмотрел на Мартина, тот сказал: «Потом расскажу» – Все точь-в-точь как сказал... Жаль номера не видно! И, спереди никого не видно... Значит сзади, все-таки сзади. Но не видно... А и вправду ведь с голым торсом! Даже ночью заметно. И свернул левее! Что там у нас за левым поворотом?

– Чарли сохранил кадр, где номер лучше всего виден! Сейчас пошаманит, может улучшит изображение. Это здорово облегчит на жизнь, – медленно без спешки говорил Мартин. Майкл же торопился:

– Надо быстрее... и брать его!

– Притормози, ковбой, у нас кроме этого «мыла» ночного, ничего нет. Сначала выясним у кого в этом районе есть темные Форды этой марки, потом санкцию на прослушку, опрос соседей... Стандартная процедура... – Мартин не договорил, его перебил сбивающийся Майкл:

– Запрос в дорожную сделал? Надо быстрее хотя бы по оттенку сузить круг подозреваемых...

– Уже!

– Что уже? Подал запрос? Когда будет?

– Обещали через час.

– Спать меньше надо, а то пропустишь все самое важное, так редко встречающееся в жизни полицейского! – вмешался и Чарли. – Спишь долго, а теперь спешишь!

Майкл жестом указал «отвали», но без злобы, и поинтересовался у Мартина:

– Через час это когда в моем измерении?

– Примерно сейчас, – успокоил напарника Мартин. И не без иронии добавил. – А когда точно, узнаем... сегодня.

Майкл еще немного поигрался перемоткой вперед и назад, словно пытаюсь что-то еще выудить из увиденного и могущего помочь следствию.

– Осторожный, сигнал поворота включил... хотя поворот почти незаметный! – разговаривал с монитором Майкл. – К слову, и как ты наконец увидел этот момент? И почему мы вчера это пропустили?

– Кстати, интересный вопрос! – неожиданно ответил Чарли вместо Мартина. – Ты бы видел его лицо, когда он, наконец, нашел то, что искал. А вопль, вопль! Это было что-то, жаль ты проспал...

– Оказывается, я и сегодня его с утра не заметил. Потом, что-то меня дернуло, и я пересмотрел, уже казалось бы просмотренный участок записи...и вдруг, поверишь, заметил как блестит в ночном видении голое тело водителя... Меня как током прошибло! Я не поверил глазам, и стал перематывать вперед и назад! Не знаю, может я, или ты, еще вчера пропустили... – Мартин не договорил, в дверь вошел человек в полицейской форме с бумагами в руке. Все присутствующие в комнате поняли, что принесли то, что они так ждали. Майкл буквально врывал из рук полицейского бумагу и стал жадно читать ее. Прошло несколько минут, как вышел полицейский принесший бумаги, а Майкл все читал.

– Не тяни одеяло на себя, – заметил Мартин, видимо устав ждать, – или читай вслух или отдай я сам ознакомлюсь...

– Нам сегодня везет! – загадочно произнес Майкл, передавая бумагу напарнику. Тот взял ее и стал внимательно, но без видимого энтузиазма, изучать мелко испещренный печатным шрифтом, лист. Теперь пришло время заинтересоваться и казавшегося занятым своими, посторонними делами Чарли. Смотря то на Мартина, то в свой микроскоп, он, повернувшись на стуле, нервно произнес:

– Ну, что?

– Всего лишь у двоих есть темные Форды в этом округе. Первый – темно зеленого цвета, второй синий, или, нет, как тут сказано: «цвета морской волны»... поэтично... А чуть ниже поданы адреса и фамилии! Один из этих любителей голой ночной езды оказывается еще и иностранец! Ого. Интересно, кто же из них? Сделаем ставки?

– Давай я лучше схожу за бланками подания о внешнем наблюдении и прослушивании, надо уже оформлять запрос, – снова засуетился Майкл. Мартин пристально посмотрел на него.

– Не думал что у нас так плохо... – покачал он головой. Теперь удивился уже Майкл:

– Не понял?

– Имел ввиду что ты так торопишься нас покинуть, что все спешишь и спешишь раскрыть это дело...

– Да нет, просто...

– Ладно, верю... Я уже все предусмотрел, вот они бланки. Я сейчас их заполню, а ты отнесешь их на подпись. Думаю к вечеру мы получим санкцию и завтра с утра сможем приступить к первичному наблюдению и после выяснения графика передвижений подозреваемых, установим приборы.

– Думаешь, проблем с санкцией не будет? – поинтересовался Майкл. – У нас иногда довольно долго приходится ждать, пока канцелярия суда все запросы обработает...

– Да нет, не должно... Кстати, чего это ты сегодня проспал? Вчера еще где-то был, после того как от нас ушел?

– Не-е-т, в том то и дело... Приехал в отель и вырубился... не знаю, со мной такое впервые! Ну же, заполняй бланки, и я побегу... Еще сегодня надо будет проехать по указанным местам, осмотреться... Можно будет даже с соседями пообщаться? На это санкции не надо.

– Да, можно, – вяло, автоматически ответил Мартин, прилежно списывая адреса с распечатки, перенося их в бланки. – Как там с номерами?

Он обратился к Чарли, возившегося с программой улучшения изображения. Он применял фильтры, увеличивал разрешение, добавлял четкости, но все равно изображение было крайне размытым и из-за большого увеличения слишком пикселизированным.

– Боюсь, что я больше ничего не смогу сделать, – сказал Чарли, подавая распечатанную копию увеличенного изображения автомобиля Мартину. Но ее перехватил Майкл. – Можно с помощью лупы рассмотреть этот снимок, возможно, откроются какие-нибудь детали присущие только этому авто, или отличительные особенности... Просто я не знаком с делом, не знаю что искать.

– Есть лупа? – поинтересовался Майкл. Чарли кивнул и достал из ящика большую лупу, подав ее Майклу. Тот взял увеличительный прибор и подойдя к окну, стал внимательно рассматривать изображение. Тем временем Мартин закончил заполнение бланков, и подняв голову, посмотрел на Майкла, стоящего у окна с лупой и снимком у самых глаз. Это зрелище его рассмешило.

– Что-нибудь нашел, Холмс?

«Холмс» отрицательно pokrutil головой, все же не отрываясь от изучения.

– Ничего особенного. Марка шин не видна, все расплывчато... Никаких вмятин, по крайней мере с этой стороны... Машина абсолютно безо всяких отличительных, свойственных только ей черт! Самая стандартная... Водитель худощавый, обычного телосложения, кажется, насколько здесь можно видеть... Пристегнут – черный ремень по диагонали пересекает белое тело... Что он белый, мы и так знаем, правильно? Из свидетельских показа... Стоп! – вдруг запнулся Майкл, прервав свою монотонную речь возгласом. Все повернулись к нему. Он стоял, как будто что-то соображал. Потом добавил не то спрашивая, не то размышляя:

– А диски? Можно ведь по дискам определить, какой автомобиль наш?

Чарли и Мартин переглянулись, – это действительно было что-то. Появилась реальная зацепка.

– А они видны на снимке? – осведомился Мартин. Майкл же затрусил головой:

– Еще как, отчетливо. А ведь это реальная зацепка! Идея: давай вместо того чтобы подавать представления на всех подозреваемых, проедемся и посмотрим, кто же наш клиент, и возьмем санкцию по факту.

– А если они на работе? Или просто уехали?

– Вот черт, а сколько времени? 13.22? Да, такой вариант возможен... Ну а почему бы и не рискнуть? Ведь у нас всего два возможных кандидата – и если один например не подходит, то автоматически подходит второй... А если наоборот – то вообще класс!

– Что-то как-то все просто получается! – недоверчиво проговорил Мартин. – Из опыта знаю, ну просто не может быть все так просто! А точно нам всех владельцев темных Фордов выписали?

Он взял бумагу из дорожной полиции и еще раз внимательно прочитал ее.

– Неужели всего лишь два темных Форда в этом районе? – усомнился вдруг он. Действительно, жизненный опыт ему подсказывал, что не может разгадка быть так недалеко под поверхностью, а если иногда так бывает, то часто такой путь оказывался ложным. Как бы там ни было, лишний раз перепроверить не помешало.

– Я думаю, что ответ кроется в некоторых квази рациональных установках. Поясню: в Калифорнии чаще покупают машины светлых тонов, поскольку они меньше нагреваются под нашим калифорнийским солнцем. А темные выбирают лишь «интересные» индивидуумы или жароустойчивые самоубийцы. – Майкл улыбнулся. – Вот такой вот стереотип!

– Жизнеспособная точка зрения... Но все же!

– Ты такой пессимист! – весело заметил Чарли. – Малыш прав, – я тоже покупал тачку по этому критерию, хотя люблю больше темные тона... Но я не причастен, – шутиливо поднял руки он.

– Ну так мы едем или сначала все же подадим запрос? – снова нетерпеливо спросил Майкл.

– Не знаю... Дай же подумать! – нервно почти вскрикнул Мартин. – Если мы сейчас поедem, то это займет довольно много времени, поскольку адреса в различных местах, и, следовательно, не успеем взять санкцию сегодня! Тогда придется только завтра подавать запрос и скорее всего послезавтра приступать, – день коту под хвост! Если же мы сегодня подаем на обоих, то завтра нам уже неважно, кто окажется «клиентом», – у нас будут развязаны руки на обоих!

– Понятно, значит сейчас быстро отправляем запрос, и выезжаем на местность, чтобы завтра уже наверняка приступить к наблюдению! – решил все по-своему Майкл. Впрочем, Мартин согласился:

– Думаю это будет наилучший вариант! Подумай пока какие вопросы будем спрашивать у соседей, чтобы не выдать себя раньше времени!

Напарники вышли из комнаты в хорошем расположении духа. Ощущение было такое, как будто стояли в начале большого пути, тяжелого и изнуряющего, но приятного своими последствиями. Наконец после полуторанедельного вынужденного безделья, впрочем, рассматриваемого как подготовительный этап, появилось масса дел и задач, которые нужно было решить, и которые, в свою очередь приведут к раскрытию дела.

По пути, Мартин зашел к капитану, отдал ему заполненные бланки и попросил оформить их побыстрее, сказав, что выезжают на местность.

Мартин с напарником вышли на улицу. Светило солнце, было жарко и над бетонными и асфальтированными поверхностями поднимался отраженный жар светила, искажая визуальную реальность. Майкл снял пиджак, положив его на плечо. Подойдя к машине, он посмотрел на ее крышу – она пылала невидимым огнем. Автомобиль был цвета мокрый асфальт. Стандартный цвет машин полицейского управления. Майкл взглядом указал напарнику на нагретой плоской темной поверхности.

– Да знаю я! – сказал Мартин, усмехаясь. – А вот ты захватил с собой слишком много шмотья, будто ты в Канаде!

– Да, машинально получилось, – когда ты сегодня утром позвонил и сказал что нашел искомое, я уже не соображал, по привычке натянул пиджак и еще чуть было не схватил даже плащ! Только в кабинете опомнился, – говорил Майкл, садясь в авто, предварительно сгрузив свой гардероб на заднее сидение. – А знаешь, у меня идея!

– Просвети, пожалуйста, – сказал Мартин, выезжая из паркинга.

– Давай проедемся по тому самому перекрестку, и, зная цвет этой машины, посмотрим, как она будет выглядеть на черно-белой записи....

– Ну и зачем? Во-первых, неохота снова возиться с запросом в дорожную, во-вторых, это бесполезно, поскольку мы уже имеем подозреваемых, и, наконец, в-третьих, конкретно эта машина с ее темно серым цветом будет выглядеть как... темно серая! Вот если бы мы ехали на красной или синей, зеленой – тогда еще можно было бы поставить эксперимент. А так....

– В принципе, да, – сказал задумчиво Майкл. – По какому адресу поедem в первую очередь? Хотя зная тебя, ты скорее выберешь первым тот, что по пути?

– Естественно, – подтвердил Мартин, выезжая на шоссе.

Дорога заняла около двадцати минут, и первым по пути оказался адрес некоего Гэри Браза, чей автомобиль, к счастью напарников, был припаркован на обочине перед домом его владельца. Он был тщательно вымыт, блестя своей темно зеленой краской. Не надо упоминать, что Майкл и Мартин в первую очередь, жадно стали вглядываться в детали авто, особенно на колеса. Здесь их ждало небольшое разочарование. Помимо того, что автомобиль был вымыт, так у него еще и были, казалось, сменены все колеса вместе с дисками. И сейчас на нем были установлены обычные, штампованные, окрашенные в черный цвет, диски. На фото же,

насколько это можно было видеть, были пятилучевые пластмассовые колпаки или литые диски светло серого цвета.

– Это везение или наоборот? – задумчиво произнес Майкл, всматриваясь в искомый автомобиль, когда Мартин припарковался на противоположной стороне улицы. Мартин пожал плечами.

– Не знаю, несколько дней прошло. Он мог сменить все что угодно... Даже и перекрасить авто! Я же говорил, что не может быть все так легко.

– Едем по второму адресу?

– Черт, имей терпение! Как ты вообще в полицию попал? Надо осмотреться, а не прыгать туда сюда кузнечиком, можетждемся хозяина... Посмотрим. Диски просто так не меняют, что-то мне подсказывает что это наш клиент!

– Ох, был бы я за рулем... Кстати, надо бы припарковаться в более укромном месте, здесь мы торчим на виду в своей серой тачке... с таким же успехом можно и мигалку вывесить!

В это время из дома Гэри вышла девочка, лет 12, подойдя к гаражу, она открыла его и взяв велосипед, поехала по своим делам.

– А мне подсказывает мое чутье, что если даже это и он, то держит он заложницу не здесь....

– Ты все еще веришь, что она жива? – перебил напарника Мартин. – Мы ищем преступника, а не освобождаем заложников, поэтому естественно, что он прячет труп не здесь... хотя кто его знает? Разложил по кусочкам где-нибудь под домом, рядом с семьей...

Они просидели еще с час или полтора. Но не дождались никого. Никто не выходил и не входил в дом. Лишь однажды к соседскому дому подъехало такси, из него вышла женщина и зашла в дом.

Солнце закатилось за высокий дом по той стороне улицы, на которой находились в машине полицейские. Стало немного прохладнее. Было уже довольно много времени, как они наблюдали за домом Гэри. Но ничего не происходило. Видно было, как Майкл нервничает. Ему хотелось, наконец, поехать по второму адресу.

Мартин видел все это молодое нетерпение, и хотя осознавал, что здесь они уже ничего не найдут, по крайней мере сегодня, продолжал сидеть молча и терпеливо вглядываясь в дом подозреваемого и соседние дома и строения. Это был своего рода урок, или экзамен, который молодой полицейский должен был сдать. Никто не просил или уполномочивал Мартина на такие педагогические эксперименты. Но таков уж он был. Если что-то выдумал, то обязательно это воплощал и доводил до конца. И вот теперь он просто сидел и ждал. Чувствовалось нетерпение Майкла. Он возился и крутился. Вздыхал, находил себе какое-нибудь занятие, строчил СМС-ки. Мартин же, как истукан был прикован к наблюдаемому объекту. Возможно, его веселило и заводило то, как он испытывал нервы и терпение молодого человека. Молодые сожженные нервы давали энергию Мартину. Но, в конце концов, видя, что хотя и очень хотелось, Майкл все же пересилил себя, терпеливо ожидая сигнала старшего товарища, он сжался:

– Который час? – внезапно спросил Мартин, словно только сейчас заметив, что солнце начало падать к горизонту, и что возле дома подозреваемого ничего не происходит. Майкл, немного удивленный вопросом, потянувшись, как будто после сна, неохотно ответил:

– 05.36 pm

– Дай мне распечатку с адресами подозреваемых, – Мартин взял поданный ему Майклом сложенный вчетверо лист бумаги, прихваченный им с собой и стал его рассматривать.

– Что ты задумал? – оживившись, словно что-то предчувствуя, переспросил Майкл.

– Напоминаю себе где работает второй подозреваемый, ну тот, иностранец... Во сколько заканчивает работу и пытаюсь понять сколько времени ему надо чтобы доехать домой... Минут

тридцать – максимум! Наш же путь к нему займет минут двадцать.... Думаю, успеем прямо на ужин! – отдавая обратно помятый лист Майклу, заметил Мартин, заводя машину и трогаясь.

По пути к новому адресу, сначала ехали молча, но потом Мартину позвонил капитан и сказал, что они получили санкции, оставалось лишь забрать письменное подтверждение. Это известие мгновенно приподняло настроение напарников, привнеся с собой и немалое оживление. Они бурно обсуждали возможные варианты, ходы и действия. Двадцать три минуты переезда пролетели как одна секунда, и они подъехали к дому второго подозреваемого.

Солнце опустилось уже достаточно низко, отбрасывая длинные тени, растущие с каждой секундой. Но было еще хорошо видно. Медленно проезжая мимо дома, полицейские стали напряженно всматриваться в окна дома. Автомобиля возле гаража не было, зато горел свет в дальнем окне.

Мартин осмотрелся по сторонам. Это был стандартный жилой квартал, с недорогими одноэтажными домами, стоящими почти вплотную другу к другу, огороженные лишь невысокими заборами. В отличие от первого места, где они просидели несколько часов, на этой улице царил жизнь – бегали и ездили на велосипедах дети. Неспешно ходили взрослые, вдыхая спускающуюся вечернюю прохладу. Привлекало внимание, что из тех машин, которые стояли вне гаражей, почти все были светлых оттенков.

– Свет горит, – но никого нет! Загадка? – медленно, с иронией произнес Майкл, посмотрев на часы.

– Почему же нет? Вот и мы! – интересным тоном сказал Мартин. Его левая рука лежала на руле, а указательный палец, как указатель был выставлен вперед. Майкл быстро обернулся по указанию и увидел как темно синий Форд медленно катился по улице и подъехав к дому, свернул к гаражу. При повороте, обнажился бок автомобиля, блеснув металлическим отблеском литых дисков, точь-в-точь такими же, как на нечетком снимке. Рука Майкла автоматически, сама того нехотя, потянулась за пиджаком на заднем сидении, в кармане которого лежал снимок с ночной видеозаписи.

– Оставь, оставь! – не отрываясь от автомобиля подозреваемого, потянул за руку Майкла Мартин. – Это он, он! Запомни его, очень важный момент – возможно, мы впервые видим преступника!

Майкл последовал совету многоопытного коллеги и начал внимательно следить за синим авто. Вот его стоп-фары погасли и открылась дверь. Из машины вышел человек среднего роста самой распространенной наружности, с темными волосами, одетый как обычно одеваются мелкие служащие – в белой рубашке и темных брюках. На шее небрежно висел тонкий галстук. Его узел был ослаблен. Мужчина открыл заднюю дверь авто и достал несколько пакетов, один из них, видимо с книгами, – на пакете был указана торговая марка известного книжного магазина Окленда.

Он спокойно доставал пакеты, потом захлопнув дверь, пошел к дому, по пути поздоровавшись с соседкой, чей дом был левее его. Казалось, мужчина был в хорошем расположении духа, улыбался. Его движения были быстры и отчетливы, словно он куда-то торопился. Одним движением он открыл дверь и вошел внутрь, ногой закрыв дверь за собой.

Он зашел, даже не подозревая что за ним пристально, безотрывно наблюдали две пары глаз, жадно впитывая каждую секунду визуального контакта. Один из наблюдавших, тот что помоложе, даже немного улыбался, торжествуя, второй, постарше был сосредоточен и хмур. Он смотрел за все происходящим из-под лба. Как только подозреваемый скрылся, он медленно сказал:

– А теперь можешь доставать снимок, будем сверять.... Хотя, что там сверять? И так понятно, что мы нашли его! Ну доставай, доставай, посмотрим... Потом набери управление, скажи пусть готовят на завтра на утро передвижную лабораторию! – Мартин взял из рук еще

более улыбающегося Майкла снимок, и на секунду взглянув на него, вернул обратно напарнику, который уже набирал номер участка.

Разговор занял всего минуту. После этого Майкл вновь присоединился в безотрывном наблюдении за домом, лежа мобильник в боковой карман.

В доме начали загораться окна, несмотря на то, что еще было достаточно светло. Через минуту горели все окна, но ничего не могло быть видно – все жалюзи были плотно закрыты.

– Черт, ничего не видно! – выругался Майкл.

– Возьми бинокль в ящичке, – сказал Мартин, указывая на бардачок. Майкл открыл его и увидел много разного хлама, лежавшего там, и, достав простой, охотничий бинокль, сказал:

– Какой ты предусмотрительный! – он направил свой взгляд на дом, усиленный магией оптики. После нескольких минут, разочарованно положил его обратно:

– Все равно ничего, слишком плотно закрыто....

– Значит, есть что скрывать! Начнем, пожалуй, с внешней прослушки и наблюдения, одновременно с опросом соседей. Позже, изучим график перемещений и тихо зайдем в гости!

– Обязательно! – подтвердил Майкл. – Есть что-то приятно-садистическое в том, чтобы без спроса и без хозяина шарить по домам. Как будто заглядываешь в душу, выворачивая ее наизнанку!

На секунду оторвавшись от строения, Мартин повернулся и пристально посмотрел на напарника:

– Я многое о тебе еще не знаю. Это я понял только сейчас... Страшно подумать, – я приглашал тебя к себе!

– Да шутка же это! Ты что серьезно?

– Ладно, можно еще немного посидеть здесь, или поехать высыпаться – завтра много работы!

– Можно немного....насладимся, мы нашли его, кажется. Не могу сказать, что было сложно, но повозиться пришлось!

Глава IX. Отвлечение работой

16.46 pm, 12 мая

Дмитрий сидел за своим рабочим столом, в упор глядя на такой сейчас далекий и ненужный проект ИИ, над которым он работал по просьбе шефа. Он смотрел на исписанную бумагу, но ничего не видел. Хотелось прыгать и радоваться как когда-то в детстве. В голове было весело и слегка туманно. Казалось, что самое трудное сейчас и невыполнимое это сосредоточиться на какой-то мелочи, – она сопротивлялась, ускользала от потерявших цепкость рук внимания, разрушая стройность мысли.

Перед глазами стоял лишь образ Виктории, *его Виктории*, хотя он прекрасно отдавал себе отчет в том, что увлечен ею не так как мужчина увлекается женщиной, а по-другому. Так было сначала, но потом, пожив с этим милым и ставшим уже почти родным, существом, он пересмотрел свое отношение к ней. Ему представлялось, что он по воле случая, как будто встретил неизвестно как и когда, потерявшуюся на долгие года дочку, и теперь через много лет вновь обретенную. Его чувства были самым чистыми, какие только может чувствовать человек по отношению к другому человеку. Конечно, при взгляде на Викторию, у него как у нормального мужчины возникали и иные, более земные ощущения, но он прогонял их прочь. Пока.

Она была чрезвычайно умна и очень застенчива, как-то по-своему, несмотря притом, что могла даже сейчас после почти месяца пребывания в этом мире, пройти без тени сомнения голышом по дому. И Дмитрий никак не мог приучить ее одеваться, хотя она была скромной и даже стеснительной, не могла понять, почему нельзя ходить вот так, просто.

Раньше, после работы он не прочь был остаться с друзьями, сходить в бар, посидеть где-то. Теперь же при первой возможности рвался домой, ведь там появился огонек жизни, манивший как маяк в туманную ночь. Там, дома было интересно и весело, несмотря на то, что Виктория очень редко смеялась, чаще лишь улыбаясь. Но даже в моменты грусти так приятно было побыть с ней, погрустить улыбаясь. Они часто, под покровом ночи выходили гулять по свежему воздуху. А в последние дни даже днем. Правда, Дмитрий сначала отвозил ее машиной подальше от соседских глаз, лишь потом продолжая путь пешком.

Погрузившись в воспоминания, он улыбнулся, вспомнив как позавчера, припарковав машину на параллельной улице, украдкой вывел Викторию через черный вход, отвез ее на пустынный океанский пляж. Ее удивлению и умилению открывшейся картиной не было предела. Сначала она просто с восхищением смотрела на огромные волны прибоя, летающих птиц и блестящие на солнце брызги воды. Потом, заметив как вдалеке блестят в воде оголенные тела людей, словно решившись, начала быстро, с детской энергичностью и непосредственностью, срывать с себя одежду, чтобы искупаться. Дмитрий едва успел ее остановить, а то она бы точно разделась бы по привычке догола. Он попросил ее снять только верхнюю одежду и, побоявшись отпускать одну, и сам полез в воду. Он снова украдкой улыбнулся, добавив всего лишь одну строку к листингу, опять погружаясь в воспоминания.

Они дурачились в воде довольно долго, пока Дмитрий не заметил как ветром уносит ее одежду, волоча по песку. Он, неуклюже, борясь с волнами, пытаясь перепрыгнуть их, бросился за ней. Всемогущие волны сопротивлялись, роняли брэнное тело человека в свои объятия, до смерти насмешив этим Викторию. Догнал же Дмитрий улетающие вещи только ярдов за сто от места купания. Когда он вернулся, женщина уже вышла из воды и стояла, обсыхая на солнце. Белоснежная кожа резко контрастировала с черным бельем, блестящим шелковистым блеском от воды. Ее кожа была покрыта мелкими пупырышками, как у человека, замерзшего на ветру. Помнится, он спросил ее, не замерзла ли она, на что в ответ женщина лишь загадочно улыбнулась, покачав отрицательно головой, смотря на него через прищуренные глаза. Ветер гулял в ее распрямившихся от воды, волосах.

Дмитрий тогда еще сказал, что надо выбрать ей купальник и крем от загара, поскольку ее нежная кожа могла быстро обгореть и предложил почаще сюда приезжать. Естественно Виктория тотчас же согласилась. А по вечерам она читает книги, все больше и сложнее. Одну за другой, словно владея техникой скорочтения. Однажды, Дмитрий усомнился, что она их читает, попросил пересказать содержание определенной страницы одной книги. К его удивлению Виктория процитировала произвольно выбранную им страницу в точности. Он был просто поражен, а она очень буднично заметила, что может помочь ему в работе. Ничему уже не удивляясь, он принес домой часть своей обычной работы, и пока он спал ночью, она сделала ее грамотно и аккуратно, предложив помощь и во внеурочной работе. Тут Дмитрий снова усмехнулся, вспомнив как после такого предложения в нем разыгралась гордость, и он с возмущением, отказался, оставив творческую работу себе. Какой же он был дурак, злиться на эту непосредственность и робость, так мило смотрящую и живущую.

Благодаря ей, сейчас, на рабочем месте он мог позволить себе полетать в облаках мечтаний. Но при всей своей гениальности, она была так еще неопытна, пусть и чертовски умна. Он со сладким чувством вдруг осознал, что она всего еще там мало видела и чувствовала. Она не прочитала еще классическую литературу, Шекспира и Данте, Гете и Пушкина, не видела ставшие классикой фильмы... Она не научилась танцевать. Ей еще предстоит впитать все то прекрасное что создано *до нее* человечеством, составляющее наследство его существования. И он, Дмитрий, станет ее проводником в этом таком огромном и прекрасном мире.

Странно, вдруг поймал он себя на мысли, в последнее время чувствовал что попал в плен к этой неземной женщине, и пытаюсь хоть чуть-чуть сохранить голову, отвлекался от ее чар загружаясь работой на рабочем месте. Теперь же, здесь и сейчас, он понял всю абсурдность этих замыслов – он был на работе, у него было чем заняться, а он как мальчишка сидел и думал о минутах проведенных в ее компании, зная что встретится уже скоро, сегодня вечером снова с ней.

Тут он посмотрел на часы – до конца рабочего дня оставалось лишь полчаса.

«Вот это отвлекся!» – совсем выйдя из мечтаний, отчетливо подумал Дмитрий. – «Так скоро на работе вообще ничего делать не буду! Хотя, благодаря *ей* мои помыслы становятся реальностью»

– Эй, мечтатель! – отозвался голос Оуэна из-за тонкой перегородки. – Хватит летать в облаках! Как насчет чтобы слетать лучше вчетвером после работы в какое-нибудь укромное местечко.

– Не-е-е-т, не могу, – замялся Дмитрий, приходя в себя. Он понимал, что вызывает подозрение, вот уже почти на протяжении месяца отказываясь от дружеских посиделок. Но голос разума перебивало требование сердца. – Может быть позже...

– Да какой позже? – вмешался Клайв. Его тон был решительным. У Дмитрия вдруг мелькнула одна мысль, насторожившая его

– Мне надо закончить работу... Я все еще не как не вылезу из основных алгоритмов....

– Ну так заканчивай ее быстрее... А то сидишь днями в облаках! Раньше закончишь, раньше поедешь к своей!

– Что!?! – удивленно протянул Дмитрий. Его опасения начали сбываться. Теперь уже Клайв и Оуэн торчали над перегородкой, любопытно поглядывая на своего спутавшегося друга.

– Ты думал мы не догадаемся? – загадочно спросил Оуэн. И повернувшись к Клайву добавил. – Впрочем, это было несложно. Он плохой актер....

Дмитрий сидел как мумия, в голове мелькали тысячи мыслей, но ни одной как выкрутится из положения. И хорошо, как правильно заметил Оуэн, что он плохой актер, иначе бы все эти эмоции были уже у него на лице, выдавая его еще больше.

– Вы что, совсем обкурились? – пошел ва-банк Дмитрий. – Я тут сижу по горло в работе, беру эту самую проклятую работу на дом, не успеваю... А вы бездельничаете и еще и прикалываетесь? Побыли бы на моем месте – не шутили бы так!

– Ну ладно, ладно... Мы же пошутили! – подобрел Оуэн. – Решили взять тебя на понт, типа мы все знаем! Может и расколосся бы... сам. Так, предположили.

– Предположили, – немного успокоившись, выговорил Дмитрий. Хм, может он и не был плохим актером.

– Ну а что же мы еще могли подумать? Последнее время совсем превратился в мечтателя... Никуда не ходишь, по крайней мере, с нами! Работу не делаешь, молчишь! Что мы еще могли придумать? – повторился, оправдываясь Клайв. Впрочем, Дмитрий заметил, что хотя друзья и согласились с тем, что он им наговорил, все же подозрения остались.

– О, шеф на горизонте, – скороговоркой выпалил Клайв, опускаясь обратно на свое рабочее место. Его примеру последовал и Оуэн. Дмитрий облегченно выдохнул, подумав что лучше сто раз поговорить с шефом, чем оправдываться, что-то выдумывая перед любопытными друзьями.

Мистер Бойл, спустившись с небес на третий этаж своей фирмы, шел властно, с удовольствием наблюдая, как подопечные прячут взгляды и лица в маленькие пространства своих отделений. Ему видимо нравилась реакция, которую он производил на своих подчиненных. Не желая ослаблять хватку, он даже сделал замечание кому-то. Этот некто, пережив ужас, быстро принялся исправлять оплошность, спеша, и делая их еще больше. Так, сея страх и благоговение перед своим могуществом, Бойл подошел почти вплотную рабочему месту Дмитрия.

Дмитрий не особо любил отличаться от других, сейчас же, просто последовав хорошему примеру коллег, погрузился в работу. Точнее создал видимость такого погружения, наклонив голову вперед, над клавиатурой, в тоже время прислушиваясь к шагам приближающегося шефа. Он притворялся, но в последнее время он практически стал мастером скрытности, живя в условиях тайны и постоянного страха быть замеченным в чем-то противозаконном, быть схваченным с поличным.

И вот теперь он снова вынужден был играть. Нет, не то чтобы он боялся шефа. Благодаря Виктории он выполнил всю повседневную работу, осталась лишь внеурочка, которую он никак не мог закончить, также «благодаря» ей. Дмитрий боялся лишь одного, чтобы этот выскочка вновь не загрузил его еще какой-нибудь чепухой, которая будет отвлекать его от внезапно нахлынувших чувств, если увидит что он бездельничает.

Прошло мгновение, он внимательно вслушивался, но ничего не слышал кроме мерного постукивания десятков пальцев по клавиатурам. Шеф должен был быть прямо за спиной у него, но он не хотел оборачиваться. Оттуда, сзади не доносилось ни звука. Почему то Дмитрию показалось, что Бойл стоит и смотрит прямо на него, в упор, на его согнутую спину. Пауза затянулась, ему показалось что шеф уже дыру протер в его спине.

– Хм, так вы здесь работаете? – наконец удивленно спросил Бойл. Дмитрий встрепнулся, оглянувшись. Хотя он знал что шеф за его спиной, но все же вопрос прозвучал внезапно, и странно, позволив ему «сыграть» естественно:

– Что, простите? – как бы растерянно, словно оторвавшись от чего-то очень увлекательного переспросил Дмитрий, но тут же поправился увидев Бойла, смотрящего на него в упор, придав лицу скабресную улыбку. – То есть, да! Вот моя скромная обитель... Простите, я заработался...

– Да, я вижу, – невнятно, как бы задумавшись, произнес Бойл. – Честно, я думал вы не здесь... Впрочем, талант не утаишь! К чему это я? Ах, да, раз мы уже встретились, то хотелось бы спросить как обстоят дела с проектом? По контрактной работе все в порядке, я наслышан... А вот по порученной мной работе как то не приходилось еще осведомиться... уже пора бы...

– Продвигаюсь, спасибо, медленно правда, всегда конечно хотелось бы быстрее, но очень интересные мысли вкладываю в проект. Должно быть весьма интересно с точки зрения заказчиков! – отрапортовал Дмитрий.

– Это не может не радовать, – ответил Бойл медленно, растягивая слова, словно потеряв нить мыслей и забыв зачем он сюда приходил. Он развернулся идти обратно, и еще даже не сделав и одного шага, остановился и повернув голову к Дмитрию, заметил:

– Все же довольно... узко, для такого специалиста.... Надо бы перевести! – обрывисто вымолвил он, и потом, словно опять став собой, властной походкой пошел обратно в свой мир.

Вдруг, для Дмитрия открылась другая сторона его шефа, мистера Бойла. Он всегда представлял его как довольно жесткого и примитивного человека, сосредоточенного лишь на прибыли. Однако эти мгновения общения с ним, почему-то немного пошатнули его представления о Бойле. Дмитрий не знал почему. Но так было. Возможно, он ошибался, а может и нет: сам Дмитрий, думая, что хорошо сыграл занятость, то почему бы шефу перед всем коллективом не сыграть заботу? Кто знает, – люди ошибаются, люди притворяются.

– Вовремя ты его отвлек! – послышался голос Оуэна из-за перегородки, когда еще Дмитрий не успел опомниться после разговора с начальником.

– Я?

– Да. Ходят слухи, что он шел в отдел кадров, с «благим» намерением сократить дюжину другую этих самих кадров! И если бы не застрял на тебе, то кто знает? Может и не пошли бы сегодня вечером...

– Я и так сегодня не пойду, – воспользовавшись привселюдным обещанием шефу быстро закончить вверенную ему работу, запротестовал Дмитрий. У него были планы на вечер более интересные, и сдаваться он намерен не был. – И так слишком затянул, дольше не получится! Давайте заранее договоримся – где и когда. Я подготовлюсь, а сегодня, если честно, совсем нет настроения! Вся эта возня с проектом....

– Ладно, уговорил! – обиженным тоном отрезал Клайв. – Не хватало тебя еще уговаривать. Ты же занят, – карьеру делаешь!

– Да какой там! Карьеру... Работаю почти бесплатно на Бойла...

Дмитрий не хотел обижать друзей, но так получилось – лучше пусть немного пообижаются, чем узнают его правду, подумал он.

Тем временем рабочий день закончился. Люди потянулись на выход. Твердо решив все-таки поработать над проектом дома, Дмитрий взял папку с диском, содержащим проектную документацию и дождавшись друзей, пошел с ними на выход.

Попрощавшись, они разъехались в разные стороны. Дмитрий вздохнул с облегчением. Теперь он мог снять маску, порадовавшись скорой встрече, улыбнуться.

Уже почти месяц она жила у него, – он был рядом с самым прекрасным существом не Земле. Карьера, деньги, другие бывшие еще недавно такими важными жизненные цели, стали вдруг далекими и непонятными, не занимая столько внимания как раньше. И к его удивлению, начав относиться проще к этим сферам своей деятельности, Дмитрий стал больше зарабатывать и уже даже наметился карьерный рост. Чего только стоило сегодняшнее удивление шефа его нечеловеческими условиями работы.

Дмитрий уже въехал на свою улицу и когда до дома оставалось совсем чуть-чуть, как он заметил, нет, даже просто само бросилось в глаза, что через несколько домов от его дома, уже который день стоял серый фургон. Иногда он уезжал ненадолго, возвращаясь впоследствии. Автомобиль был без каких либо фирменных наклеек и прочей чепухи, которую вешают фирмы на свои фургоны. Только номера и все. Но в этот неприятный день, закончившийся возможным приятным вечером, ничего не могло смутить Дмитрия, и он как ни в чем не бывало, проехал мимо фургона, почти мгновенно забыв о нем. Кажется, у него даже мелькнула на мгновение мысль, зачем это соседям понадобилось покупать фургон? Что они собирались перевозить?

Но именно сейчас ему было не до логических построений и теорий. Как и все влюбленные, он стал рассеян и невнимателен. Дмитрий спокойно припарковал машину у гаража и вошел в дом.

Зайдя в дом, позвал женщину, но никто не ответил. Осмотревшись, он заметил, что Виктория была в ванной. Его это развеселило, и он с улыбкой стал выкладывать подарки – стопку книг на столик в гостиной. Вдруг он услышал приглушенный смех и топот босых ног по полу. Через секунду в гостиную ворвалась Виктория, как обычно забыв накинуть на себя хоть что-либо или вовсе забыв об этом, хотя держала в правой руке полотенце. Дмитрий демонстративно отвернулся. Она нехотя, кое-как прикрылась и властно сказала:

– Смотри! – прикрывшись спереди полотенцем, она сначала повернулась боком к мужчине, потом повернувшись задом, указала на небольшой загар. Смотря вполборота на нее, Дмитрий заметил, как на ее теле остались белоснежными участки кожи, скрытые от обжигающих лучей бельем, в котором она загорала. Все же остальное тело было слегка бронзовым. Затем пошевелив полотенце на груди, которым она прикрывалась спереди, добавила. – Здесь так же...

– Пречудесно! Ты опять игнорируешь мои просьбы, – стараясь выглядеть как можно серьезней, сказал Дмитрий. Женщина перестала улыбаться:

– Почему?

– Потому что если бы ты вчера принимала ванну, как я и просил тебя делать это *каждый* день, то осветила бы мой серый день своими прелестными формами еще вчера! И вообще, я же просил тебя не разгуливать голый....

– Но как бы я тебе показала?

– Не надо показывать, я знаю это....явление! Могла бы просто рассказать. И вообще, тебе нужно пользоваться кремом, у тебя слишком нежная и белая кожа, – быстро схватывает солнце! Надо осторожней, пять минут на утреннем солнце... и вот.

– И чего ты так боишься меня голый? – меланхолично заявила Виктория, укутываясь в полотенце, предварительно все же сверкнув наготой. Дмитрий лишь покачал головой:

– Ты – новое чудо природы, тайна, и, кстати, все еще не хочешь поделиться со мной своим секретом! Я же – обычный, нет, даже зауряднейший человек! Со всеми вытекающими отсюда слабостями и пороками, которые я пытаюсь сдерживать. И надо сказать мне это, пока, удается! А ты...

– Что же плохого в... твоих чувствах ко мне? – перебила его Виктория, подойдя к столику с книгами.

– Не к тебе, а твоему телу! Это то, с чем ты еще не сталкивалась... и я бы пожелал тебе с этим не сталкиваться. Пока, впрочем. И вообще, знаешь, мне приятнее чувствовать себя человеком разумным, а не животным только лишь живущего инстинктами, дающим им волю! Это то, чему бы тебе уже следовало научиться!

Дмитрию захотелось вдруг позлиться, повоспитывать свою непослушную подопечную, но глядя на ее обескураживающую улыбку и взгляд детских глаз, он смягчился. Она так просто стояла, мокрая и взъерошенная, переводя взгляд с журащего его человека на такие манящие книжки на столе. Простота и пугающая неизвестность переплелись, казалось в ней, самым невероятным образом. Злость, досада, быстро родившиеся, умерли еще быстрее. Дмитрий словно спохватился, спеша:

– Ладно... Вот смотри, я купил тебе еще книжек. Но не таких как обычно, обучающих. Это больше чувственные, лирические... не те сопливые женские романы, – а классика! Вот, «Божественная комедия» Данте, Шекспир... Это действительно чувства, и чувства высокие! Не какая-нибудь там пошлость как сейчас повсеместно...

Виктория, забыв, что она только с душа, в полотенце и с мокрыми волосами, села на диван и стала рассматривать книги.

– А где твоя одежда? – вдруг осенила одна мысль Дмитрия. Виктория, слегка оторвавшись от первых страниц Шекспира, сказала требующим похвалы тоном:

– Постирала!

– Это-то я понял, я имел ввиду что не дернуло ли тебя пойти и вывесить одежду на заднем дворе? Там часто соседка бывает... могла тебя заметить!

– Да нет, я еще не доставала из машины...

– И вообще, лучше чаще принимай ванну, а не стирай! То есть я сам. Ну или... – задумался Дмитрий, сбиваясь. Виктория на сей раз не стала отрываться от чтения, лишь кивнула. – И оденься, у тебя достаточно всего, есть из чего выбрать!

Женщина, казалось, уже не слушала, целиком углубившись в чтение-перелистывание. Дмитрий еще разок посмотрел на нее, ее лицо, сосредоточенное и кажется напряженное, словно пытающееся что-то вырвать, вынести тайком из книги. Нечто колющее и далекое отдало в душе.

Тут он вспомнил, что взял работу на дом, и вздохнув, уселся за компьютер. Принялся силой воли вталкивать свое сознание и мысли в тесный круг выражений и переменных, подумав что может хотя бы сейчас удастся забыться в работе и он не будет думать об этом светловолосом дьяволе, пленившим его воображение.

Глава X. Тесный мирок одного фургона

11.41 ам, 13 мая

Несмотря на то, что в Калифорнии не бывает зимы, в настоящем смысле этого слова, а не календарном, изменение погоды все же ощущалось. С каждым днем становилось все жарче и жарче. В домах работали кондиционеры, в автомобилях опускались все стекла, лишенных этого блага. В особо людных помещениях, даже, несмотря на все охлаждающие приспособления, было душно и неуютно.

Планета неумолимо приближалась к Солнцу, несясь в бесконечном круговороте мирового пространства. Казалось, жара и этот постоянный круговорот вскружили головы людей, посеяв там хаос и спешку. Люди неслись кто куда, лишь бы подальше от палящего солнца, прячась в темных, плотно закрытых жалюзи пространствах кабинетов, зашторенных спален и гостиных.

Была одна группа людей, которым судьба уготовила еще большее испытание. Они в силу своих обязанностей должны были сидеть дни напролет в душном, тесном, давящим на сознание замкнутом пространстве, четко очерченным четырьмя плоскостями стенок автомобиля. Ни один лучик солнца не проникал внутрь этого темного рукотворного уголка мира. Лишь жар нагретого металла передавал общую картину за пределами этой железной западни. И хотя работал кондиционер и вытяжка, все равно воздух был сперт и проникся потом и запахом несвежей одежды. Люди сидели и ждали, возможно, проклиная того, по чьей воле они тут сидели и ждали, сами не зная чего. Ловили каждое мимолетное слово, небрежно брошенное в трубку телефона. Час за часом, день за днем, пытаюсь собрать по крупинкам жизнь незнакомого человека в ясную и легко читаемую картину. Но есть люди, чей внутренний мир остается загадкой, несмотря ни на что, как бы ни пылись влезть в него другие люди. Даже с помощью самого современного оборудования. Злость и досада, разогретая солнцем и духотой замкнутости, переполняла людей, выполняющих свой долг, сгорающих в железной духовке.

Вот внезапно, словно озарив благодатным светом и свежестью, распахнулась задняя дверь фургона и из ослепительного света, появился человек в белоснежной рубашке и светлых брюках. Он поднялся «на борт» и закрыл за собой дверь, снова погружая во тьму обжитый за несколько дней мир внутренностей фургона.

– У-у, включите сильнее кондиционер! – сказал Майкл, поморщившись. Он сел на свободное место и стал рассматривать всю технику, коей был нашпигован фургон полицейского управления. Здесь были и монитор внешнего наблюдения и запись прослушки телефона, и карта перемещений объекта.

– Не мог подождать вечерней смены? А если бы кто увидел? – недовольно протянул Мартин, снимая наушники.

– Его все равно нет дома... Да и авто далеко стоит. Плюс, я думаю что мы и так слишком выделяемся в этом сонном квартале где кроме как малолитражек и велосипедов больше ничего нет! Соседей, кстати тоже не было видно, вот я и решил присоединиться...

– Ну что ж, добро пожаловать в наш рукотворный ад! – пошутил, без улыбки Мартин. – Познакомься, это Сидни, наш техник-эксперт, заменяет Чарли.

– Привет Сидни, – поздоровался Майкл в ответ на кивок Сидни, сидящего в наушниках и фиксирующего все возможное с приборов. Это был совсем молодой полицейский, с круглым лицом и гладкой кожей. Майкл лишь на секунду глянул на него, потом спросил у Мартина. – Что слышно?

– Издеваешься? Ты же знаешь, что ничего! Абсолютно ничего, просто большой и жирный ноль! – раздраженно говорил Мартин. – За неделю записано целых ...12 минут разговоров! Безумие, он вообще ни с кем не общается. Один раз, и то ему, а не он, позвонили с работы и все. Это мы и записали.

– Я не понял, он что вообще ни с кем не общается? – удивленно переспросил Майкл, и расстегнув еще две пуговицы на рубашке, добавил. – Жарко у вас тут... А по мобильному?

– Да то же самое! У меня складывается такое впечатление, что может если не найдем ничего по нашему делу, то можно будет все равно брать его за задницу, не за преступление так за подготовку к... чему-то! Или за ...скрытность!

– А что внешнее наблюдение?

– Неделю ездили за ним – потом забросили это занятие. Маршрут: строго на работу и обратно, с небольшим заездом за едой и книгами! Сказали, как будет что-то существенное, позвоните и уехали! Вот единственное что мы выяснили – он любит читать! Хотя, кто его знает? Опросили продавцов книг и составили перечень купленных книг – полный разброд, никакой тематики, линии... энциклопедии, классика, романы, философия... все подряд!

– Может просто библиотеку набирает? Или язык изучает? – предположил Сидни, робко поглядывая на старших коллег. Майкл одобрительно кивнул, соглашаясь с Сидни. На что, Мартин лишь отвернулся, нервно откинувшись в кресле.

– Надо входить... – задумчиво произнес он.

– Но на это надо еще получить санкцию... У нас только на прослушку, – резонно заметил Сидни. Мартин лишь саркастические усмехнулся, а молодой эксперт не заметив, продолжил. – К тому же надо предупредить Чарли, потом сделать фото окружения и только потом внедрять микрофоны, на все это уйдет не меньше недели, – у Чарли сейчас много работы по другому делу!

– Да, спасибо, что напомнил закон! – наконец сказал Мартин, делая жест рукой Сидни, чтобы тот возвращался к прослушиванию и не отвлекался. – Кстати, как съездил домой? Наконец семья воссоединилась?

– В отличие от нашего дела, с этим все в порядке! Уже трое детей и седые волосы у Дженни... – попытался пошутить Майкл.

– О, по ребенку за неделю отсутствия? Неплохо... А почему она к тебе не приезжает?

– Она же приезжала на прошлой неделе! И вообще, у нее работа... Не только же мне одному увлекаться своей работой? Я пропадаю на месяц и еще непонятно, на сколько здесь задержусь...

– Видимо надолго, – перебил напарника Мартин. – Как я и говорил, не может все быть так просто! Что слышно в Сан-Франциско?

– Примерно тоже самое что и здесь – провели обыск в съемной квартире Кейси – ноль, к тому же, хозяйка успела подселить туда уже новых жильцов, пожаловавшись на неуплату. Точнее они только сняли, но еще не въехали, хотя изменили следовую картину окончательно, захлавив место своими вещами. Неважно, главное что она там так и не появлялась. Поиски в городе продолжаются, дано объявление по радио и ТВ, развесили плакаты с телефонами – ничего... С приставом осмотрел все случаи смертей и в моргах, та же картина. Слышал вы осматривали тот участок шоссе, где по свидетельским показаниям ее последний раз видели?

– Надо же хоть за что-то цепляться? Впрочем, в радиусе нескольких миль от того места, где по признанию свидетеля ее видели последний раз, все равно ничего не нашли... Интересно, она была голая это точно известно, а куда же делись ее вещи? На шоссе и в окрестностях нет! Тогда где? – поинтересовался, словно сам у себя Мартин. И не найдя ответа, вздохнул. Становилось все жарче из-за того что в машине появился еще один человек. И хотя фургон стоял под деревом, все равно солнце липло к его темной металлической поверхности как магнит, раскаляя металл и нервы людей.

– У меня такое ощущение, что это все сон! Бьемся об асфальт головой и все без толку. Признаюсь, у меня такого еще не было – чтобы ни делал, ничего не дает результат. Вот вроде бы схватили зацепку, потянули, – ноль; вторая схвачена – опять ничего... Уже становится привычным привыкать к неудачам после каждого действия! И зачем вообще мы взялись за это дело? Возможно, капитану оно показалось легким и быстро раскрываемым? Видимо подумал перед пенсией подбросить мне плевое дельце! Так, чтобы размяться... напоследок. Кстати, надо будет по возможности зайти и сказать ему спасибо! Но реальность оказалась гораздо интереснее! Теперь-то мы знаем, что не все так однозначно. Честно, – и продолжать почти пропал интерес, и бросить жалко.

Майкл удивился такой позиции напарника и не стал скрывать своего разочарования. Мартин это заметил, и поспешил оправдаться:

– Нет, не бойся, я не собираюсь сдаваться, – не тот человек! Даже если и хотел – не смог бы. Такой я, – гордость не позволит. Просто все *непросто!* Особо впечатлительных прошу извинить за тавтологию, но *s'est la vie*. Не за что ухватиться. Все что было схвачено – оборвалось, и я не знаю что делать дальше... У нас нет ни доказательств, ни тела, ни мотива. Да и вообще такое ощущение, что дела тоже нет! В каждой объективной ситуации есть ее логические составляющие – причина и следствие, мотивы и действия... Здесь же ничего нет! Допустим, когда есть труп, мы отталкиваемся от него и ищем орудие преступления и подозреваемого, выясняем мотивы... Здесь даже тела нет, ничего! Может Кейси поехала на восточное побережье, и спокойно сидит себе у бойфренда? А мы тут возимся...

– Но есть же показания, и многое из них подтвердилось? – засомневался Майкл. Мартин же поспешил поправить:

– Показания о ком? Свидетель не указал четко, что это была Кейси! Это мог быть кто угодно!

– Тогда есть шанс, что мы раскроем иное преступление... Тоже хорошо! И вообще, а чего тебе переживать – еще месяц и на отдых!

– Чего мне переживать, – передразнил Мартин, – а ты не задумывался... хотя куда тебе? В твоём-то возрасте? Каково это уходить на пенсию вот так? С чувством дурака, когда я, опытный детектив сижу и ни черта не понимаю, как новичок? Да я спать не смогу!

– Так, надо отвлечься от посторонних тем! Они мешают сосредоточиться. Я только приехал, и еще не был в управлении и не читал отчета по беседе с соседями, можешь пересказать?

– А чего пересказывать? Так ничего особенного, все соседи отзываются крайне положительно об этом Дмитриии...

– Он что, грек? – переспросил Майкл. Мартин устало покрутил отрицательно головой:

– Русский.

– Неважно, продолжай

– Так вот, все положительно отзываются о нем. На мой вопрос, в чем же заключалась положительность, почти все замялись, задумались... и ответили, что он им не мешает, живет как все, здороваётся, улыбается, ведет себя спокойно и тихо! Представляешь, он классный только лишь потому, что его никто не замечает? То есть все думают только о себе и не смотрят на фут дальше своего носа. Неудивительно, что под боком иногда вырастают маньяки.

– Вы хоть себя не выдали, иначе могут рассказать о нашем интересе?

– Нет, конечно. Кто мы, профаны? – обиделся Мартин, сделав гневное лицо. Он почти перешел на крик. – Я представился эмиграционной полицией, проводящей контроль за поведением живущих здесь иностранцев и проверяющих сроки истечения визы и все такое...

– Но у него же Грин Карга? – «поправил» Майкл.

– Так соседи-то не знают таких интимных подробностей!

– А если...

– Слушай, отстань! Иди и сделай лучше! – не выдержал Мартин. Он снял наушники до этого висевшие на шее и положил их на приборную панель. Подумав, он начал говорить медленно, монотонно, словно цитируя:

– Просто... Не надо просто! А вот его соседка, межующая с ним... в-о-он тот голубой дом, поведала нам по секрету, что последние несколько недель, подозреваемый стал более скрытным, осторожным, что ли, и вообще изменился. Раньше, с ее слов, он чаще проводил время вне дома, позже приезжал, бывало, делал барбекю на заднем дворе. Это она запомнила по дыму, который иногда попадал к ней в дом. Да, их дома довольно близко расположены. Сейчас этого всего нет! Хотя, впрочем, она также как и другие заметила, что не может сказать ничего отрицательного о соседе.

– Вот это уже кое-что. И время совпадает – несколько недель как раз когда исчезла Кейси и ее, возможно ее, видели на шоссе...

– Именно поэтому я все это и терплю здесь! Уже давно бы забросил... Каждый день эта жарка! – с горечью проговорил Мартин.

Выговорившись после того как они не видели друг друга несколько дней, напарники замолчали. Прошло несколько часов, которые быстро пролетели в пустых разговорах и ничего не значащих фразах. Майкл, как самый бесполезный в данном случае прослушивания, даже был отправлен за ланчем. Когда уже импровизированный обед был почти закончен, как вдруг, посмотрев на экран, Сидни отложил недоеденный сэндвич, и несмотря на набитый рот и приличие, сказал:

– Едет, уже близко.

На мониторе перед ним, показывавшего карту, загорелась и двигаясь, приближалась красная точка.

Глава XI. Прояснение

10.05 ам, 22 мая

Еще несколько дней новой жизни пролетели незаметно, схваченные жестко рамками маршрута к работе и обратно, туда с грустью и с радостью и желанием обратно. Здесь Дмитрия ждало тепло и ласка, дома ставшего таким манящим и уютным. Он осознавал свое наваждение, и ничего не мог с собой поделать, все больше вовлекаясь в эту игру. Которая все меньше походила на игру, скорее на корриду с опасными возможными последствиями. Дмитрий все ждал, когда же его незнакомка заговорит с ним о ее прошлом, и о их будущем, ведь он достаточно уже накупил ей книг из жизни человечества, выраженной в красивых словах авторов. И того что она уже знала, было достаточно для описания любой картины, даже самой мрачной или наоборот сказочно яркой. Дни шли, Виктория молчала. Лишь однажды она как будто что-то вспомнив, спохватилась, подалась вперед, к нему, словно помогая выйти словам, но тут же опомнившись, взглянув в его глаза, поникла и ничего не произнесла. Это бы позавчера, после того как они провели еще один прекрасный день вне дома. Он украдкой вывел ее как обычно через задний дворик, покатал на машине по побережью показывая захватывающие виды океана и природы. В конце путешествия они снова искупались, еще дольше и интереснее чем в прошлый раз. Без приключений и неожиданностей они вернулись домой и тогда то она, как показалось, хотела наконец то открыться ему, может лишь показалось.

Полторы недели назад, Дмитрий купил еще одну машину, чтобы не привлекая внимание отсутствием своего Форда перед гаражом, ездить инкогнито. Так уж вышло, что он приехал в салон покупать машину, как раз тогда, когда с него по воле случая сняли внешнее наблюдение. Если бы он знал, как же ему везло! Теперь, когда он снова покупал машину, он отбросил всю рациональность и скупулесность, он просто покупал автомобиль, быстрый, избыточно мощный и неэкономичный, хотел почувствовать себя нормальным человеком, а не постоянно угнетенным необходимостью экономии, эмигрантом. Держа в уме все то что не позволял себе раньше он специально выбрал спортивный Мустанг кабриолет, белого цвета, забыв об осторожности, чтобы уж совсем поразить Викторию. Впрочем, он покупал авто не только для нее, но и для себя. Расплачиваясь за дорогой подарок, он горько усмехался своим новым мыслям и стремлениям, той легкости, с которой он тратил все накопленное за несколько лет, не думая о будущем, далеком и туманном. Он знал, что заработает еще. Может, именно вот так должен выглядеть новый импульс к продвижению карьеры? Больше тратить, чтобы больше зарабатывать? Желание перемен было намного сильнее голоса разума. Дмитрий поплыл, и ему нравилось это.

Этот спорткар он парковал на соседней улице, оставляя свою повседневную машину возле дома. Это захватывало. Дмитрий, приезжал с работы, выходил из своего Форда, медленно, неспешно, по дороге от машины до двери дома даже успевая иногда поприветствовать соседей, заходил в дом, и, словно преобразившись, одним длинным скачком пересекал дом, подхватывая за руку Викторию, уже готовую к поездке. Они выбегали через заднюю дверь и домчавшись до машины, уезжали в маленькое путешествие.

Дмитрий отчетливо чувствовал и осознавал, что все труднее становится удерживать такое существо в ограниченном пространстве дома, да еще такого маленького как его жилище. Но ничего нельзя было поделать, это было единственное условие безопасного существования их мирка, нетронутого чужим взглядом и вмешательством. Также он осознавал различие между ним и *ней*, – он мог прожить вот так всю жизнь, взаперти, в четырех стенах, только лишь рядом с ней и больше никто ему не нужен в этом, все-таки чужом мире.

Смотря как Виктория счастливая, улыбается, Дмитрий своим рациональным, воспитанном на сухой как пустыня науке, реалистическим разумом прекрасно представлял, что каждый такой счастливый день съедает день обратного отсчета до... Он не хотел думать об этом, наслаждаясь здесь и сейчас каждой секундой. Что было там, за чертой, он не знал, романтично, безосновательно надеясь, что все же удастся избежать этого часа. Или отсрочить его как можно дальше.

С легким трепетом и некоторым страхом смотрел Дмитрий вслед прошлой жизни, прекрасно понимая, что его теперешняя жизнь уже не будет такой как раньше, чтобы ни случилось. *Она* пришла и изменила жизнь человека земного навсегда, не спросив разрешения.

И все же много лет рационализма, вязкого и неотступного, не могли не породить сомнений. Не о чем-то конкретном, а обо всем сразу. Темнота тревоги, словно свое-другое к самому себе, стала ворочаться, поднимаясь на поверхность, все чаще и чаще, неся уныние и грусть. Дмитрий как то в один из дней, внезапно заметил, что перестал быть осторожным, потеряв голову. Он выводил Викторию через черный вход не осмотревшись, ездил по Окленду, катая ее, со сложенной крышей, не боясь быть увиденным. Иногда ему казалось, что он поступает умышленно, чтобы сама жизнь решила за него как быть дальше. Надоело скрываться, прятаться, чувствовать себя нарушителем, преступником, боящегося шелеста листочка на дереве.

Сыграл свою роль и серый фургон, стоявший каждый день то тут, то там, иногда ближе иногда дальше, а иногда отсутствующий, начал вызывать подозрения у окончательно запутавшегося Дмитрия. Вчера он спросил у соседки, зачем соседи купили фургон. На вопрос она ответила, что никто ничего не покупал, по крайней мере, насколько она знала. Конечно, его рациональное сознание все так же крепко находившееся в плену иллюзий, ничего ему не подсказало, тем более правду, реальность, ведь он определенно был уверен, что *они* не могут ее искать, поскольку не знают о ее существовании вообще, т.к. эта девушка не с этого мира. В последнем Дмитрий уже был уверен абсолютно.

И вот теперь, сегодня, в начале уикенда, проснувшись рано, после почти бессонной ночи, ставшей действительно темной только к утру, когда сон объял его, и проведенной в размышлениях, зашел в гостиную, где как всегда бодрствовала Виктория, никогда не знавшая сна. Она сидела на диване, в коротком легком халате, играясь пояском, поджав под себя ноги. Дмитрий несколько секунд посмотрел на нее сверху вниз, заметил, как она моментально прочитала по глазам чувства, переполнявшие человека, характерным жестом показала на место возле себя, приглашая сесть рядом. Он повиновался, не мог не повиноваться, желая этого.

Дмитрий опустил на диван, откинулся на спинку, запрокинул голову, закрыл глаза, положил ноги на журнальный столик. Виктория, со все так же поджатыми ногами, приподнялась и развернувшись к нему, под села ближе, положив свою легкую голову на его плечо. Дмитрий почувствовал прикосновение теплоты кожи и шелк волос. Не открывая глаз, он представил какое наверно сейчас прекрасное лицо у нее, украшенное ее обыкновенной грустной мудростью. И вдруг, несмотря на то, что он только что поднялся с кровати, захотелось спать, долго и беспробудно, с ее головой на плече, настолько было уютно и просто, по-домашнему. Так прошло много минут, или часов. Дмитрий не помнил, возможно, даже задремав. Когда он внезапно, придя в себя, встрепенулся, заставил дернуться и Викторию. Он извинился и уже совсем проснувшись, сидел в той же позе, лишь спустив затекшую левую ногу со стола.

– Ты изменился... – произнесла Виктория задумчиво, накручивая на пальчик пояс халата. Ее голова теперь уже почти на груди у Дмитрия. Он ответил не сразу.

– Ты тоже.

– Мне так нужно.

– А мне разве нет? – удивился Дмитрий, зевнув. Помолчав, добавил медленно. – Знаешь, я все вспоминаю тот день, когда ты мне показывала свой первый загар, а я ругал тебя что ты не принимаешь ванну каждый день, помнишь?

– Еще бы.

– Я много думал о тогдашнем твоём поведении... ну то есть, как ты повела себя тогда. Так вот, ты не солгала, не сказала неправду, как сделал бы любой другой человек, как только я поймал тебя! Понимаешь? – Виктория кивнула, шелестя волосам по коже Дмитрия.

– Теперь я точно знаю, что ты не человек. Человек обязательно солгал бы. Мы по-другому не можем. Ведь ты знаешь, что такое говорить неправду?

– Да, конечно. И я тоже хотела с тобой поговорить о... неправде. Зачем люди ее говорят и делают? Сколько ни читала, это встречается почти везде, но нигде не поясняется, зачем это... нужно? Кого люди боятся, зачем искажают факты?

– В том то и дело, – что никого не боятся, потому и врут. Врут чтобы спастись из неловкой ситуации, врут чтобы избежать наказания, врут чтобы подняться по работе... Да мало ли отчего люди делают это?

– Но зачем? Причины и я знаю... Кто выдумал ее?

– Как же я могу объяснить все это? Найти причины лжи, это все равно, что угадать смысл жизни... Он была и будет с нами, людьми, всегда. Мы так живем, это наше естество, сущность...

– Лгать? Разве это не запутывает и без того сложную человеческую жизнь еще больше? Не проще ли было без нее? Больнее, но проще. А так водите друг друга по кругу, в неправильном направлении...

– Ух, как много вопросов! Чтобы на них получить ответы я и покупал тебе книжки. Неужели не нашла? И кстати, не все так просто... Есть например, такие случаи, в которых, ложь полезна, или как говорят люди – ложь во спасение!

– Это еще как? – спросила Виктория, и Дмитрию показалось, что она сжалась, превратившись, в слух.

– Ну, например, когда, – Дмитрий задумался на минуту. – Например, когда у человека на сердце противно и мерзко, оттого что он говорит неправду, но ему приходится врать, чтобы не причинить боль любимому человеку... где-то так!

– Таковую ложь я вообще не могу понять... именно она чаще в книгах и встречается. Зачем лгать близкому человеку? Рано или поздно все откроется и станет вдвойне обидней! Да и вообще – противоестественно.

– Ладно, попытаюсь показать на одном очень показательном примере. В тот день, который мы только что вспоминали, ты сразу призналась, что не выполнила мою просьбу, тем самым сделав мне неприятно, и главное, не попыталась солгать, тем самым выдавая свое неземное происхождение...

– Но это же было очевидно? Что еще нужно было сказать?

– Вместо этого ты могла бы что-то придумать, чтобы не расстраивать меня! Немного, совсем чуть-чуть приукрасив реальность, так, по крайней мере, сделал бы человек! Или, совсем ничего не поев, как ты и делаешь, сказать, что перекусила что-то, просто чтобы мне было приятно. Так, немножко, солгав, словно притворившись... Это ничего не изменит, – не приведет к падению Пизанской Башни, солнечному затмению и победе зла во всем мире, но сохранит отношения и сбережет нервы... это в случае человеческих отношений... а не таких, хм... неземных как у нас! – последнее Дмитрий говорил уже смеясь. – Конечно, не стоит увлекаться, а то затянет. Все люди думают, что контролируют себя, но, увы, это не так!

Удивительно, но после тяжелых как гранит ночных мыслей, придавивших к подушке, но не дававших уснуть, здесь, в разговоре с Викторией, Дмитрий совсем забыл о них. Стало легко и приятно, как в беззаботном детстве. Внезапно, его одолела радость, беспричинная и всеобъемлющая, захотелось прыгать и крутиться, отбросив стереотипы поведения и приличия. Захотелось поднять на руки Викторию и нести куда-нибудь до обессиления. Дмитрий сде-

лал движение и освободив левую руку из-под тела Виктории, обхватил ее и прижав к себе, весело заговорил скороговоркой:

– Ты сказала, что я изменился? Да, я изменился для тебя и благодаря тебе! Ты это понимаешь? Еще недавно я боялся этих изменений, глубоких и пугающих, пересиливал их, загонял внутрь и вот я презираю страх и отпускаю себя в пучину новых ощущений и чувств... Хочется... танцевать! Представляешь, ты, да, впрочем, как и я, никогда не танцевала... Знаешь как это классно? Кружить в ритме, быть захваченным им... утонуть в нем. Никогда не понимал этого, а теперь хочу! И главное – есть с кем! Тебе обязательно надо научиться танцевать, ты можешь, ты вообще все можешь, а потом... научишь меня!? Романтика, как мальчишка... Хочется жить, словно только родился, как ты! А может мы родились *вместе*? Заново, как в сказке... И все это судьба, что ты попала ко мне, что шеф пристал с дополнительной работой именно в тот памятный день? Иначе я бы не задержался на работе допоздна, и не поехал поздно по пустому шоссе, не повстречал бы тебя! Бр-р, ужас!

Дмитрий не видел и не мог видеть лица Виктории, смотря в потолок, летая в мечтах еще выше. Но был абсолютно уверен, что она улыбается, она должна улыбаться, он настолько откровенно открыл себя перед ней, что это не могло не тронуть даже взнезменное сердце. Он свято верил, что искренняя эмоция, чувство, вылитое, высказанное словами души, искренно может преодолеть любую преграду.

Внезапно, как будто опомнившись, выйдя из бреда, Дмитрий умолк. Ему стало стыдно, он в порыве чувств, показал свою душу, легкую и бестелесную, мечтательную и пугливую. Помолчал, прислушиваясь к лежащей у него на груди Виктории, – ничего, кроме размеренного дыхания. Захотелось, чтобы мысли не передались ей.

– Черт, что ты со мной делаешь? Надо остановиться... – наконец произнес он, немного успокоившись. – Это вообще непросто... И не всегда удается вот так открывать душу! Странное ощущение... похлеще, чем оказаться в толпе голым! Но ты не бойся, – как будто Виктория боялась. Она видимо тоже так подумала, улыбнувшись. – Это нормально, люди в порыве чувств бывают такими... странными. Просто представь, какие у меня могут быть ощущения, – все люди как люди а у меня... даже не знаю кто! И странно и хорошо. Честное слово, хотелось бы со всем миром поделиться своей радостью, но нельзя! Представляешь, что с тобой сделают, если узнают о нашем секрете.

Виктория покрутила головой, потеряв своей нежной кожей по его коже.

– Лучше и не надо... Знаешь, люди, многие их поколения, мечтали, пытались встретить хоть какую-нибудь взнезменную форму жизни, и теперь, когда это почти сбылось... без их ведома, конечно, могут наделать много неприятностей, узнав об этом! И это я еще смягчаю краски. В многих фильмах, книгах и в своем воображении, мы, люди, рисуем романтические картины дружбы между цивилизациями... А что же на самом деле? На самом деле вступают в силу политические, региональные интересы, меркантилизм... Бешеные ученые тут же подключаются к изучению и пока не разберут на атомы – не успокоятся! Не могу представить ни одного государства, которое не захотело бы занять себе что-нибудь неземное и, спорю, будет бороться за это до конца! Так что, вот такая она жизнь, на Земле! Об этом не напишут в книжках, – там не пишут горькую правду... Ты вообще, думала, когда сюда... м-м, как же это сказать, попадала, что ли? Зачем именно сюда, нельзя было место получше выбрать? Нет, я конечно рад, но все же...

– Я не выбирала... – с грустью сказала женщина, словно вдруг ей открылись глаза, куда она попала. – Так получилось... нет, так надо было!

– Но ты не бойся, – снова успокаивал ее Дмитрий, – мне нужно время, чтобы все обдумать! Не все так плохо на земле... естественно, если ты официально зарегистрирован в государстве, имеешь паспорт! – он попытался пошутить, забыв, что Виктория не особенно ценила земные шутки. – Я попытаюсь, что-то сделать, хотя не знаю что! Не заказывать же для начала

паспорт у мафии... ну поддельный я имею в виду! В общем, я не знаю, – голова идет кругом! А ведь знаешь, я хотел бы показать тебе мир, который, в сущности, не так уж и плох... Ты же не видела все романтических и просто прекрасных мест на планете! Но тебя не пустят на самолет... Стоп, ты же не знаешь, что такое самоолет?

– Знаю, – без энтузиазма сказал Виктория. Дмитрий замотал головой.

– Я имел в виду, что никогда не видела его вживую... Такой белый, в облаках, разрезающий стрелой небо! А еще ты не видела корабли, огромные и тоже белоснежные... Да чего, там, легче перечислить что ты видела! Представь, впервые в жизни жалею, что я не миллиардер, – спрятал бы тебя в своем замке, чтобы никто не нашел! Никогда... Путешествиями отвлекались бы от четырех стен его, на собственном самолете, и никто не просил удостоверения личности... А так, даже и не знаю что делать дальше. Невозможно просуществовать до конца жизни в темном мире гостиной за закрытыми жалюзи! Какой там, тебя даже в поезд не пустят... столько всего интересного, и не мочь этого испытать. Жесток этот мир к чужакам! – закончил свою тираду философски Дмитрий. Видимо, возможность всю жизнь просидеть в гостиной не очень пугала Викторию, точнее так показалось Дмитрию, поскольку невозможность воплощения простой человеческой мечты совсем не расстроила ее. Она все так же сидела в своей позе, положив голову ему на грудь, лишь иногда глубоко вздыхая.

– Ты много знаешь, но еще больше не осознаешь, не чувствуешь! – продолжил он уже более спокойным тоном, все чаще прислушиваясь к реакции Виктории. – Люди с детства растут, впитывая мудрости жизни... И не книжные, заметь, а жизненные и кто лучше их поймет и прочувствует, тот и становится успешнее и находит свое место под солнцем... А кто-то может и вовсе не приспособиться к этому... специфическому миру... Возможно тебе еще рано его, мир, глубоко понимать. Надо время. Кстати, ну хоть сколько тебе лет, это ты можешь мне сказать?

– Не знаю, – безразлично ответила Виктория. – А как сосчитать?

– Как это «сосчитать»? – удивился Дмитрий. – У людей все точно! Сейчас тебе не средневековье, когда большинство людей рождались когда-то и где-то, и только богатые знали свою родословную и день рождения... У тебя есть день рождения?

– Да, конечно, – возмутилась, наконец, Виктория. – Так же примерно, как и имя! Может мне и мой день выбрать?

– Не надо нервничать, – это тебе так несвойственно...

– А что делать, если ты меня не понимаешь. Я пытаюсь, пытаюсь изо всех сил вспомнить, кто же я, а ты вот так!

– Что значит «вспомнить»? Ты разве забыла? Скорее не знала... И что после прочтения стольких книг, у тебя все еще нет слов для описания себя? Странно...

– Книги, книги... Они помогли мне лишь освоиться в этом мире. Книги написаны в этом мире и для этого мира, в его словах, – Виктория медленно поднялась, садясь ровно на диване. Она опять становилась грустной, как каждый раз разговор заходил о ее прошлом. – Я не могу описать то, что не имеет слов.

– Но как можно жить, пребывать где-то, чего не можно сказать... Нонсенс! Так откуда же ты? То есть я имею в виду, – начал пояснять Дмитрий, когда он, встав с дивана, увидел глубочайшее удивление и непонимание на лице у Виктории, – что мы теперь здесь, – мои родители там, далеко! Так люди обозначают отдаленность или близость местности... Так откуда ты?

Девушка подумала еще немного, наклонив голову. Потом, как будто вспомнив что-то, ответила:

– Отсюда.

– Как это отсюда? – теперь пришел черед удивляться Дмитрию. Он стоял посреди комнаты с разведенными в стороны руками, видимо имея глупейший вид. – Разве ты не... прилетела... то есть, я думал... в общем я не знаю как это сказать! Но ты же не с Земли?

– Отсюда! – настойчиво повторила Виктория, смотря в упор на недоумевающего мужчину. Злобный огонек загорелся в ее глазках. – Да. Я вспомнила эти горы и море... Точнее узнала что это горы и моря... раньше я не думала о них *так*.

– Как это «так»?

– Только недавно я узнала что вот это – гора, а вот это – море... И так со всем, что есть здесь... то есть там... откуда я!

– Ой-ой, начались загадки! Лучше бы я снова не начинал этот разговор! – смутился Дмитрий, расхаживая от волнения по комнате. Виктория тоже видимо расстроилась, оттого что не смогла помочь Дмитрию, и словно сжалившись, тихо сказала:

– Я точно так же ощущаю себя здесь... Я все чувствую, но не могу рассказать. Вообще не понимаю, зачем нужно давать названия чему-то существующему?

– Потому что так легче, потому что так нужно для коммуникации, для того чтобы люди понимали друг друга. Видишь, как нам тяжело найти общий язык? Для этого и нужны слова и речь... невозможно существовать чему-либо без названия, иначе как тогда о нем рассказать?

– Ты знаешь, что в мире мельче самого мелкого? Как оно называется?

– Я – не знаю, но знают ученые, – с гордостью за свою цивилизацию вступился Дмитрий. Виктория лишь усмехнулась.

– А сто, двести, триста лет назад? Они тоже знали?

– Ну, возможно, догадывались... И вообще к чему это ты клонишь?

– К тому, что не обязательно знать что-то или давать ему слово, чтобы оно существовало! – она замолчала, удовлетворившись обоснованностью своей позиции. Потом грустно наклонив голову, произнесла. – Ты хотел знать откуда я? Скажу тебе – я оттуда, где нет слов... и это место невозможно описать в твоих...

– наших! – поправил Дмитрий.

– Уже наших, – согласилась Виктория, – словах! Потому я и молчу об этом, и вовсе не потому что я хочу причинить тебе боль...

– Глупо, извиняюсь что я так говорю про твой безымянный мир... Очень странно и глупо. За все время не придумать названий!?

– Почему же глупо, ведь тот мир живет и... все хорошо, – внезапно сказала Виктория.

– Хорошо говоришь, а я приведу вот такой пример. Вот, к слову, тебе захотелось вернуться назад, к своему такому прекрасному миру? Как ты найдешь его? Дорогу куда спросить? Вот! И оказалось не все так классно в твоём мире!

– Я не вернусь...

– Ну, это понятно! – резко согласился Дмитрий. Вдруг он, быстро развернувшись лицом к Виктории, запнулся, и когда проглотил ком в горле, спросил. – Но... почему?

– Не смогу...

– А откуда ты пришла? То есть как ты оказалась тогда, ночью на дороге?

– Не знаю, я шла, шла... Свет машин проносился... потом ты.

– А до дороги?

– Ничего, лишь чувства *того* мира, без слов и названий... Все что происходит сейчас я могу описать, до – нет!

– Да уж, тяжелый случай! А ты знаешь что разрушила мою мечту? – заговорил снова весело Дмитрий, пытаясь поднять настроение Виктории, которая заметно загрустила. – Я думал что ты непременно с Венеры, ну или Марса, наконец! А ты из местных...

Женщина на секунду усмехнулась. Дмитрия это приободрило.

– И все же я не понимаю – хорошо, пусть ты права, нечто может существовать без понятия. Тогда, сопоставь некое безымянное существование и нашу, земную действительность, выраженную в словах и назови вещи из твоего мира, земными словами! Примерно так по аналогии переводят на Земле с одного языка на другой. Попробуй?

– Можно, но не все есть возможность выразить, многого у вас нет! Я искала в книгах, но не нашла ничего подобного, – Виктория с сожалением произнесла последние фразы.

– Достаточно будет и того что совпадает! – заверил ее Дмитрий.

– То, что есть там, и не названо, совпадает с тем, что здесь и имеет слова... – снова загадками заговорила Виктория. Дмитрий вконец запутался:

– А что же может быть еще? Как там живут, что делают, как размножаются? Кстати, *там* есть еще, точнее был, кроме тебя, – Виктория закивала головой, – и много?

– Я же сказала – все как здесь!

– А они тоже здесь, или остались у себя дома? – не сдержав улыбки, сказал Дмитрий.

– Не знаю..., – потупила вдруг взгляд Виктория. – У меня есть чувство, и оно ведет меня. Только меня и никого больше.

– И что же это чувство говорит тебе? То есть что ты чувствуешь?

– Что я должна остаться здесь... до, – загадочно сказала Виктория.

– «До» чего? Или тоже не можешь сказать? – Виктория энергично закивала в ответ. Дмитрий выпрямился и стал еще быстрее расхаживать по комнате, что-то соображая. Виктория следила за ним лишь глазами, смотрящими с низко опущенной головы.

Вот так было всегда, только начав разговор о неизвестном прошлом, как Виктория тут же оказывалась в эмоциональном тупике, прерываясь и возможно, злясь, уходила от разговора. С каждым новым днем в этом человеческом мире, новый разговор с ней о ее мире мог продлиться все больше, но снова недостаточно, чтобы понять что-то из него. Впрочем, и это вселяло надежду. Рано или поздно, Дмитрий надеялся все же разговорить ее. Теперь, когда она изучила и поняла об этом, обычном, человеческом мире достаточно, она со временем могла и прояснить ситуацию со своим.

Когда и при каких обстоятельствах это могла произойти никто не знал, как не знала сама Виктория. Заподозрить ее нечестности или нежелании открыть правду, нельзя было. Дмитрий, остановившись, тяжелым и длинным взглядом посмотрел на женщину, все так же неподвижную и следящую за ним. Надо было что-то сказать, приободрить ее, но слов не было – много было сказано и еще больше скрыто, такое горячее и неудержимое, нуждающееся быть высказанным, быть разделенным с другим, но с трудом удержанное в силу обстоятельств.

– Прости, – вконец запутавшись, тихо произнес Дмитрий, подходя и присаживаясь рядом с Викторией, обняв ее за плечи, – прости! Я иногда бываю нетерпелив... Ты уже доказала своей жизнью что не можешь лгать и выкручиваться. И если говоришь что не знаешь, что ты и откуда, – то я тебе верю, должен верить.

– Я могу врать, – но не хочу, – удрученно и тихо произнесла она.

– Неважно. В сущности это одно и то же. И я тебе верю. Знай это. А время все расставит на места, пусть все будет, как было. Это самое лучшее, что может быть с нами... с нами, такой необычной парой, группкой людей, пытающихся вписать странные отношения в рамки обыденности и полного контроля! Черт, это так по-человечески! Словно описать математическую формулу музыкальными нотами – неприродно и неестественно... Я чувствую себя первопроходцем, Колумбом, если хочешь, в океане неизведанности и темноты. Каждый новый день словно непредсказуемая погода в сезоне ураганов! Я не знаю, что будет завтра, но хотел бы сохранить все как есть, понимая мизерность и скудость такой фантазии зажалюзного мира! Вообще, мне иногда кажется, что это сон, нелепый и дурной, но такой приятный и желанный продолжением, отсрочкой конца. В последних конвульсиях, тщетной борьбе я пытаюсь продлить его существование как можно дольше, понимая что время бежит со световой скоростью... Время! Знаешь как безжалостно время? Никто не ушел от него! Но и как милосердно иногда бывает оно, пусть и не давая второго шанса... Оно ранит и залечивает им же причиненные раны... Впрочем, всю эту романтично-философскую идею ты наверно не раз встречала в книгах, которые я тебе купил! Но в жизни немного все иначе, быстрее течет, скорее заканчи-

вається, тяжелеє, дольше лечит... Так, из опыта! Чтобы это понять, надо это почувствовать, все невозможно понять, не пережив этого. Так устроены мы, люди. Если бы многое могли понять без горького опыта, кто знает, где, на каком этапе развития было бы человечество, избежало бы своих самых больших ошибок или нет? Хотя, знаешь, я всегда был сторонником своевременности, то есть пусть все познается тогда, когда это должно произойти, и нечего лезть вперед, делая из ребенка, например, опытного старика! ... Впрочем, никто этого и не делает, и мы же не учимся, пока не набьем синяк, таков путь опыта. Без него мы, как малые дети, с круглыми, испуганными глазами, ищущие маму, извечного спасителя и проводника в бурном мире. Также и ты, невесть откуда сошедшая в мое скромное жилище! Подумать только, я приютил самое интересное существо на земле, и вынужден это скрывать, прячась как преступник! И в чем же мое преступление? Может быть в том, что я хочу спрятать гостью этого мира от посягательства высоких и не очень желаний человечества, от его пороков и стремлений? Или может быть в том, что я, сам, пользуясь, повинуясь низким инстинктам, присвоил тебя себе, замкнув в этой пещере? – Виктория удивленно и отрицательно посмотрела на Дмитрия, не соглашаясь с этим. Он же, словно не заметив такого жеста, продолжил. – Ты вселила в меня работу! Вседенную и всенощную, я думаю о тебе на работе и ночью в кровати... И не так как думает мужчина о желанной женщине... Я это особо подчеркиваю, чтобы ты знала! Нет, я прекрасно осознаю, что под телесной оболочкой на меня смотрит *нечто*, и тем страшнее мне становиться, когда я понимаю, что *оно* само не знает что же оно есть! Моя жизнь изменилась, даже карьера пошла ввысь, меня перевели выше – и по рангу, статусу, и в прямом смысле – на верхний этаж. Но то, к чему я стремился так долго до тебя, не принесло удовлетворения сейчас! Мне интересно и страшно, – мое сознание, мышление, поступки и желания меняются все быстрее... Я теряю себя, понимаешь? И не знаю, радоваться или убежать в панике! Все к чему я стремился много лет, что вело меня и звало, – вдруг потеряло цвет и магнетизм... и вот, я в тупике! Мне нравятся мои теперешние эмоции и чувства, но как насчет будущего? Что там? Как и всякий земной человек, нет, даже человек, маленький такой, и жалкий, независимый только сам от себя, Я спрашиваю себя – что дальше? Здесь и сейчас я удовлетворен, словно накормленный малыш, а через четыре часа? Кем буду я и где будешь ты? Мой новый мир замкнулся на тебе... И как любое замыкание, ни к чему хорошему это не приведет!

Виктория молча слушала, даже не пытаясь что-либо сказать. По ее лицу невозможно было отчетливо угадать, слушает ли она «лектора» или нет, думая о своем. Ни одной эмоции, ни одного электрического движения, спазма мускул лица не было видно. Как неживая статуя, напоминающая человека, выглядела она. Впрочем, Дмитрий знал, что это было ее обычное лицо-маска. И он определял ее эмоции и состояние лишь по глазам. Теперь, Виктория с опущенной головой, и он, не видя ее глаз, не мог знать, что твориться в ее загадочной душе.

– Часто упоминаю детей, – продолжил Дмитрий, медленно и тихо, после неудачной попытки заглянуть женщине в глаза, – мне кажется, что такое сравнение здесь уместно. Не только ты, но теперь уже и я стал ходить на них... Запутавшийся и сбитый с толку, потерявший старый и не обретший новый смысл... И-эх, нагородил, – вдруг запнулся Дмитрий, резко повеселев, – вот, честно, знаешь, никто бы из людей не стал так долго и терпеливо меня слушать... Уже бы послал куда подальше! А ты... Впрочем, ты совсем отдельная тема... Давай съездим куда-нибудь?

Улыбка, робкая и нежная осветила грустное лицо Виктории. Она медленно повернула голову к Дмитрию, и в ее серых глазах вновь стал виден огонек жизни. «Как легко сделать счастливой... *неземную* женщину!» – подумал Дмитрий. – «В отличие от земных. Хм...»

Глава XII. Продуманное продолжение. Вторжение

9.15 ам, 24 мая

Мартин стоял возле кофейного автомата. Медленно опустил монету, еще медленнее стал выбирать кнопку. Сейчас он больше напоминал автомат, чем сама машина. Он делал все автоматически, погрузившись в мысли очень глубоко. Казалось, оклики кто-нибудь его теперь и он умрет от испуга.

Нагнувшись за стаканчиком, он заметил как из боковой входной двери даже не вошел, а ворвался Майкл, который тут же принялся озираться по сторонам, словно кого-то ища. Увидев его, по лицу Мартина проскользнула и исчезла в глубинах морщин еле заметная улыбка, родившаяся из только ему известных эмоций. Тут его заметил напарник, и помахав рукой стал приближаться. Сблизившись, Майкл корректно отказался от кофе, предложенного вежливым Мартином, спросил:

– Ну?

– Мне всегда нравилась твоя лаконичность, и сейчас я похоже в нее влюбился... Это как раз то, чего мне не хватает в Эмбер... – неспешно отходя от автомата, и увлекая за собой Майкла, сказал Мартин. Майкл удивился, последовав за напарником:

– Судя по твоему настроению все в порядке, и у нас намечается путешествие...

– Моему игривому настроению? – словно не поняв, переспросил Мартин. – Ты себя видел? Ворвался как ураган... Был дома? Как Дженни?

– Спасибо, в отличие от нашей совместной жизни, дома все хорошо. Так что, мне сбегать к кэпу за бумажкой?

– Я сам... сейчас допью, – ответил Мартин. Майкл же не отставал:

– Зачем терять время, мне не тяжело – я мигом туда и обратно!

– Слушай, я хочу переговорить кое о чем с шефом... Окей?

– А, раз так... Тогда конечно. Извини, но давай быстрее. Месяц уже возмусь и ничего пока не ясно! О чем хочешь поговорить с капитаном, спрашивать не буду... Хотел бы – сам рассказал!

– Позже! – отрезал Мартин, поднося стаканчик ко рту. Майкл лишь развел руками, и все таки не удержавшись, указал жестом на часы.

Мартин покрутил головой в знак несогласия со спешкой, и продолжил неспешно пить кофе, который ему, к слову, совсем не хотелось, но привычка и необходимость подумать и выиграть у мыслей время, сделали свое дело.

– Кстати, как ты узнал, что я здесь, в коридоре? – после несколько минутной паузы спросил Мартин. Сильно сдерживающий себя, чтобы не поддаться желанию быстро переделать все дела еще утром, Майкл как можно небрежнее ответил:

– А где же тебе еще быть?

– Да где угодно....

– У тебя только два «где угодно» – кабинет и коридор с этим старым автоматом! А поскольку в кабинете я видел тебя только в день нашего знакомства, то осталось только одно место...

– Все твоя психология? – формально поддерживал разговор Мартин, думая о своем.

– Она самая! – успел ответить Майкл перед тем, как к Мартину подошел полицейский и поздоровавшись, передал ему несколько бумаг, сказав что ему просил передать Сайдвелл. Улыбка воссияла на и без того не грустном лице молодого детектива. Мартин же напротив

стал еще темнее, он поставил стаканчик, не выпив и половины, и поблагодарив полицейского, сказал Майклу:

– Вот все как обернулось. Я не ждал его а он пришел сам!

– Что? – переспросил Майкл.

– Ничего, сам с собой разговариваю... Иди за Чарли, пусть хватает свои шмотки, все что нужно, – через полчаса выезжаем! Я к экпу, думаю это не займет много времени!

Наконец освободившись из под гнета медлительности напарника, Майкл спешно зашагал по направлению к лаборатории, в то время как Мартин медленно пошел к кабинету начальника. Подойдя, он коротко, отрывисто постучал, и, не дожидаясь ответа, вошел.

Капитан, сидевший за своим рабочим столом, нисколько, как могло бы показаться, не удивился такому вероломному вторжению, скорее он удивился, что видит здесь Мартина. Кабинет у Сайдвелла был не то что у Мартина. Здесь все было современным – и компьютер, – стильный белый моноблок от Apple и другие современные гаджеты. И сам капитан был под стать своему кабинету, всегда отлично, стильно одет, выбрит и надушен. Соответствуя внешней форме, он был гладок и мягок во внутреннем содержании своем, или хотел казаться таким. Его сегодняшний костюм (несмотря на жару) был черного цвета, с красным галстуком. Часы все так же сверкали на солнце яркими бликами. Кондиционер хотел сдуть этих неумных зайчиков, блуждавших по стенам и полкам с папками, и тех, кому они сверкали в глаза.

Сайдвелл сидел за массивным черным офисным столом, перед которым стояли два кресла. На столе был образцовый порядок. Впрочем, Мартин знал, что капитан редко что-то берет или кладет на стол, отчего порядок и сохраняется. Единственное, что постоянно использовалось в этом кабинете, так это телефон. Он постоянно звонил, мешая беседе с «гостями» кабинета. Остальная же утварь кабинета, – стенды с папками, две фигуры неизвестной мифологии, две тумбы с пальмами и диван, казалось, покрылись бы слоем пыли, если бы не уборщица. У Сайдвелла была протоптана тропа от двери до кресла начальника и телефона.

– Тебе что не передали? – спросил он, снимая очки, и откладывая лист бумаги над которым он, склонившись, работал. Мартин практически бесцеремонно проигнорировал вопрос, проходя и садясь на одно из кресел. Удобно устроившись, он спокойно ответил на строгий, прямолинейный взгляд капитана:

– Передали. Но я по другому вопросу...

– Хм, интересно. Ну так не тяни, выкладывай! – заспешил капитан, откидываясь на спинку затрепавшего под его весом, кресла.

– В курсе, что *наше* с Майклом дело затягивается, – Сайдвелл кивнул, и Мартин продолжил, – так вот я хотел бы... Впрочем у меня еще есть время... но что-то мне подсказывает что я и Майкл не уложимся в срок...

– А тебе то чего переживать? Еще месяц и все, прощай оно все! – беззаботно подсказал капитан. Мартин сделал кислое лицо.

– Вот именно в этом и дело..., – замялся он, и решившись, добавил, – в общем я хочу еще остаться до... хотя бы до полного раскрытия этого дела с исчезновением... где-то так!

Сайдвелл ожидал всего, но только не этого, или так показалось Мартину, но капитан был удивлен, и, возможно расстроен. Помолчали.

– И естественно это твое решение окончательное... отговаривать бесполезно... зная тебя...

– Да, ты хорошо меня знаешь, – безразлично произнес Мартин, не смотря на шефа. – Отговаривать – не стоит!

– Думаю, а оно тебе надо? Вот так, по простому, спрашиваю – зачем это тебе? Это что, самое интересное дело в твоей жизни, или боязнь безделья, свыкание с работой? Что? Я конечно посмотрю, что можно сделать...

– Только не надо трагизма, ты можешь это сделать с закрытыми глазами. Даже не трогая бюрократический аппарат, и на засовывая голову в юридическую петлю.

– Да не в этом дело! – запротестовал капитан. – По мне так хоть всю жизнь работай. Почему именно сейчас?

– Не знаю... Дело – дрянь, ничего особенного в нем нет, а зацепило. Гордость, понимаешь... Но странное, такое, с неким налетом тайны, что ли? Просто ближе к старости начинаешь думать о всяких... посторонних вещах! Не могу уйти, так просто оставив дело! Уже месяц мечемся и представляешь, ничего пока существенного. Надеюсь, с ордером хотя бы сегодня что-то найдем, дающее план на будущее. Если бы раньше ушел, до него, то возможно и не было бы так обидно... а так – не могу! Я спать наверно не буду.

– А Эмбер знает? Вот уж кто действительно спать не будет! Хотя, опять, зная тебя, ты как всегда принял решение сам, не посоветовавшись. Да где там! Ты наверно и не сказал ей о своем решении?

– И незачем ей знать, хватит что я варюсь в этом... – Мартин хотел было высказаться, но передумал. – Всего что нужно – она в курсе!

– Майкл знает? Или ему тоже не нужно знать? – ехидно поинтересовался капитан. Мартин поморщился:

– Не делай из меня монстра. Я не так страшен, как обо мне думают мной посаженные! – кривая улыбка перекосила лицо Мартина. Шутка не удалась.

– Хорошо. Что дальше? Я продлю срок твоего пребывания и полномочий на сколько тебе будет угодно...

– Только до окончания этого дела! Дальше – все, прощай! Просто надо знать когда остановиться, выпустить зверя... Сейчас не могу – не одного не раскрытого дела и тут вдруг вот это! Гордость, будь она проклята... Честно, стыдно перед Майклом. Он весь такой ученый, умный и я, из «старых» и облажавшихся... нет, так не пойдет! В общем ты меня понял? Кстати, который час? Забыл часы дома... Майкл уже наверно заждался, когда же мы поедем на установку аппаратуры... я сказал что буду скоро!

– 9.34. Еще один повод выйти на пенсию – получишь часы...

– Которые будут напоминать мне о былом, шевеля занозу? – съехидничал Мартин. Капитан подтверждающее кивнул, улыбаясь. Но глаза были стеклянными и злыми, неподвижно сверлящими Мартина. Детектив понял, что его затея, мягко говоря, не пришлась по душе начальнику. Еще раз декларативно улыбнувшись, Мартин поднялся и пошел к двери. Он, кажется, чувствовал взгляд, тяжелый и непрерывный, упершийся ему в спину.

– Тогда я пошел, а то преступники разбегутся! – сказал Мартин уже у дверей, обернувшись к Сайдвеллу. Капитан все так же сидел неподвижно, смотря на него. Потом сказал, медленно и властно:

– Ага, давай. Пока не буду делать никаких телодвижений, вдруг удастся раскрутиться до официальной даты. Ну а если не успеете, тогда... посмотрим! – последняя фраза Сайдвелла стерла даже ту минимальную улыбку с лица Мартина. Он вышел, и не сдержавшись, умышленно хотел хлопнуть дверью, но возвращатель двери не дал этого сделать. Мартин выругался про себя – даже техника была против него.

В коридоре, напротив кабинета шефа, стоял Майкл, облокотившись на стену спиной, и подняв одну ногу на стену, как делают дамы легкого поведения на панелях. Так про себя отметил Мартин позу напарника. Он был зол. Сам не знал почему, просто не любил проигрывать, сейчас ему нарочно ставили подножки его же ближайšie люди. И хотя они не сделали ничего плохого, иногда Мартину хотелось и просто поддержки, а ее как раз не было. Все указывали ему что надо делать, куда ступить, что говорить. Вспомнился вчерашний вечерний полускандал с Эмбер, относительно воспитания сына, и что, с ее слов, он буквально сбежал из дому в общежитие университета. В общем, много чего накопилось, и все это рвалось наружу,

хотело выплеснуться на первого попавшегося. А теперь еще и старый друг, капитан Сайдвелл, от которого он ждал только поддержки, засомневался в нем, даже намекнул, что пора бы ему уйти. Кабинетная работа портит людей, философски заметил про себя Мартин. Он, не подходя к молодому напарнику, пошел к выходу, позвав его с собой жестом.

Они вышли на паркинг, где их уже ждал Чарли и пара его помощников. Группа людей стояла возле фургона, теперь уже белого. У Майкла мелькнула мысль что хорошо, что выбрали другой фургон. Он не знал по какой причине, то ли потому что серый уже примелькался в окрестностях, то ли чтобы меньше нагревался. Неважно, главное – другой. И хорошо что в голове были мысли, так как снаружи ничего не было – Мартин всю дорогу молчал, погрузившись в обычное свое меланхолическое состояние.

– Хорошо, что поменяли автомобиль, – высказал свои мысли Майкл, подойдя к экспертам, – прошлый фургон уже слишком стал заметен. Все взяли? Фотоаппараты, фиксаторы, прочие вещи?

– Даже больше чем надо! – «успокоил» Чарли, немного обидевшийся за такую проверку. – Это Айзек и Стивен, мои помощники, с ними мы справимся быстрее...

– Тогда выезжаем.

Все погрузились в машину, и выехали, думая каждый о своем.

Мимолетное течение жизни, палящее солнце и поток воздуха из окна. Что-то вливалось в душу, заполняя ее неизвестным и томительным, как ожидание в очереди. Пятеро людей в маленьком пространстве, совсем близко находящиеся и такие далекие внутри. Только ветер и шипение колес из открытых окон оживляло этот, казавшийся мертвым и безмолвным, тесный салон автомобиля. Каждый думал о своем, несовместимом с иными мыслями. Дорожные знаки и разметка отделяли одну навязчивую мысль от другой, отмеряя секунды, тонущие в минутах дня моменты жизни. Майклу стало как то неловко, неудобно. Он был уверен что в такой обстановке и при такой атмосфере нельзя работать и получить хороший результат. Объединенные в одно дело, люди, должны быть как семья, дружная, конечно же, поскольку бывают и семьи не очень... Попытавшись «объединить» команду, Майкл как можно небрежнее и веселее сказал:

– Как на похороны едем! – в подтверждение разрозненности «миров» людей, заточенных в металл салона, никто даже не отреагировал, лишь водитель, Стивен, возле которого сидел спереди Майкл, посмотрел на него странно. – Может нам сегодня повезет! Веселее...

– Да уж лучше бы повезло! – наконец включился Чарли, – у меня столько дел: воспроизводство по двум делам, баллистика и выезд... А я все с вами вожусь!

– Как будто это не полноценное дело, на которое не нужно уделять внимание? – спросил робко, один из молодых помощников Чарли, Айзек, эксперт по отпечаткам. Чарли в долгу не остался:

– Прибереги энергию до места назначения.

Дорога заняла всего лишь около двадцати минут, – по велению чуда они миновали пробки на выезде из города и быстро доехали по шоссе до места назначения. За несколько минут до подъезда, Майкл связался с группой наблюдения за домом подозреваемого:

– Прием, это группа А, мы на подъезде, все в порядке? – спросил Майкл у дежурящего почти круглосуточно у дома Дмитрия полицейского. Зашипев, рация ответила:

– Все отлично, – объект ровно в 8.12 отъехал от дома и выехал по направлению к шоссе, – четко рапортовал голос в рации, – группой сопровождения подтвержден приезд подозреваемого на место работы. Посты наблюдения расставлены на обоих подъездах к району проживания, так что незамеченным не проскользнет, если надумает вернуться. Дорога свободна. Удачи, мы ждем и наблюдаем.

Молчавший всю дорогу Мартин, вдруг заговорил, как только автомобиль медленно вкатился на улицу Дмитрия:

– Съезжай на параллельную улицу! Вы же не собираетесь через парадный вход с помпой заходить? Слишком много внимания...

– А как еще? – поинтересовался второй помощник Чарли, выразивший общий интерес. Мартин поморщился.

– Видимо к выезду готовился только я! – высказал свое недовольство он, и продолжил более дружелюбным тоном. – Там есть черный ход, выход на параллельную улицу, через задние дворы... Внешнее наблюдение доложило.

Проехав квартал, белый фургон выкатил на параллельную улицу, тут же проехав мимо машины внешнего наблюдения, недавно вновь установленного. Стивен припарковал фургон футах в ста от места где была небольшая лазейка между дворами соседей, ведущая через заросли декоративных кустарников к черному входу дома подозреваемого.

– Пойдем по очереди! – указал Мартин, приободривший таким образом Майкла, узнавшего прежнего Мартина, уверенного и целеустремленного. – Первыми идем я и Майкл. Остальных вызовем по связи! Дай отмычку, – обратился он к Айзеку. Взяв ее, Мартин резко открыл дверь, вышел из салона.

Параллельная улица, той на которой жил Дмитрий, была раньше заселена, отчего деревья, посаженные при благоустройстве улицы, уже выросли, и своими широкими кронами почти вплотную смыкались над дорожным покрытием, разрезающим две линии домов пополам. Довольно красивое зрелище предстало людям, вышедшим из авто, погруженных в свои мысли, и пытающиеся быть осмотрительными и осторожными.

Свет палящего солнца пытался пробиться сквозь плотные заросли веток и листьев, а там где это ему удавалось, свет падал на землю, асфальт, порождая резкие блики и контраст освещенных и нагретых, с темно-прохладными местами на поверхности. Нечто сказочное было в этом месте. Патриархально спокойное, совсем, как казалось безлюдное и тихое, смотрящее глазами зеркальных окон в этот переливающий светом и тенью мир тихой улицы. После душного салона автомобиля, мчавшегося по нагретому асфальту автострады, раскаленного от энергии движения, было приятно пройти в прохладе деревьев.

Осмотревшись, детективы, стараясь не спешить, не выдавая себя, перешли дорогу, и прошли скорым шагом к лазейке между заборами. Вел Мартин. Он шел настолько уверенно, что казалось ведет Майкла к своему дому.

«Да, – подумал молодой детектив, – действительно хорошо подготовился!» На самом же деле, Мартин был здесь в первый раз в жизни, и видно было, только сойдя с тротуара, и войдя в заросли кустарников и деревьев, он стал медленнее и осторожнее, идя словно на ощупь. Майкл во всем следовал ему.

Вот они миновали несколько футов зарослей и вышли на тропинку между довольно высокими, в человеческий рост, заборами, плотными, доска к доске, покрашенными какой-то дрянной темно-зеленой краской, которая уже местами начала лущиться. Коридор из заборов заканчивался тупиком с дверью. Впрочем тут было еще две двери, по одной на каждом из параллельных заборов. У подножия каждого забора были заросли травы и еще каких-то сорняков, и лишь сама тропа и выходы из проемов в заборах были начисто вытоптаны, оставив только пыльную массу, вперемешку с гравием.

– И куда теперь? – осведомился Майкл, оглядываясь. По Мартину было видно, что он тоже не знал какой именно из входов ведет в дворик подозреваемого. Он подошел к правому забору, и поднявшись на цыпочки, осторожно заглянул за него, стараясь не выходить из-за веток кустарника, рвавшегося наружу из-за забора.

– А я знаю? Разберемся... Кажется не этот, – наконец ответил он, отойдя от забора. – Внешнее наблюдение доложило лишь о ходе, а не о расположении. Загляни за левый! – командовал Мартин напарнику. Впрочем, тот и сам собирался это сделать. Майкл осторожно, как и Мартин, дотянулся до верхушки забора, аккуратно заглянув за него.

– Боюсь ошибиться, но кажется вот этот дворик наш! – сказал негромко Майкл и отходя от забора, обернулся к Мартину. Молодой детектив заметил, что старший напарник стоит посреди дорожки и смотрит вперед, потом медленно повернув голову назад, посмотрел по направлению к выходу через кустарники, видимо, соображая. Он как будто что-то искал на пыльной дорожке.

– Что? – поинтересовался удивленно Майкл. – Я нашел...

– Ты что-нибудь видишь? – загадочно спросил Мартин. Майкл проследил взглядом по пути взгляда напарника и честно ответил:

– Нет, а что?

– В том то и дело, что мы ничего... не видели! – снова проведя линию взглядом от двери в заборе и на выход из узкого прохода, сказал Мартин. – Понимаешь?

– Это шутка? Нет, не может быть! Вот облом, а я то думаю а чего это он все время сидит в четырех стенах! – вдруг до Майкла дошло то, на что намекал Мартин. Он еле мог сдержаться, от смеха и разочарования. – Да он же мог делать что угодно... у нас под носом! Мы бегали за привидением, слушали пустоту...

– Тише, тише, не кричи! – строго заметил Мартин, но все же от такого открытия и его сердце немного оттаяло, – всех соседей привлечешь. Вызывай команду, будем входить! Теперь уже поздно сожалеть, надо выжать из сегодняшнего визита максимум!

– Группа Б, на выход, следуйте за нами, – произнес Майкл, вызывая Чарли и его команду, – быстрее!

Майкл говорил почти спокойно, волнение от недавнего открытия выдавало лишь постоянные движения головой, из стороны в сторону, словно с чем-то не соглашаясь.

– Я не могу поверить, – он все время водил нас за нос! – бормотал он, следуя за Мартином, который подошел к левой двери, ведущий во внутренний двор, аккуратно попробовал провернуть ручку, – дверь отворилась. Удивление проступило на лице искушенного детектива. Он хотел было войти, как его вдруг за руку схватил Майкл, придержав, прошептал, став внезапно сверх осторожным, словно почувствовав, что имеет дело не с дилетантом:

– А может, он дома?

– Внешнее наблюдение четко доложило, что подозреваемый на работе, соберись! – удивленно произнес Мартин, входя во внутренний дворик. В это время позади, у входа в кустарники, послышались приглушенные голоса. Это был Чарли со своими питомцами. Майкл оглянулся, в то же самое время, его за руку потянул Мартин. Высунувшись наполовину из дверного проема, он прошепел:

– Заткни их, не то здесь сейчас будут все соседи!

Майкл кивнул и быстро бросился навстречу беспечным новичкам полицейского дела. Приблизившись, он услышал что они говорят о совсем посторонних вещах, обсуждая какую то спортивную дорогую машину, кажется Мустанг, который они увидели припаркованным на той улице, где они оставили свой фургон. Это разозлило Майкла, который встретил их у самых кустов, почти прокричал, насколько это возможно, шепотом:

– Вы что совсем? Заткнитесь! – он повелительным жестом приложил указательный палец к губам. От удивления Айзек и Стивен даже на секунду приостановились. Чарли, шедший немного позади, со своим сундуком, погружаясь в свои мысли, как и недавно в машине, наткнулся на них и удивленно поднял глаза.

– Чарли, не спи! – ввалил, наконец, и старшему коллеге Майкл. – Держи под контролем своих подопечных!

Чарли немного опешил от такой наглости, но быстро взяв себя в руки, прошел в узкий проход между кустарниками, неся чемодан перед собой. За ним прошли и провинившиеся, сопровождаемые строгим взглядом Майкла.

Уже стоя на пыльной дорожке и оглядываясь, один из них, осмелев, спросил Майкла:

– А чего мы прячемся? Ведь у нас и санкция и ордер есть.

– Да конечно, все есть! А доказательств нет! Вот как добудем их – возьму на задержание тебя, даже позволю тебе войти через парадный вход, выбив двери! Иди... – бросил Майкл и пошел к открытой калитке, увлекая за собой экспертов.

Войдя во внутренний двор, Майкл застал напарника стоящего ближе к дому у черного входа, рассматривающего внимательно все вокруг. Мартин поманил рукой Майкла, подзывая к себе. Он подошел.

– Возле выхода мы как на ладони, соседи могут заметить, – пояснил он, подошедшему напарнику, показывая тот же самый жест и входящим экспертам, застрявшим у входа во двор.

– Смотри, женские джинсы и еще одежда, – сказал Майкл, указывая на веревки, на которых висели вещи. Плетеные веревки были натянуты между железной трубой, вкопанной у самого черного входа и одним из столбов забора. Вещи висели ближе к входу в дом, скорее всего, чтобы не было видно из-за забора. Джинсы явно были женские, помимо всего прочего, эту принадлежность выдавал их розовый пояс, усыпанный звездами и блесками. Халат и светло розовый пеньюар также явно указывали на присутствие женщины в доме.

Мартин кивнул, указав тем самым, что он тоже заметил.

– Я заметил. Посмотри на землю, – она еще влажная. Значит, вещи недавно повесили...

– Да, а две... нет, даже уже три недели никто не входил и не выходил из дома, кроме хозяина... По крайней мере с того ракурса, откуда мы наблюдали!

– Странно, – заметил Чарли, который пройдя во двор, сразу подошел к задней двери, и пытаясь ее открыть, нажал на ручку. Как и дверь во внутренний двор, входная также отворилась без дополнительных усилий и отмычек. – Похоже, нас ждали?

К двери подошел и Мартин, он сделал жест, просящий тишины, потом, наполовину войдя внутрь, прислушался, – было тихо. Он прислушался еще, и ничего не услышав, вошел. За ним вошла вся группа полицейских.

– Входим аккуратно, – прошептал Мартин, – на всякий случай осмотримся быстро, и если все окей, приступаем! Работать крайне аккуратно, ставить взятое на место, ничего не переставлять!

Полицейские начали медленно разбредаться по комнатам, и в коридоре, ведущем в гостиную, остались лишь Айзек и Мартин.

– Сними в первую очередь отпечатки с пульта дистанционного управления, рычага жалюзи, потом сам откуда считаешь нужным! – инструктировал молодого специалиста Мартин, осматриваясь. Из других комнат вышли остальные, доложив, что дом пуст.

– Работаем! – уже в полный голос призвал Мартин похлопав в ладони, входя в гостиную. – Давай Чарли, подключайся. Я осматрюсь... Стивен, прихвати какую-нибудь вещь для анализа, только не сильно заметную...

– А где спальня? – переспросил Стивен, получив задание и растерявшись.

– Зачем тебе спальня? – удивился Чарли, колдовавший возле тумбочки с телефоном, у дивана. Стивен пожал плечами, – это был его первый выезд на место:

– Ну чтобы взять вещдоки!

– Может тогда сходишь в магазин и купишь их? – глухо, из-под тумбочки прозвучал голос Чарли. Мартин улыбнулся, и смягчившись, пояснил новичку:

– Ему нужны вещи со следами человеческого тела, выделениями, потом... Поэтому чистые ему не нужны! Сходи на кухню, или в ванной в корзине для грязного белья возьми что-нибудь незаметное... – спокойно пояснил Мартин, подойдя к жалюзям и выглянув на улицу. Затем добавил. – Желательно и мужское и женское, если конечно будет что-то... Может поможет в будущем... И еще, вспомнил, можешь прихватить и пару щетинок с зубных щеток!

Затем обратившись к Чарли, спросил:

– Там может быть ДНК?

– Да, наверно... – не то в шутку не то всерьез ответил эксперт из-под тумбочки. – Можно поискать еще расческу или фен и начесать волос оттуда...

– А, хорошо... – скрылся из виду Стивен. Мартин продолжил осматривать комнату, которую еще недавно он видел только извне, скрытую жалюзи. Что-то манящее и в то же время отталкивающее было в том что вот так, тайно, обыскивать чужое жилье, словно предоставленная возможность заглянуть в душу, старательно скрываемую. Человек вернется в свое жилище, которое предстанет перед ним таким каким оно было когда он вышел, но на самом деле оно будет уже иным, работающим на других людей, выдавая все личное, все тайны. Станет чужим.

В это время вернулся из ванной Стивен, неся два пакетика с волосами, бережно подписанные «расческа» и «фен». Последние были длиннее и светлее. Он сложил оба пакетика в сумку эксперта, в отдел доказательств. Мартин снабдил его похвальным взглядом, ободренный этим, Стивен снова углубился в недра дома для поиска дополнительных доказательств.

Прошло около двадцати минут, когда Айзек закончил с отпечатками в гостиной, переместившись в спальную комнату. Тем временем Чарли монтировал микрофоны уже в коридоре. Внезапно, Мартин, будто что-то заметив, прошел в коридор и удивленно спросил главного эксперта:

– Что-то я не вижу камер?

– А может сразу телескоп? Ты хотя бы постановление почитал..., – контратаковал Чарли. – У нас разрешение только на внутреннее прослушивание... Судья и так, насколько я слышал, сопротивлялся – ни одной улики и уже целая стопка ордеров и санкций! Скажи спасибо, что хоть это разрешили... – встраивая микрофон под уродливую картину, совершенно не в тему и не к месту повешенную здесь, спокойно говорил Чарли. Мартин замялся, осознавая, что хотя это и не совсем то, на что он рассчитывал, все же и этого тоже было достаточно. Он не расстроился, снова вернувшись к изучению внутренней обстановки дома. В конце коридора вышел из левой комнаты и зашел в правую Майкл, имея сосредоточенный вид, держа руки подальше от себя, в перчатках, лишь немногим ниже чем это обычно делают хирурги перед операцией.

Выйдя из задумчивости, Мартин тоже взял перчатки из волшебного сундука Чарли, где, казалось было все, и надев их, приступил к активному осмотру. До этого он только осматривал предметы не трогая. Вернувшись в гостиную, остановился в дверях, стал внутренне, про себя описывать комнату, простирающуюся перед ним.

Прямоугольная гостиная, примерно в 320 квадратных футов, большая, чем остальные комнаты и кухня, была чрезвычайно просто обставлена. Или хозяин был аскет или финансовое положение не позволяло сделать это лучше. Бледно бежевые, покрашенные стены были голы, лишь на двух противоположных стенах было по картине, таких же несоответственных мебелировке и стилю комнаты, как и коридорная. Видно все делалось наспех и без дизайнера. Небольшая плазменная панель черного цвета, висела примерно на уровне глаз человека среднего роста на противоположной стене от дивана, отчего при ее просмотре с него нужно было заглядывать вверх.

Мартин подошел к журнальному столику, стоящему возле дивана, выполненному из стекла, стоявший на двух изогнутых ногах, и взял пульт от телевизора. На самом столике лежали книги, разные – и цветные и более строгие. Закладок ни в одной не было. На самом диване и столике лежали женские журналы, судя по складкам и помятостям, многократно просмотренные. Также Мартин заметил и другие книги сложенные в противоположной от него торцевой части дивана. Их было много, они были аккуратно уложены в стопки. Разобравшись с книгами, Мартин вспомнил, что держит в руках пульт от телевизора. Воспользовавшись им, включил его, посмотрел какой канал смотрели перед выключением. Это был обычный новостной канал, ничего особенного. Полицейский выключил ТВ, и положил пульт в то самое место, где он лежал до этого.

У смежной с кухней стены стоял диван, простой без изысков, бежевого оттенка, чем-то напомнивший Мартину большого плюшевого медведя. Он был слегка помят и на нем лежало небрежно брошенное, словно в спешке, небольшое покрывало и подушка примятая, с отпечатавшейся на ней головой.

– Стивен! – позвал Мартин. Никто не ответил, он хотел еще раз позвать, но за него из коридора это сделал Чарли и молодой специалист предстал перед ним, неся в руках несколько вещей, видимо найденных в ванной. Обратившись к нему, сказал:

– Посмотри на подушке и диване волосы, если найдешь упакуй в отдельный пакет и подпиши... потом сравним с найденными на расческе и фене!

Молодой человек кивнул и приступил к работе, предварительно уложив свой «улов» в пакеты и сложив их в чемодан. Последнее что было неизучено, это компьютер, одиноко стоявший у углу комнаты, слева от ТВ. Лампочка на системном блоке горела и Мартин решил воспользоваться этим:

– Чарли, как закончишь, подойдешь сюда, попытаемся покопаться в компьютере...

– Зачем Чарли, когда есть я? – удивился Майкл, войдя в гостиную. – О, компьютер в спальне... Сейчас разбудим! – он отрывисто нажал, почти ударив по клавише «пробела».

Экран загорелся и взору полицейских предстал рабочий стол с огромным количеством ярлыков. Майкл наклонившись, стал изучать.

– О, повезло, – без пароля!

Мартин же занялся более знакомым ему делом.

Теперь он стал изучать полы дома. Сначала он осмотрел пол в гостиной, и поскольку он не был ничем покрыт, стало очевидным, что спрятать подземное помещение тут нельзя было. Далее прошелся по дому.

Заглянул в спальню, – полный аскетизм: незастеленная кровать с двумя подушками, разворошенная как будто после бурной или бессонной ночи, две тумбочки по бокам, с часами, лишенные батареек, на левой из них. Мартин заглянул внутрь каждой из тумб, и ничего не обнаружив, стал на колени, заглянув под кровать. Там ничего не оказалось кроме слоя пыли. Детектив усмехнулся. Потом пришла очередь шкафа.

Его дверцы выполняли роль зеркал, отчего Мартин видел себя в нем хорошо. Было не очень светло, поскольку мало света проникало через плотно закрытые жалюзи. Здесь также был телевизор, еще меньший чем в гостиной. Больше ничего. Мартин ногой отодвинул прямоугольный коврик от основания кровати, убедившись что под ним нет люка, поправил все как было. Затем принялся за шкаф. Отодвинув вбок дверь, заметил, что почти вся одежда мужская – несколько костюмов, рубашек, других вещей. Женская же лежала на отдельной полке – ее было не много. Еще пару платьев висело рядом с костюмами в большой секции. Осмотрев все содержимое шкафов, Мартин перешел в ванную. Ванна была небольшая, раз в пять меньше гостиной, но была более заставлена всякой утварью. Здесь были и полочки с полотенцами, и корзина для белья, не говоря уже об обычных предметах которые бывают в ваннах – непосредственно угловая ванна закрытая вовне стеклянными дверьми, туалет и раковина, обширно раскинувшаяся в пространстве. Ванная комната казалось более гармоничной, чем все остальные комнаты, ранее осмотренные. Небольшое окно, выходящее во внутренний двор, было открыто, отчего потоки света свободно гуляли на глазури разноцветного кафеля, наполняя ванну светом. Впрочем, из-за небольшого размера окна, света все равно было мало. На полке над раковиной стояло немного туалетных принадлежностей, зубные щетки, почему-то три штуки. Крем от загара стоял тут же. Крышка унитаза была опущена. Мартин подошел к корзине с грязным бельем, подняв крышку, заглянул внутрь – там также были в основном мужские вещи: рубашки, носки. Аккуратно погрузив руку он перевернул и поменял местами верхнее содержимое с нижним. Под низом оказалось и несколько женских вещей – темное платье и черный, отделанный кружевом бюстгальтер. Кажется, было еще что-то из женского

гардероба, но было плохо видно, и не став напрягаться, Мартин, поправив все как было, закрыл крышку корзины и подошел к душу. Сначала он отодвинул коврик, заглянув под него, водрузил его на место, открывая тонкую стеклянную дверцу ванны. На стенках и дне ванны были капли воды. Кто-то принимал душ еще совсем недавно сегодня. Это вызвало еще несколько версий к жизни.

Если бы кто-то сейчас глянул бы на лицо опытного детектива, которым и являлся Мартин Эвенсон, то наверно не обнаружил бы не единой эмоции или движения мышц. Его невозможно было прочитать. Оно было сосредоточенно-угрюмым. Вся работа кипела внутри, летели мысли, соприкасаясь одна с другой и если удавалось, связывались в предположения и теории, требующие доказательств. Все увиденное, услышанное и учуянное обонянием мгновенно фиксировалось и запоминалось им. Это было одно из его главных достоинств, замечать мелочи сразу связывая их в одно целое картины осматриваемого места. Здесь же, Мартин просто внимательно все запоминал и впитывал, зная что возможно уже больше сюда никогда не попадет, пытаясь здесь и сейчас воссоздать портрет хозяина дома, по его привычной домашней обстановке.

Закончив с душем, детектив подошел к маленькому окну и приподнявшись на цыпочках, выглянул. Из него был виден задний двор, и часть двора соседского. Из состояния задумчивости его вывел Чарли, зашедший в ванную комнату с чемоданом:

– Здесь тоже ставить?

– Везде! Везде, где только можно и технически есть возможность, – сказал задумчиво Мартин, выходя из ванной, видя как Чарли вздохнув, приступил к установке микрофонов и в этом интимном месте, предварительно, как и в других комнатах, все сфотографировал.

Последней комнатой, которую захотел осмотреть Мартин, была кухня. Он справился с ней быстро, она ничем не выделялась среди других, – никаких подземных ходов, или отрезанных голов в холодильнике, лишь немного пищи в картонных коробках в большом холодильнике и почти пустые кухонные полочки. Типичная картина кухни одинокого человека. Мартин вернулся в гостиную, где уже собрались все закончившие свою работу, и осталось лишь дожидаться Чарли, возившегося в ванной.

– Иди, помоги Чарли, пора уходить! – обратился к Айзеку Мартин, затем спросил у Майкла, указав на компьютер. – Что-нибудь нашел? Кстати, экран погаснет?

– Да, минут через пятнадцать, если он ничего не поменял... А так, все как обычно – ничего особенного! Больше программ по его профессии. Быстро пробежал по файловой системе, ничего необычного не обнаружил! Даже порно нет, а это, поверь мне, редкость в современном мире... В принципе, подозреваемый даже пароль не поставил. Если бы было что скрывать, – думаю, пароль бы стоял!

– У тебя тоже есть? – озадачил вопросом напарника Мартин. Сначала Майклу показалось, что он пошутил, но потом, увидев его взгляд, осознал, что коллега вполне серьезен.

– Пароль или что, порно? Ну, есть... так, немного, – замялся с ответом молодой детектив. – Знаешь, плохо, когда человек совсем этим не увлекается или чересчур озабочен... А немного не страшно... Да и то, я давно очень скачивал, все не как не удаю...

– Ладно, проехали! – перебил оправдывающегося напарника Мартин. – Что думаешь об этом Димитрии по увиденному здесь?

– Даже и не знаю... Как то все мертво, сухо... Такое, наверно бывает в отелях, дешевых, где ты временно. Нет фотографий, альбомов, никаких воспоминаний. Ни цветов, ни домашних животных... Так ведь кормушек нет нигде! – ответил на вопросительный взгляд напарника Майкл. – Сухо и необжито, как будто это все временное... Если он не маньяк, то я очень удивлюсь как обычный человек может жить так? Хотя кто их, иностранцев, знает!

– Я тоже ничего особенного не заметил, все блекло, не за что зацепиться, понять характер и описать. Странно, – медленно сказал Мартин, смотря куда-то вдаль. – Все как у всех, но обез-

личное, не тронутое индивидуальным. То что есть женские вещи, ни на что не указывает – это могла быть его подружка или еще кто-то... Конечно, встает вопрос почему он это скрывал, прячась по задним дворам? Только это немного отклоняется от общего устройства его серого мира, – Мартин охватывающим движением головы указал на дом. – И все! Ну что же, послушаем ваше щебетание, мистер Астахов... – после паузы добавил. – Пока не забыл, раз у нас не будет видеокамер, переведи второй патруль на круглосуточное наблюдение и за черным ходом также. Я хочу знать все тайные перемещения подозреваемого! Ясно, что тут он ничего не делал, и не держит... держал ее. А вот куда он ходит по вечерам, интересно будет узнать.

Майкл кивнул, соглашаясь.

Как только Чарли закончил с ванной, он присоединился к коллегам в гостиной и группа из троих людей осторожно покинула помещение таким же путем, как и вошла, предварительно проверив, не оставили ли они следы своего пребывания здесь. В гостиной остались лишь Мартин с молодым напарником для проверки оборудования. Их должны были услышать Чарли с помощниками, вернувшиеся в фургон. Обратную связь держали по рации. Начали с гостиной.

– Как думаешь, что мы сможем узнать? – достаточно громко спросил Майкла Мартин, говоря на отвлеченную тему, чтобы не нести чепухи стандартных фраз. – Хотелось бы получить как можно больше доказательств, чтобы не выкрутился.

Зашипела рация и Майкл, прислушавшись, довольно тихо сказал:

– Переходим в спальню... Громкость нормальная, там снова начнем с громкого разговора и перейдем на тихий. Прием, как слышно вполголоса? Да, прекрасно? Отлично, переходим, – уже нормально произнес Майкл. Мартин и Майкл, таким образом, проверили все комнаты, даже ванную, немного посмеявшись, представляя, что они могут тут услышать. Четкость и громкость звука была просто отлична на всех уровнях и тембрах голоса, по-крайней мере так заявил по рации Чарли, прося напарников быстрее возвращаться, поскольку ему нужно было успеть еще на один выезд.

Оглядываясь по сторонам, напарники незаметно вернулись в фургон.

– О, три с половиной часа провозились! – заметил Майкл, посмотрев на часы. – Предлагаю в оставшееся время до прибытия подозреваемого разъехаться кому куда надо. Отдохнуть, привести себя в порядок, и в половине пятого встретиться в этом же месте. Я и Мартин будем ждать уже здесь. Кто сегодня первым дежурит?

Он, вдруг, словно почувствовав себя старшим в этой операции, начал командовать и раздавать задания. Впрочем, Мартин не стал перечить и в знак согласия кивнул головой.

– Сегодня не могу! – сразу расставил акценты Чарли, беря за плечо Стивена, сказал, – вот он сегодня мне не понадобится, и с аппаратурой он хорошо ладит. Пожалуй, начнем с него. На неделе возможно и я освобожусь... посмотрим!

– Ладно, пускай Стивен остается, а мы с Майклом вечером, около пяти его подменим! – сказал Мартин. – Записывай все что есть, любой шум и шорох! Разбирать завалы будем потом, сейчас как нужно как можно больше наскрести на подозреваемого... Возможно, он разговаривать сам и нам не придется тащить его в участок и выбивать из него показания.

– Как будто ты когда-нибудь этим занимался? – засомневался Майкл. Чарли лишь ухмыльнулся. Уже выходя из автомобиля, Мартин бросил:

– Если надо, то займусь. Рано или поздно надо начинать... Для меня уже поздно – времени совсем чуть-чуть осталось, а он держится... пока. Так что посмотрим! – и захлопнул дверь.

– Он это серьезно? – спросил Чарли Майкл. Эксперт лишь махнул рукой. Вспомнив, что он не на машине, Майкл поспешил догнать напарника, попросив подбросить до участка, чтобы не вызывать такси.

Глава XIII. Друг Оуэн

14.00 pm 2 июня

Перерыва в один час было достаточно чтобы хорошо посидеть, плотно пообедать в офисном кафе, или быстро, в спешке добежать до условно ближайшего итальянского ресторанчика, практически на ходу глотая обед и расплачиваясь. Поэтому трое коллег по работе выбрали первый вариант. Вот уже почти год они собирались здесь в обеденный перерыв. Мерно пережевывая обед и мысли. Плавному течению их и спокойному обеду мешало только одно – Клайв. Он всегда дурачился, строя из себя общественного клоуна, и Дмитрий не как не мог понять, он и в самом деле такой или притворяется. Поскольку пытаться выяснить это у него самого было абсолютно бесполезно, Дмитрий на третьем году знакомства оставил эту идею, воспринимая друга и коллегу таким какой он был или хотел казаться.

И вот теперь, Дмитрий, Клайв и Оуэн сидели возле самого окна кафе, на втором этаже. Из огромного панорамного окна, растянувшегося на всю длину его, можно было наблюдать «живописный» паркинг у главного входа. Через дорогу был автосалон дорогих машин. Люксовые авто стояли за оградой из железной сетки, как непослушные зверьки упрятанные на всякий случай. Сам офис компании был не под стать товару, – небольшое уродливое кирпичное здание, с жалюзями окон. Такой контраст, кажется, интересовал только Дмитрия. Ему вспоминался Нью-Йорк с его зеркально-стеклянными витринами шикарных автосалонов, за которыми скучали продавцы-консультанты. Конечно, он отдавал себе отчет, что не все салоны должны быть столь роскошны, как находившийся под его съемной квартирой. И все же, иногда он перебирал варианты такого соседства, удивляясь глупостям, лезущим без спроса в голову. Но так как это был обед, час безделья, то можно было смириться с такими пустяками в ней, отдающих звоном пустоты. От правильных и тяжелых мыслей в последнее время болела голова, и пропал сон. Легкость и бесполезность мыслей расслабляла, что и требовалось в перерыве между работой.

Дмитрий доев свой обед, уставился в окно, и несмотря на то что солнце светило ему в глаза, безотрывно смотрел куда то в сторону автосалона. Последнее время по известным причинам он стал малоразговорчив не общителен, пряча себя за маской безразличного лица.

Атмосфера кафе была наполнена сливающимся гомоном людей и легким звоном бокалов, ставящихся и поднимающихся со столов десятками рук. Уютно и умиротворенно было здесь, не хотелось ни говорить, ни слушать, просто сидеть и смотреть вслед уплывающему солнцу, приятно ласкавшему лицо и купающего в белых потоках, забирая в небытие образы человеческой жизни.

Воспользовавшись минутной расслабленностью воли, в мозг закралась еще одна мысль-наблюдение – с недавних пор к обету молчания Дмитрия присоединился и Оуэн. Он тоже заметно загрустил и стал молчалив. Теперь не улыбались даже его губы, придавая лицу окончательное мрачное выражение. Дмитрий заметил, что несмотря на его немного за тридцать, он имел довольно много морщин, на лбу три глубоких и две четкие и глубокие между бровей. Складки возле носа на его вытянутом худощавом лице выдавали боль и, наверно, неудовлетворенность. Впрочем, Дмитрий не разбирался в этом, и скорее такие выводы были навеяны, когда то прочитанной в желтой газете заметкой.

Лишь на секунду взглянув на Оуэна и его морщины, Дмитрий вновь вцепился взглядом в пространство за окном, словно там показывали самое интересное кино когда либо снятое человечеством.

– Ярмарка тщеславия, – сказал Оуэн тихим, умиротворенным тоном, смотря на свой стаканчик с колой. Дмитрий, оторвавшись от созерцания солнечных ванн, удивился:

– Что?

– Я вижу ты смотришь на салон...

– Да, в общем, нет! – ответил Дмитрий небрежно.

– Правильно, надо смотреть туда, – как на напоминание того чего мы не сможем добиться здесь! – вмешался Клайв, скуचाвший и оттого стучавший чайной ложкой по керамической чашке, пытаясь наиграть какую то мелодию. – Возможно хотя бы созерцание прекрасного выведет вас обоих из транса... Кстати, Ди, ты не говорил что твоя хандра заразна! Я не хочу ее подхватить...

– Не называй меня так, я же просил, – запротестовал Дмитрий, с него было достаточно издевательств над его именем и фамилией официальными органами. Клайв развел удивленно руками:

– Извиняюсь, просто хотел внести разнообразие... – и обратившись к Оуэну продолжил говорить своим поддельным серьезным тоном, – ну а ты какого черта такой сдвигшийся? Надо что-то делать с вами обоими...

– Со мной ничего делать не надо! – уверенно и отчетливо сказал Оуэн. – Просто надоело сидеть на одном месте. Хочется нового, новых ощущений, творческого вызова...

– Чего? – уже не скрываясь посмеялся Клайв, – то есть ты хочешь чтобы тебя тоже напрягли как этого, – он небрежно указал взглядом на Дмитрия, – дармовщиной? Захотелось почувствовать себя нужным и значительным? Так это не то место, где нужно проявлять себя! Или зависть напала, что Дмитрия перевели наверх?

– Ничего не напало... – отбивался Оуэн, впрочем делая это вяло, без желания.

– Зачем пристаешь к человеку? Может ему захотелось что-то изменить в своей жизни и жизни других людей? Я таких как ты не понимаю... – вмешался Дмитрий, посмотрев на часы.

– И не надо... Если хочешь знать, у меня были, то есть даже еще есть мечты... Но надо отдавать себе отчет, кто ты и что из себя представляешь! Иначе можно переоценить... и заработать глубокую депрессию! Конечно, мир не без добрых людей, – но на всех их не хватает... не всем везет реализоваться, если и дал Бог таланта немного.

Он замолчал. Видимо было что слова эмигранта, приехавшего на готовое, немного но задела, даже такого, как казалось, непробиваемого Клайва. Потеребив ложку, он продолжил:

– И если интересно, я даже пытался добиться мечты... но в погоне за ней чуть не потерял себя! Мечты иногда могут завести далеко и не совсем в ту сторону... Они могут быть маленькие и большие, – но все одинаково тяжелые, требуют жертв. Впрочем не мне тебя учить! Ты планомерно идешь своим путем, признаю... Не каждый сможет ради этой пресловутой мечты сняться с насиженного места и свалить в чужую страну! Это заслуживает уважения, храбрость, я имею в виду. Я бы не смог... хотя, кто знает... еще себя не испытывал, по-настоящему!

– Чего ты все так серьезно воспринимаешь? Я просто хотел чтобы ты не подкалывал Оуэна. Пусть себе побудет наедине сам собой, хотя бы даже в нашей компании... – затараторил Дмитрий, сбившись на акцент, выдающий волнение.

– Да ради Бога, – согласился Клайв, – и вообще, он уже большой, обойдется и без адвокатов!

– Не хватало еще поссориться! – заметил Оуэн, невольно ставший причиной разногласий.

– А никто и не думал! Для закрепления же эффекта дружбы предлагаю сегодня выкурить по трубке мира!? – снова веселым тоном заговорил Клайв. Одновременно и Дмитрий и Оуэн замахали руками и отрицательно головами. Заметив это, Дмитрию стало неловко, словно он действительно передал свое состояние другу.

– Хватит, что в прошлый раз чуть полиция не забрала, – сказал Оуэн. – Я завязал! Хочется немного другого риска... более полезного в плане будущего, что ли...

– Вот, это твоя работа, – сказал Клайв указывая пальцем на Дмитрия, – раньше я от него таких слов не слышал. А я работаю и знаком с ним дольше чем ты!

Несмотря на недовольный тон, Клайв все же был в хорошем расположении духа. Возможно, он уже просто привык к отказам от бурного продолжения вечера:

– Еще минут тридцать у нас есть до возвращения в обитель зла, можно еще несколько раз поменять свое мнение. А нет, так мне же больше достанется... всего и всех! Слышишь, Дима, я кое кого позвал? Помнишь ее..

– Да такое забудешь! После той вечеринку я и пропустил два дня. Теперь не могу такое себе позволить, шеф съест меня за неоправданное доверие!

– Вот примерно такие рамки все время и держат! – начал внезапно, но медленно Оуэн. – Иногда так хочется плюнуть на все, вплоть до приличия, и непременно с пятницы стать свободным. Или с понедельника, без разницы, но главное тогда когда захочется – одно из условий настоящей свободы... Не то чтобы я призывал нарушать закон, нет. Просто под свободой я понимаю нечто, в чем отсутствует жесткая необходимость или рационализм. Выбрал работу по душе – работаешь, разонравилась бросил! Где-то так... Иначе, однажды, приходит момент, когда вдруг, словно после сна проснувшись, понимаешь что делаешь все по уму, взвешивая и анализируя, рационально, ты не достиг ничего и ушел в сторону от своих увлечений, стремлений и желаний, – вдаль от себя! Лишь однообразная погоня за общественным мнением о тебе, оценивающим тебя по неким материальным величинам, служащими стандартом этой оценки. Всегда завидовал людям плевавшим на общественное мнение и имеющим силу ему противостоять, карабкаясь вверх, дюйм за дюймом, к зову своего Я. И там, на вершине, слившись воедино со своей сущностью в пике наслаждения жизнью, смотрят вниз на жалких и восхищающихся ими же, недавно критиковавших их, людей....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.